

ДЕЙСТВИЯ ВОЙСКОВЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

Annotation

В этой книге на поучительных примерах из боевой практики разведывательных подразделений (групп) и отдельных разведчиков показаны способы и средства добывания разведывательных сведений в тылу противника, организация и техника проведения поисков и засад в различных условиях местности и погоды, днем и ночью, рассказывается о том, как надо готовиться к переброске через линию фронта, чтобы успешно выполнить задание командования. Авторы повествуют о мужестве и взаимной выручке воинов-разведчиков, их военной хитрости и находчивости в годы Великой Отечественной войны. Книга представляет интерес для воинов Советской Армии, допризывной молодежи и многих читателей

•

Министерства обороны СССР
ЗАСАДА В ВОРОНЬЕЙ ЛОЩИНЕ
ДВЕ ВЫЛАЗКИ РАЗВЕДГРУППЫ
РАЗВЕДЧИКИ УХОДЯТ В ПОИСК
ПЕРВЫЕ УСПЕХИ И НЕУДАЧИ
СНОВА ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА
С ком. приветом.
В ПОИСКАХ БАЗЫ
ПЕРВЫЕ ВЫЛАЗКИ
ПОМОЩЬ ПАТРИОТОВ
ЗАХВАТ «ЯЗЫКА»
РАЗВЕДГРУППА ПРОДОЛЖАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ
КИЗИЛЬТАШ - МЕСТО БАЗИРОВАНИЯ
АКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАЧАЛИСЬ
РАЗВЕДКА ВРАЖЕСКОГО ГАРНИЗОНА
СОДЕРЖАНИЕ

С. П. Колдашев, Р. М. Пономаренко. С помощью партизан
Серафим Петрович. Колдашев,
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

С.П. КОЛДАШЕВ, Р.М. ПОНОМАРЕНКО, А.С. ФЕДОТОВ

ДЕЙСТВИЯ ВОЙСКОВЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

Ордена Трудового Красного Знамени

Военное издательство
Министерства обороны СССР

Москва - 1974

А.С. Федотов

С РАЗВЕДКИ НАЧИНАЕТСЯ БОЙ

РАЗВЕДГРУППА ДОБЫВАЕТ ВАЖНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Знание врага - ключ к победе. Ни шагу без разведки - таково одно из основных условий успеха любого боя. Командиры во всех видах боевой деятельности на фронтах Великой Отечественной войны пристально изучали противника, тщательно организовывали разведку. А наши войсковые разведчики, неутомимые труженики войны, постоянно показывали образцы беспредельной храбрости, воинского мастерства, непреклонной воли и упорства при выполнении поставленных перед ними боевых задач. Подобно невидимкам, они появлялись то в тылу врага, то в его передовых траншеях, выявляя боевые порядки, систему обороны, захватывали «языков». Все, о чем рассказывается в этих очерках, происходило в действительности, автор лишь заменил имена и некоторые географические названия.

* * *

Перед разведчиками всегда стояла одна неизменная задача - раскрыть планы и замыслы противника. Но это, конечно, не означало, что они рассчитывали получить оперативные или тактические планы врага «в готовом виде». Такое, правда, бывало, но довольно редко, а, как правило, замыслы вражеского командования раскрывались разведчиками по крупицам, в результате настойчивой и кропотливой работы, анализа и сопоставления данных, поступивших из разных источников. По отдельным, иногда едва уловимым признакам, можно было распознать основные изменения, происходившие в стане врага, раскрыть его намерения. Подтвердим это на примере.

В ноябре 1941 года на одном из участков Северо-Западного фронта войска оперативной группы генерал-лейтенанта Грязева остановили противника на дальних подступах к старинному русскому городу Новодубровинску.

Затихли на время жестокие бои, однако в штабе оперативной группы понимали, что затишье это - перед бурей, скоро враг ринется в новое наступление и надо готовиться к новым тяжелым боям. Но чтобы лучше подготовиться к отражению противника, необходимо иметь о нем более или менее полные данные, заранее определить, где

он намерен нанести главный удар, когда и какими силами начнет наступление. Короче говоря, нужно своевременно раскрыть замыслы гитлеровских генералов. И сделать это должна разведка, она обязана дать ответы на возникшие перед командованием вопросы. И хотя наступила оперативная пауза, для солдат и офицеров-разведчиков не было никакой передышки. Разведчики постоянно в действии, им всегда требуется что-то выяснить, проверить. И потому каждый день, каждую ночь отправляются они в поиск или засаду для захвата «языка», пробираются во вражеский тыл, чтобы уточнить расположение немецких полков и дивизий.

Вот и в эту ноябрьскую ночь в сыром блиндаже, наспех сколоченном в трехстах шагах от первой траншеи, сидели три офицера: Вершинин, Вяльцев и Богарников. Стоявший на столе фонарь «летучая мышь» бросал тусклый свет на их озабоченные лица и на бревенчатые, пахнувшие лесом, стены блиндажа. Ветер тоскливо завывал в остывшей железной печурке. Ровно в полночь здесь, на участке стрелкового полка майора Богарникова, начнется одна из обычных разведывательных операций. Впрочем, в данном случае слово «обычная», пожалуй, не совсем соответствует истине. Операция имеет свои особенности, разведчикам еще не приходилось выполнять подобные задания. Она продумана и подготовлена штабом оперативной группы, и поэтому начальник разведки майор Вершинин присутствует здесь, чтобы проследить, как задуманное начнет осуществляться в действительности.

Лейтенант Вяльцев, командир разведгруппы, сегодня снова поведет своих разведчиков в тыл вражеских войск. Но они не будут устраивать засад на дорогах, не будут брать «языков». Им приказано избегать встреч с противником, уклоняться от боя: у них другая задача, может быть, даже попроще. Но если все пройдет успешно, то по расчетам Вершинина разведчики должны принести много интересных сведений о войсках противника. Майор Богарников тоже принимает участие в операции: на участке его полка разведчики будут переходить передний край и ему поручено обеспечить этот переход.

Три офицера, отвечающие за успех дела, сейчас в блиндаже уточняли последние детали предстоящих действий.

- Здесь вас встретит кто-нибудь из офицеров разведотдела, - говорил Вершинин лейтенанту. - Сразу же свяжитесь со мной по

телефону... Пароль и отзыв не забыли?

Вяльцев назвал условные слова, которые потребуются разведчикам при возвращении к своим. Вершинин протянул руку к фонарю и, отвернув рукав шинели, посмотрел на часы.

- Осталось десять минут, - сказал он, обращаясь к Богарникову.

Богарников поднял трубку полевого телефона:

- «Тринадцатый»?... Я - «седьмой»! Начнете через десять минут, ровно в полночь!

«Тринадцатый» - это командир второго батальона. Он проводит ложный ночной поиск, привлекая внимание противника к своему участку. В батальоне все готово. Пулеметы, минометы, артиллерийская батарея поддержки выдвинуты на временные огневые позиции, небольшие группы солдат с соломенными чучелами сосредоточились на «ничейной» полосе, ближе к противнику, укрылись в овражках, ожидают сигнала к действию. Когда сигнал будет дан, они поднимут чучела, начнут их раскачивать, создавая видимость движения с нашей стороны. Немцы, конечно, заметят, забеспокоятся, откроют огонь, наши ответят. Это лишь часть плана той небольшой разведывательной операции, главное произойдет левее, где разведчики «под шумок» пересекут линию фронта. Местом перехода выбрано топкое болото, заросшее редким низкорослым кустарником. Наступившие в последние дни морозы сковали его поверхность, и кое-где можно пройти на лыжах. Разумеется, враг не дремал - на болоте уже появились немецкие патрули и засады, но сплошной линии обороны еще не было. Болото замерзло лишь сверху - ни блиндажей, ни окопов не построишь. Этим и решил воспользоваться майор Вершинин.

- Ну что ж, пошли к разведчикам, - сказал он и направился к выходу.

Вяльцев и Богарников последовали за ним.

Молча шли они по узкому ходу, а кругом стояла непроглядная темнота, посвистывал ветер, поскрипывали, будто стонали, могучие стволы столетних сосен. Вот и первая траншея. Здесь шире, просторнее. Застыли, положив винтовки на бруствер, солдаты Богарникова, стоят, покуривая в рукав, разведчики в белых маскировочных комбинезонах, у каждого рядом лыжи. Вяльцев задержался перед одним из них, положил ему на плечо руку.

- Аня! - проговорил он. - Может, все-таки облегчим рюкзак? Взять у тебя половину груза для разведчиков ничего не стоит!

- Нет, товарищ лейтенант! - девичий голос прозвучал твердо и решительно. - Мое останется при мне! Я уже говорила вам. И не будем больше об этом!

- Ну ладно, ладно, не будем, - неохотно согласился Вяльцев.

Анна Огареева в отряде Вяльцева совсем недавно. Раньше она служила переводчицей немецкого языка в одном из батальонов связи.

Прислушиваясь сейчас к разговору Вяльцева с Огареевой, Вершинин вспомнил первую встречу с ней месяца полтора назад. Когда отряду потребовался переводчик, которого в дальнейшем предполагалось использовать и в качестве радиста, Вершинин направил в батальон своего помощника старшего лейтенанта Зверева подыскать подходящего кандидата. Зверев назвал Огарееву. Сначала Вершинин даже рассердился: «Для такого дела не всякий здоровый парень подойдет, а вы рекомендуете девушку». Зверев настаивал: «Подойдет, товарищ майор, поговорите с ней». Вершинин согласился: «Ладно, пусть явится, посмотрим».

К нему в землянку вошла невысокая крепкая девушка лет двадцати, в солдатской гимнастерке, кирзовых сапогах и, не очень умело приложив руку к синему берету, назвала себя. Из-под черных широких бровей смотрели серые серьезные глаза, в глубине которых чуть заметно играли искорки любопытства: зачем, мол, приказали явиться к этому незнакомому майору?... Рассказать о себе? Ну какая у меня биография. Родилась, окончила школу, с третьего курса института добровольно пошла на фронт... Что произошло на хуторе Майском? Да ничего особенного. Бомбили. Все попрятались в укрытия, я осталась одна в аппаратной... Нет, было страшно и мне, но надо же кому-то оставаться на дежурстве. Когда начался пожар, успела вынести ценную аппаратуру. Только и всего... Немецкий изучала в школе, потом в институте, владею прилично. Здоровье? Не жалуюсь... Спортом увлекаюсь с детства. По лыжам и плаванию даже брала призы...

Беседа длилась долго, сначала о том, о сем, потом о главном, о деле. Заканчивая беседу, Вершинин сказал: «Как видите, я ничего не скрываю от вас. Будет очень трудно, будут лишения, возможна смертельная опасность. Подумайте! Никто вас не неволит, никто не

осудит, если вы, взвесив все, скажете нам «нет». Анна не сказала «нет» и была зачислена в отряд...

Вершинин отвел Вяльцева в сторону.

- Будь внимателен к Анне, - тихо сказал он лейтенанту, - это ее первое испытание. Но заботу проявляй незаметно. Она девушка, видно, с характером, не любит поблажек. И не забудь - от тех условий, какие вы там ей создадите, во многом зависит успех всего дела.

Разговаривая с Вяльцевым, Вершинин поглядывал в сторону противника. Там темно и тихо. Редко-редко взлетит в небо осветительная ракета и на немногие секунды зальет голубым сиянием черный лес и покрытое снегом болото.

Неожиданно где-то недалеко послышалась в ночном безмолвии длинная очередь ручного пулемета. Слабое эхо повторило звуки, унося их в лесные дали. Разведчики разом примолкли, как по команде повернули головы, прислушались. На какое-то мгновение наступила такая тишина, что стало слышно дыхание людей. И вновь ударил пулемет, взметнулись осветительные ракеты, затрещали автоматы. Второй батальон приступил к отвлекающим действиям.

- Приготовиться! - приказал Вершинин.

Вяльцев подал команду по цепочке. Разведчики поправили автоматы, взяли лыжи. Вершинин крепко сжал руку Вяльцева, негромко проговорил:

- Ну, вперед, лейтенант! Удачи всем вам!

Помогая друг другу, разведчики выбирались из траншеи, становились на лыжи и исчезали в густой темноте ноябрьской ночи.

...Настало утро, тусклое, серое.

Холодный, порывистый ветер не умолкая шумит в лесных зарослях, кружит поземку, швыряет снежной крупой в мокрые лица разведчиков, размашисто шагающих на лыжах по сумрачному сосновому бору. Они идут узкой колонной один за другим, соблюдая положенную дистанцию. Впереди с двумя дозорными лейтенант Вяльцев. Рукавом комбинезона он смахивает с разгоряченных, покрасневших щек тающие снежинки, часто поглядывает на компас, проверяя азимут. Сбиться с заданного маршрута в тылу врага - равносильно провалу всего дела, выйдешь не туда, куда нужно, или нарвешься неожиданно на фашистов - задачу уже не выполнишь.

Поэтому Вяльцев старательно выверяет путь следования своего немногочисленного отряда.

«Двадцать километров позади. Вот-вот должны выйти к шоссе на дороге», - прикидывает лейтенант.

Действительно, вскоре меж деревьев показался просвет. Шоссе. Вяльцев останавливает разведчиков, а сам с дозорными направляется к дороге. Встав за корявым стволом старой сосны, смотрит в бинокль. Дозорные Веселов и Угольков тоже маскируются за деревьями в десяти - пятнадцати шагах от своего командира. Шоссе ухоженное, видно, гитлеровцы тщательно следят за порядком. Еще утро, а уже прошли по нему снегоочистительные машины, разбросали выпавший за ночь снег. По обочине стоят шпалерами телеграфные столбы, тянутся нити телефонных проводов. Неподалеку шоссе огибает покрытую редкими соснами гору. В том месте телеграфные столбы уходят в сторону от дороги, по южному склону горы. «Вот она высота двести восемь и пять. Вышли почти точно», - с удовлетворением отмечает про себя Вяльцев. Он долго разглядывает высоту в бинокль, обшаривает каждый бугорок, каждое деревце. «Да, майор Вершинин прав. Место удобное, другого искать не нужно».

Через полчаса разведчики уже расположились на вершине высоты, улеглись за валунами и кочками, будто растворились в снежной белизне в своих белых маскировочных комбинезонах.

Мчались на грузовиках по шоссе вражеские солдаты, ехали в лимузинах фашистские офицеры и не подозревали, что совсем рядом, в каких-нибудь двухстах шагах, внимательно наблюдают за ними советские разведчики.

Вяльцев лежал за голым кустом можжевельника, с аппетитом жевал бекон и скрупулезно изучал окружающую местность. Ветер гонял по косогору снег, наметал пушистые сугробы у огромных валунов, в изобилии разбросанных здесь природой. Серо вокруг, неприглядно, лишь столетние сосны да ели ласкают глаз своим вечнозеленым убором. Временами до слуха Вяльцева долетало тоскливое гудение телеграфных проводов. «Как стемнеет, начнем работу... Вон там подключимся в линию, - размышлял он. - Между этих двух валунов устроим снежную землянку для Огаревой... Охранение лучше всего расположить...»

Рано темнеет в конце ноября. Проглянет день - и уже сереют сумерки, наступает долгая ночь. Как только густая темнота окутала высоту 208,5, зашевелились на ней тени, а через час опять все замерло, словно и нет никого на ее заснеженной вершине.

К Вяльцеву подходили разведчики, докладывали: ячейки для наблюдателей готовы... землянка для Огаревой построена... Последним подошел сержант Бодров, коротко проговорил:

- В линию подключились, товарищ лейтенант!

- Провод замаскирован? Следов не оставили?

- Сам проверил, товарищ лейтенант. Все в порядке!

Вяльцев направился к снежной землянке предупредить Анну. Откинув сначала белую простыню, а затем плащ-палатку, прикрывавшие вход, он боком протиснулся внутрь. В землянке тепло, туда не проникает холодный ветер, слабо светит крохотная лампочка карманного фонарика. Аня сидит на рюкзаке, положив на колени раскрытый блокнот. Густые черные волосы стянуты узкими ремешками с телефонными наушниками.

- Можно начинать! Подключились! - объявил Вяльцев.

- Я это уже поняла, - сказала Анна и, отстегнув один из наушников, протянула его лейтенанту. Тихий шелест, что-то слегка пощелкивает, больше ничего не слышно. Вяльцев ждал, нетерпеливо поглядывая на Анну, как будто от нее что-нибудь зависело. Ждать пришлось довольно долго.

- Что же, так они и будут молчать? - не выдержал Вяльцев.

Анна пожалала плечами. И вдруг громкий мужской голос отрывисто заговорил на чужом, непонятном для Вяльцева языке. Он поспешно вернул наушник Анне. Ее карандаш быстро забегал по листку раскрытого блокнота.

Начался второй этап операции, самый важный для дела и самый простой для разведчиков. Простой? Да как сказать! Не так-то просто просидеть двое-трое суток в снегу, не ледящем ветру, почти не двигаясь и постоянно ожидая смертельной схватки с врагом. Немало воинской отваги, выносливости и терпения придется проявить разведчикам, немало испытать лишений. Им еще предстоит проделать обратный путь через линию фронта, и, может быть, след их уже обнаружен и вражеские егеря поджидают в засаде. Но разведчики знали, на что шли, им не занимать у других мужества. Они готовы ко всему.

В тот хмурый и холодный день, когда разведчики лейтенанта Вяльцева выполняли свое особое задание, расположившись на высоте 208,5, в десяти километрах западнее происходило важное событие, о котором они ничего не знали и знать не могли. В жарко натопленной комнате большого деревянного дома срочно собрались офицеры в серых мундирах и пожилой фашистский генерал, привыкший командовать, резким голосом отдавал приказ о новом наступлении, размахивая указкой и тыча ею в топографическую карту, висевшую на стене.

Объяснив оперативный замысел предстоящего наступления, генерал вернулся к столу, опустил в кресло и предложил желающим высказать свои соображения. Выступавшие говорили о больших потерях и просили перенести начало наступления на более поздний срок.

Генерал, конечно, знал состояние своей армии. Упорное сопротивление русских измотало вверенные ему части, солдаты утомлены, невиданные потери угнетают их. Нужна передышка, нужно дать войскам отдых. Но он знал и другое, о чем не ведали его подчиненные: Гитлер приказал наступать. В эти дни в центре советско-германского фронта шла великая битва за Москву, где, быть может, решался исход всей войны. На всех других направлениях немецкие войска по приказу фюрера должны активными наступательными

действиями громить русских, не позволять им перебрасывать резервы под Москву. И плохо будет тому, кто не выполнит этот приказ.

Терпеливо выслушав подчиненных, генерал сказал, что никакой передышки не будет, советские солдаты утомлены непрерывными боями в не меньшей степени, чем немецкие. Зато на главном, новодубровинском направлении создаются мощные группировки, в пять-шесть раз превосходящие по силам советские. Это гарантирует полный успех. Развивать его будет новая танковая дивизия «Бавария», скрытно прибывшая из Германии. Снегопады, низкая облачность не позволяют летать советской разведывательной авиации, в частях строго соблюдается радиомолчание, следовательно, сосредоточение новой танковой дивизии не может быть вскрыто разведкой. Появление дивизии явится ошеломляющим сюрпризом для советского командования. Кроме того, в тыл к русским будет заброшено специальное диверсионное подразделение, которое совершит налет на штаб советских войск в Павловске, и это будет вторым сюрпризом для них.

Отдав еще несколько коротких распоряжений, генерал закрыл совещание, и офицеры разъехались по своим штабам.

* * *

Майор Вершинин раскрыл лежавший перед ним на столе синий толстый блокнот, углубился в чтение записей, сделанных Анной Огаревой. Майор только что отпустил лейтенанта Вяльцева, доложившего о выполнении задания. Разведчики вернулись без потерь, лишь двое немного обморозили лица. Вершинин доволен. Но совершить вылазку в тыл врага и благополучно вернуться - это еще не все. Вернуться и не принести каких-либо новых сведений о войсках противника - значит впустую потратить усилия, напрасно рисковать жизнями людей. Так что же содержит синий блокнот?

Огарева имела приказ дословно записывать все, что услышит в телефонных наушниках. Однако записей оказалось меньше, чем ожидал Вершинин. Блокнот заполнен только наполовину. Почему? В добросовестности Огаревой Вершинин не сомневался, стало быть, причина в самих гитлеровцах. Телефонная связь существует для того,

чтобы ею широко пользоваться, без нее не обойдется никакой штаб, ни малый, ни большой. Но бывают периоды, когда командование резко ограничивает пользование техническими средствами связи: телефоном, телеграфом, радио. Обычно это происходит в период важной оперативной перегруппировки войск, когда готовится наступление. «Что ж, для начала возьмем на заметку и этот факт. Видимо, гитлеровцы что-то замышляют, - подумал Вершинин. - Перейдем теперь к самим записям». С карандашом в руке он внимательно вчитывался в каждую строчку, стараясь найти в ней что-либо новое о противнике, уловить скрытый смысл. Листы блокнота разделены на две равные части. На левой половине листа дрыгающие, неровные, торопливо записанные немецкие слова, фразы, на правой - аккуратным ровным почерком перевод на русский язык. Телефоны подолгу молчали, и Анна успевала там, в тылу врага, перевести с немецкого ранее записанные слова. Та-ак... Разговор немецких телефонистов... Ничего интересного... Кто-то просит выслать духовой оркестр... Ни названия населенных пунктов, ни наименования воинской части... Стоп! Какая-то телефонограмма. «Срочно. № 103. Штаб 74-го гренадерского полка, командиру 26-й пехотной дивизии. На ваш запрос докладываю: в ночь на 25 ноября русские атаковали 1-й батальон полка, видимо, с целью разведки боем. Ружейно-пулеметным и минометным огнем противник был отбит, не достигнув нашего переднего края. Потери батальона: убитых 2, раненых 3. Жильберт».

Вершинин посмотрел на карту. На ней синим цветом обозначено расположение гитлеровских частей, известных разведотделу. Среди них и 26-я пехотная дивизия. Да и местонахождение частей этой дивизии давно известно. Перехваченная телефонограмма лишь подтверждает ранее полученные данные. Что ж, это тоже неплохо. Но какая разведка боем? Ничего подобного за последние дни не проводилось. Значит речь идет о ложном поиске на участке Богарникова, когда Вяльцев со своей группой переходил линию фронта. Следовательно, противник оценил ложный поиск так, как мы того хотели.

Вершинин снова склонился над синим блокнотом. Опять разговор немецких телефонистов... Ничего интересного... А это что? Посмотрим: «У телефона Лютерс! Кто меня вызывал?» - «Здравствуйте! Говорит Бушенраген. Вам направлено письменное

распоряжение командования. Но дело очень срочное, я передаю суть по телефону. Слушайте внимательно! Сегодня до наступления темноты вы обязаны освободить от своих людей населенные пункты Покровское, Лушаково, Терепичи! Понятно?» - «Объясните, полковник, каковы причины такой спешки и куда я должен направить свое хозяйство?» - «Из письменного распоряжения вам все станет ясным. Приступайте к освобождению помещений, иначе можете опоздать. С наступлением темноты начнут прибывать люди Вебера, и ни одного вашего солдата не должно быть в названных населенных пунктах! До свиданья!»

Вершинин еще раз прочитал эту запись. Лютерс... Бушенраген... Вебер? Лютерс? Бушенраген? Кто они? Надо проверить по картотеке... Вебер? Фамилия знакомая... Вебер... Вспомнил. Генерал-майор Вебер, командир танковой дивизии «Бавария». Вот оно что! Дивизия действовала против нас летом, потом исчезла, ушла куда-то: то ли в резерв, то ли на другой фронт, и с тех пор не попадала в поле зрения нашей разведки. Значит, танковая дивизия «Бавария» вновь появилась на нашем направлении. Такое узнать очень важно. Покровское, Лушаково, Терепичи! Совсем близко к линии фронта. Дивизия уже изготовилась к прыжку. Стало быть, гитлеровцы не сегодня-завтра начнут наступление.

В разведке нет мелочей. Даже одно, случайно оброненное слово может о многом рассказать офицеру-разведчику. В записях Огаревой больше не было ничего заслуживающего внимания, но данные о появлении танковой дивизии «Бавария» представляли очень большую ценность для нашего командования. Труд Вяльцева, его разведчиков не пропал даром. Чтобы получить такие данные, стоило идти на риск.

Отметив на карте район сосредоточения танковой дивизии, майор Вершинин поспешил к генералу Грязеву.

...Разосланная в войска директива генерала Грязева предупреждала: разведка установила, что противник сосредоточивает крупные танковые силы и его наступления следует ожидать со дня на день. Директива предписывала принять все меры к усилению противотанковой обороны. Командиры частей изготовились к отражению врага. Но генерал нервничал. На его просьбу усилить оперативную группу хотя бы одной дивизией штаб фронта ответил: не только дивизии, но и батальона дать не можем, рассчитывайте на свои

силы. «На свои силы! А сколько у меня этих сил?» - волновался генерал и снова брал в руки таблицу соотношения сил, погружался в ее изучение. На одной стороне таблицы указаны части противника, на другой - свои войска: батальонов, дивизионов, танков, орудий у них столько-то, у нас - столько-то. Этот штабной документ - плод совместной творческой деятельности офицеров оперативного и разведывательного отделов. Но если для офицеров оперативного отдела подсчитать свои войска не столь уж трудно, то офицерам разведки оценить силы врага было очень сложно. Для того чтобы цифры в таблице были достоверны, трудились солдаты и офицеры передовых частей, и прежде всего разведчики, работали штабы батальонов, полков, дивизий. В результате в отделе майора Вершинина накопились довольно полные сведения о вражеских войсках, обнаружена новая танковая дивизия - основная ударная сила противника, установлен район ее сосредоточения, что позволило уверенно определить, на каком направлении готовит главный удар вражеское командование. Но как раз эти-то данные и тревожили его больше всего.

Досадливо морщась, генерал изучал таблицу. Ему было на что досадовать. С появлением новой танковой дивизии на новодубровинском направлении противник стал значительно превосходить по силам его войска, особенно по танкам. А в его распоряжении лишь десятков танков - все, что он смог собрать и сосредоточить в своих руках. Удержать оборону у Новодубровинска он не в состоянии, город обречен. Каким бы талантливым и изобретательным ни был командующий, какое бы мужество и упорство ни проявили его войска - законы войны суровы. И один из них гласит, что для прорыва хорошо подготовленной обороны наступающему достаточно создать тройное превосходство в силах. Можно ли удержать рубеж, наспех подготовленный для обороны, если противник, готовясь к наступлению, создал пяти-шестикратное превосходство?

Грязев взволнованно шагал по комнате. Он, конечно, знал, что грандиозное сражение под Москвой потребовало огромного напряжения, там теперь главный фронт войны, туда брошены все резервы, и понимал, что никто не выделит ему сейчас дополнительных сил. Но никто также и не снимет с него ответственности за свой

участок фронта, и мучительный вопрос «Что предпринять?» не выходил из головы.

Остановившись у стола, где лежала карта, Грязев снова и снова всматривался в нанесенную на нее обстановку, и взгляд его подолгу задерживался на синем неровном кружке, обозначавшем район сосредоточения новой танковой дивизии врага. «Наверно, гитлеровцы полагают, что мы не знаем о ней. Знаем, господа, знаем - благодарите моих разведчиков. Потому не будет ни ошеломляющей внезапности, ни вообще никакой неожиданности, на которую вы, вероятно, так рассчитываете... Однако знать-то мы знаем, а вот что противопоставить этой проклятой дивизии... Силенок у нас маловато. Ну что ж, дадим бой теми силами, какие есть. Легкой победы для врага не будет, дорого ему обойдется этот бой».

Почти оголив некоторые участки, генерал снял оттуда воинские части и перебросил их под Новодубровинск, уплотнив тем самым боевые порядки на направлении, где ожидался удар танковой дивизии. Подчищены до крайности тыловые подразделения, розданы полкам последние остатки инженерного имущества для укрепления переднего края, части предупреждены и изготовились к бою. Все, что мог сделать командующий, сделано.

В первый день декабря, на рассвете, гром артиллерийской канонады разорвал морозную тишину, и сотни снарядов, корежа вековые деревья, взметая комья мерзлой земли и снега, обрушились на позиции наших войск.

После артиллерийской подготовки гитлеровцы перешли в атаку, и на новодубровинском направлении завязались жестокие бои, часто доходившие до рукопашных схваток. Стойко держались советские солдаты, мужественно отражали они одну атаку за другой.

Гитлеровский генерал, руководивший боем, рвал и метал: хорошо спланированное и отлично подготовленное наступление явно срывалось. Не считаясь с потерями, он требовал: вперед и только вперед! Но советские войска прочно удерживали занимаемые рубежи. Поздним вечером генерал прекратил атаки, чтобы перегруппировать силы и с утра возобновить наступление. На другой день с рассветом опять гремели пушки, гитлеровцы шли на штурм советских позиций. Видя, что атака снова захлебнулась, немецкий генерал ввел в бой подразделения танковой дивизии «Бавария». Не так-то легко было ему

решиться на этот шаг: ведь дивизия предназначалась для развития успеха, для завершающего удара по советским войскам. Генерал понимал: использовав частично танковую дивизию, он сильно ослабит мощь завершающего удара, который с такой тщательностью готовил. Но другого выхода не было. Однако и эти меры не принесли ощутимого результата. Танки, попав на минные заграждения, подрывались, вспыхивали яркими факелами под перекрестным огнем советских орудий.

...Лишь на третьи сутки врагу удалось на узком участке прорвать фронт нашей обороны. Первым в прорыв устремился небольшой передовой отряд танковой дивизии, имевший специальное задание. На его танках, вцепившись в стальные поручни, сидели диверсанты из полевой абвергруппы номер «сто два-бис». С прорывом обороны советских войск началось претворение в жизнь и того особого мероприятия - «второго сюрприза», о котором несколько дней назад говорил гитлеровский генерал на совещании офицеров. Все взвесил, предусмотрел и рассчитал он, разрабатывая этот план, даже морально-психологический фактор учел. По его расчетам прорыв фронта неизбежно вызовет у русских смятение, растерянность, а может и панику. Вот тогда он нанесет свой заранее рассчитанный удар: его диверсанты уничтожат штаб советского генерала Грязева. В самый критический момент боя советские войска останутся без руководства, будут лишены управления.

С прорывом обороны противника настал тот час, которого гитлеровский генерал с нетерпением ожидал, - диверсионный отряд уже на пути к поселку Павловску, где расположен штаб генерала Грязева.

* * *

- Немецкие танки с десантом пехоты подходят к Павловску, - сказал Грязев, когда вызванные по тревоге офицеры штаба собрались в его кабинете. - Всем немедленно занять свои секторы согласно плану обороны штаба и быть готовыми к отражению врага. Командовать обороной штаба назначаю начальника оперативного отдела майора Дремина. Ему подчиняю все наличные силы штаба, в том числе

майора Аверченко с его танками, которые уже заняли позиции на западной окраине поселка. Майор Вершинин с отрядом Вяльцева тоже поступает в распоряжение Дремина и остается пока в его резерве для парирования всяких неожиданных действий противника... Вы свободны, товарищи, все по местам!

Кабинет командующего опустел.

Когда Вершинин и Дремин пришли в оперативный отдел, там оставался только один дежурный офицер капитан Леснов. Все остальные были уже в окопах на окраине поселка.

Дремин достал из маленького сейфа лист кальки, положил на стол. На кальке в крупном масштабе план Павловска. Вокруг поселка нарисованы пронумерованные кружочки: замаскированные на местности блиндажи с парными постами комендантской роты. Пост № 1 расположен на западной окраине у самого въезда в поселок, посты № 2 и 3 - на северной окраине и далее по два на каждой окраине.

- Штаб приведен в боевую готовность, остается подождать развития событий, - сказал Дремин и провел рукой по кальке. - Враг не ворвется в поселок неожиданно: посты успеют предупредить... Хорошо, что отряд Вяльцева оказался на месте: в случае необходимости бросим его на наиболее опасный участок. Разведчики твои - народ лихой, не подведут.

Зазвонил телефон. Дремин взял трубку.

- Я - Аверченко. Говорю с поста помер один. Вижу колонну танков противника... Штук семнадцать, без десанта, - сообщил танкист.

- Хорошо ли рассмотрели? - переспросил Дремин. - Куда же исчез десант?

- В бинокль отлично вижу фашистские танки, десанта нет! Ну, все, иду в атаку!

Озадаченный Дремин посмотрел на Вершинина.

- Может, и не было никакого десанта на танках?

- Я тоже об этом подумал, - сказал Вершинин. - Однако подтвердилось же сообщение о танках. Значит, десант тоже был. Где-нибудь объявится.

Донеслись далекие выстрелы танковых пушек, сначала редкие, затем частые, слившиеся в единый гул.

- Аверченко схватился с фашистскими танками, - прислушиваясь к стрельбе, заметил Дремин. - Куда же все-таки исчез десант?

Он позвонил на пост номер один, потребовал доложить обстановку.

- Танки майора Аверченко ведут бой метрах в двухстах от поста, - ответили Дремину. - Пять немецких и три наших танка горят.

- А фашистскую пехоту вы наблюдаете?

- Пехоты не вижу, здесь только гитлеровские танки.

Дремин справился об обстановке еще на нескольких постах.

- На других окраинах поселка спокойно, - сказал он Вершинину.

Они прислушались к стрельбе, вдруг разгоревшейся с новой силой и, казалось, приблизившейся к поселку.

Резко и торопливо зазвонил полевой телефон.

- Докладывает старший поста номер четыре рядовой Табунов, - услышал Дремин тревожный голос солдата. - Около ста лыжников в белых комбинезонах идут по лесу на поселок!

- Так. Укажите точнее, где сейчас лыжники, куда идут. Прямо на вас?

- Проходят мимо. Голова колонны на уровне поста, метров двести западнее. Курс прямо на поселок.

- Вас понял. Продолжайте наблюдать! - распорядился Дремин и повернулся к Вершинину:

- Все слышал? Вот и десант объявился. Смотри сюда, - показал он пальцем на лист кальки. - Это четвертый пост... Двести метров западнее... значит, тут голова колонны десантников. Картина ясная: танки с запада, десантники с северо-востока, так сказать, концентрический удар по нашему штабу. Ну, майор, давай с разведчиками навстречу десанникам.

- Понятно! - сказал Вершинин и схватил телефонную трубку. - Вяльцев! Весь отряд по боевой тревоге к дому оперативного отдела!

...Вот и последний дом, околица. За ней - широкая полоса голого кустарника, вырубка и темный лес. В кустарнике в неглубоких окопчиках пятеро офицеров из отдела кадров, занявших оборону. Один из них вылез из окопа, подошел к Вершинину.

- Привет, майор! Зачем пожаловал, мы в подмоге пока не нуждаемся, - бодро проговорил он. Офицер еще ничего не знал о десанте противника.

- По приказу майора Дремина я принимаю этот сектор на себя, - сказал Вершинин. - Можете возвращаться со своими людьми к себе в

отдел.

По ветхой скрипучей лестнице Вершинин и Вяльцев поднялись на чердак дома. Лыжников, скользивших в направлении поселка, они увидели сразу же. Вяльцев посмотрел в бинокль.

- Человек восемьдесят, пожалуй, будет, - проговорил он.

Вершинин ничего не сказал, обдумывая, как лучше расположить разведчиков. Лыжники близко, через считанные минуты они будут у околицы, уже не успеешь ни окопаться, ни устроить засаду.

- Ну что ж, здесь и примем бой, - решил он. - Ручной пулемет, товарищ Вяльцев, установите тут, на чердаке, остальным занять позиции в кустарнике, сразу за околицей.

Через минуту из-за домов показались разведчики и, низко пригибаясь к земле, рассыпались по кустарнику.

Вершинин остался на чердаке рядом с пулеметчиком. Он видел, как лыжники остановились на опушке леса, затем человек десять из них направились к поселку.

- Выслали разведку, - сказал Вершинин. - Подпустим поближе.

Лыжники приближались, до них уже двести метров... сто пятьдесят.

- Огонь! - негромко скомандовал Вершинин.

Шестеро гитлеровцев упали, четверо побежали обратно, но, скошенные огнем ручного пулемета, тоже остались лежать на снегу. Вершинин перевел бинокль на опушку леса. Две красные ракеты взвились в серое небо.

Фашистские лыжники снова перестроились в колонну и быстро заскользили в глубину бора.

- Уходят, товарищ майор, - сказал Вяльцев, поднявшийся на чердак.

- Вижу, - проговорил Вершинин. - Кому-то просигналили ракетами и поспешили убраться. Пожалуй, на этом все и закончится, опасность для нас миновала. Оставайтесь тут на всякий случай еще с полчаса, а я пойду в штаб, доложу командованию, может быть, найдутся средства где-нибудь перехватить диверсантов. И вот что! Осмотрите тех лыжников, и если есть живые - доставьте в разведотдел.

Вершинин ушел.

- Можно закурить, - разрешил Вяльцев. - Но смотреть в оба. Рязанцев, Савко, Петяшин, за мной!

Утопая по колено в снегу, Вяльцев с тремя разведчиками зашагал к лежавшим неподалеку гитлеровцам. Шестеро лежали рядом, насмерть сраженные огнем советских солдат. Трупы обыскали, забрали оружие, лыжи. Седьмой фашист распластался поодаль. Вяльцеву показалось, что он пошевелился. Помня приказание Вершинина, лейтенант с разведчиками поспешили к нему. Гитлеровец приоткрыл глаза, застонал, когда из его рук взяли автомат. Лицо его было смертельно бледным, посиневшие губы крепко сжаты. «Умрет еще», - забеспокоился Вяльцев и приказал Рязанцеву перевязать лыжника.

Рязанцев вынул из кармана пакетик с бинтом, надорвал его и нагнулся над раненым. Вдруг фашист дернулся, выхватил финский нож, ударил им разведчика в живот. Охнув, Рязанцев отскочил в сторону.

- Ах ты, гадина! - выругался Петяшин и занес приклад автомата над головой лыжника.

- Стой, Петяшин, стой! - остановил его Вяльцев, ногой вышиб нож из руки гитлеровца. - Эту скотину надо живым доставить к майору. Обыщи получше, может, у него еще какое-нибудь оружие осталось, и перевяжи потом.

Вяльцев подошел к Рязанцеву, который, расстегнув полушубок и задрал гимнастерку, ощупывал свой живот. На его пальцах краснела кровь.

- Ну-ка, дай я взгляну, - сказал Вяльцев и осмотрел рану. - Держи гимнастерку, сейчас перевяжу. Рана ерундовая, касательная, полушубок тебя спас. Как же ты, Рязанцев, опростоволосился, позволил фрицу ударить себя?

- Да я, товарищ лейтенант, никак не думал... Я же его перевязать хотел.

- На войне, Рязанцев, не думать нельзя. С фашистами всегда держи ухо востро. Для них не существует ни чести, ни совести, на любую подлость пойдут. Ты это запомни и не будь простофилей. Ну вот и все, - сказал Вяльцев, туго завязав бинт на животе Рязанцева.

Раненого гитлеровца перевязали и, уложив на трофейные лыжи, повезли к поселку.

...Вершинин вошел в дом, где расположился его отдел. В полутемных сенях в углу стоял какой-то человек, рядом на пустом

ящике сидел другой. Со света Вершинин не сразу разглядел, что это за люди. Сидевший на ящике поднялся.

- Товарищ майор! Рядовой Пинчук, охраняю пленного фашиста.

Вершинин узнал знакомого солдата из комендантской роты.

- Что же вы его в угол носом поставили, как провинившегося мальчишку?

- А он и есть виноватый, в чужой огород залез, фриц проклятый. Там ваши другого допрашивают, - кивнул головой на дверь солдат.

В накуренной комнате за столом сидели капитан Егоров и переводчик лейтенант Хольмин, а напротив, за тем же столом - худой светловолосый гитлеровец с погонами фельдфебеля. Заметив вошедшего Вершинина, офицеры встали.

- Где раздобыли этого пленного? - спросил Вершинин.

- Командир танка, того единственного, что прорвался в поселок. Взят солдатами комендантской роты, - ответил Егоров. - Трое их вывалилось из горящего танка. Второй дожидается очереди в сенях, а третий пытался бежать - пристрелили. Фельдфебель дает интересные сведения. Его танковая рота имела задачу прорваться в Павловск и во взаимодействии с отрядом диверсантов разгромить наш штаб.

- Любопытно. Выходит, врагу известно, где расположен штаб группы? - заинтересовался Вершинин.

- Выходит так, - подтвердил Егоров и тут же добавил: - А может, они только предполагали, что штаб в Павловске. Диверсанты следовали десантом на танках до Малых Выселок, потом пошли на лыжах самостоятельно, чтобы одновременно с танками ударить по поселку.

- Значит, нацелили на наш штаб и танки и специальный диверсионный отряд, - проговорил Вершинин. - Одновременный удар... Не получился он у них.

В дверь постучали.

- Входите, - разрешил Вершинин.

В комнату вошел разведчик Петяшин в овчинном полушубке, с автоматом на груди.

- Товарищ майор, по приказанию лейтенанта Вяльцева доставил в ваше распоряжение раненого пленного лыжника, офицера, - доложил он, приложив руку к ушанке.

- Даже офицера! - оживился Вершинин. - И тяжело он ранен?

- Стонет, товарищ майор. А когда Рязанцев хотел его перевязать, так пырнул его ножом в живот.

- Вот как! Стало быть, из тех оголтелых, «образцовых» солдат фюрера, что «с оскалом дикого зверя», - сказал Вершинин. - Что ж, посмотрим, какой тигр попал нам в сети. Отнесите его в соседний дом, в мою комнату.

- Слушаюсь, товарищ майор. - Петяшин повернулся кругом, вышел из комнаты.

- Допрос фельдфебеля придется прервать, - сказал Вершинин Егорову. - Переводчика у вас забираю. Нужно срочно допросить того диверсанта, это сейчас важнее. Пойдемте, товарищ Хольмин.

В комнате Вершинина, на старом диване, сохранившемся с мирного времени, лежал маленький тщедушный гитлеровец с нежным женственным лицом. Белый окровавленный комбинезон спущен до пояса, серый офицерский китель с лейтенантскими погонами расстегнут, держится на одном плече. Другое плечо и рука оголены, перевязаны свежими бинтами. Лихорадочно блестящие глаза неподвижно устремлены в потолок. Он не повернул головы, когда в комнату вошли Вершинин и Хольмин, лишь зло скосил глаза в их сторону.

- Как вы себя чувствуете, лейтенант? - спросил Хольмин.

- Вы всегда начинаете со светского разговора свои допросы? Может, поинтересуетесь, как я изволил доехать? - не глядя на переводчика, ответил пленный.

- Очень может быть, что поинтересуемся и этим, - спокойно сказал Хольмин. Через его руки всякие гитлеровцы проходили - и заносчивые, и равнодушные ко всему, и молчаливые или, наоборот, с готовностью отвечавшие на любые вопросы. - Вижу, вам оказана первая помощь?

- Да, благодарю.

- Ваше имя?

- Фридрих Шельх, если угодно [1].

- С какого времени служите в войсках СС? - задал вопрос молчавший до сих пор Вершинин.

Хольмин перевел.

Шельх впервые повернул голову, посмотрел на Вершинина. В его глазах промелькнула растерянность.

- Я не эсэсовец, - запротестовал он. - Я офицер германской армии и с гестапо не имею ничего общего. Я служу в армейском подразделении.

- В каком? Конкретнее!

- В специальном отряде абвергруппы «сто два-бис».

- Какую задачу выполнял ваш отряд?

- Больше я ничего не скажу. Мне плохо, я устал. - Шельх закрыл глаза.

- Не желаете отвечать - ваше дело. Но мы ведь можем рассматривать вас не как военнопленного, а как военного преступника, потому что ударить ножом человека, который оказывает вам медицинскую помощь и поэтому не готов к защите, - есть низкое преступление. Или вы не согласны?

- По-нашему это называется выполнением приказа.

Он снова закрыл глаза и перестал отвечать на вопросы. То ли ему действительно сделалось плохо, то ли притворился. Вершинин не настаивал.

- Ладно, - сказал он. - На первый раз хватит с него. Передайте разведчикам, чтобы отнесли лейтенанта в санчасть. Мы поговорим с ним позже.

* * *

Несмотря на большое превосходство вражеских сил, бои в районе Новодубровинска продолжались трое суток, враг понес значительные потери и был вынужден раньше времени израсходовать свои резервы, а его план окружения и уничтожения советских войск оказался сорванным. Сделать это удалось только потому, что наше командование своевременно получило от разведки данные, позволившие разгадать намерения гитлеровцев.

Разведгруппа лейтенанта Вяльцева доставила в штаб запись перехваченных телефонных разговоров, в которых, казалось бы, не было ничего существенного, но лишь одна случайно названная фамилия дала возможность определить прибытие на фронт новой танковой дивизии гитлеровцев, сделать правильные выводы о замыслах противника.

ЗАСАДА В ВОРОНЬЕЙ ЛОЩИНЕ

Как известно, засада - это тактический способ действий для внезапного нападения на противника из укрытия на путях его движения. Способ древнейший, применялся во всех войнах всеми воюющими сторонами. И сегодня этот способ боевых действий не только не изжил себя, а наоборот, при подвижных формах современного боя найдет самое широкое применение.

Во время Великой Отечественной войны засады успешно использовались советскими воинами, особенно разведчиками, в самой различной боевой обстановке: и в обороне, и в наступлении, и при преследовании отходящего противника. Нередко засады применялись разведчиками для борьбы с немецко-фашистской разведкой.

В феврале 1942 года на одном из участков Северо-Западного фронта крупный диверсионный отряд гитлеровцев просочился в тыл нашей армии, совершил подлую диверсию и ушел назад за линию фронта. Случай, как говорится, из ряда вон выходящий, и, разумеется, командование не могло оставить его без внимания. Срочно собралось заседание Военного совета.

- Не думал я, товарищи, что сегодняшнее заседание Военного совета нашей армии, - говорил председательствующий генерал-лейтенант Грибов, - придется начинать с обсуждения такого чрезвычайного происшествия, как разбойничья диверсия врага в Ромашинске, стоившая нам многих человеческих жизней. Для расследования этого трагического происшествия мною была создана специальная комиссия во главе с начальником особого отдела полковником Молочковым, которая побывала на месте и выяснила обстоятельства дела. Сейчас товарищ Молочков доложит нам свое заключение. Военный совет интересуют прежде всего ответы на следующие вопросы: как могли диверсанты незамеченными проникнуть в наш тыл на глубину пятьдесят километров и были ли приняты своевременные меры к отражению нападения диверсантов в самом Ромашинске? Прошу, товарищ Молочков.

Поднялся высокий полковник с петлицами пограничных войск. Его густая седеющая шевелюра аккуратно расчесана на косой пробор, лицо землистое, но гладкое, почти без морщин, хотя ему, по-видимому,

уже под пятьдесят. Как и сам командующий, полковник Молочков прибыл в армию всего лишь несколько дней назад.

- Как известно, в Ромашинске не имеется каких-либо особо важных военных объектов, - начал он. - Там располагаются всего лишь небольшие воинские склады, автобаза, ремонтные мастерские и полевой госпиталь. Караульная рота, охраняющая склады, является единственным строевым подразделением в городке.

Как мог отряд диверсантов незаметно проникнуть в тыл наших войск на глубину пятьдесят километров? Кто в том повинен? Докладываю Военному совету, что комиссия не может предъявить претензий ни к офицерам, ни к солдатам тех частей, через участки которых прошли диверсанты. Никакого нарушения в несении боевой службы с их стороны комиссией не установлено. В том, что диверсанты прошли незамеченными, повинно стечение обстоятельств, случайных и неслучайных.

Передний край обороны нашей армии не имеет сплошного фронта, есть участки, которые либо совсем не защищены, либо защищены очень слабо. Участки те лесисто-болотистые, труднопроходимые, крупные воинские части там не пройдут, но небольшие отряды просочиться могут. На тех участках нашими войсками ведется периодическое патрулирование, проложены контрольные лыжни. При нормальных условиях переход через контрольную лыжню даже одиночных солдат противника будет обнаружен по следам очень скоро, поднимется тревога, будет организовано преследование. Но беда в том, что вражеская разведка воспользовалась снежным бураном. Командиры наших частей приняли необходимые меры, усилили патрулирование, направляя через каждые тридцать минут новые группы лыжников. Но пурга сделала свое дело, ограничила видимость до нескольких шагов, занесла лыжню. Следы на снегу исчезали под бураном через две-три минуты. Обвинять кого-либо в том, что в таких условиях диверсанты проскочили в открытый промежуток, нельзя.

Фашисты вошли в городок с двух сторон, предварительно порвав линии проводной связи и изолировав таким образом Ромашинск от внешнего мира. Одна из групп блокировала здание комендатуры, где размещалась караульная рота, вернее, часть солдат этой роты,

свободная от караулов и нарядов. Фашисты забросали помещение ручными гранатами, били по окнам из автоматов.

Комендант капитан Бакин, отвечающий за оборону городка, находился в комендатуре, откуда он длительное время не мог вырваться. Когда же ему удалось вывести своих людей из заблокированного здания и атаковать диверсантов, другая группа фашистов уже успела натворить немало бед: разгромила полевой госпиталь, подожгла автобазу.

Главной целью диверсии, видимо, было уничтожить воинские склады, но караулы, охранявшие их, отбили атаку гитлеровцев. Пострадала лишь незначительная часть продовольственного склада, подожженного диверсантами. Комиссия пришла к выводу, что капитан Бакин со своей ротой сумел организовать отпор диверсантам, отогнал их от городка, словом, принял все меры, какие только можно было принять в той обстановке.

В результате сопротивления малочисленного гарнизона городка диверсанты потеряли в Ромашинске двадцать человек убитыми и восемь ранеными. Что касается наших потерь, то вот списки погибших, - сказал в заключение Молочков и положил их на стол командующего.

Грибов посмотрел списки, покачал головой, потом, отыскав глазами Вершинина, спросил:

- Начальник разведки! Располагает ли ваш отдел какими-либо сведениями о диверсионных подразделениях врага?

Вершинин встал.

- Докладываю Военному совету, что мелкие диверсионные налеты противник начал совершать еще летом. В тыл наших войск засылались небольшие группы диверсантов, которые портили линии связи, нападали на автомашины, на отдельных солдат и командиров. В последнее время враг перешел к действиям крупным диверсионным отрядом, с более широкими целями. В начале декабря была предпринята попытка совершить налет на штаб нашей оперативной группы, а три дня назад произошло нападение на Ромашинск. Отдел располагает данными, что на нашем направлении действует специальная часть абвера - полевая абвергруппа номер «сто два-бис», задачей которой является организация шпионажа и диверсий против советских войск. При абвергруппе сформирован отряд диверсантов,

насчитывающий более ста отборных и хорошо обученных солдат. В последних двух операциях отряд действовал в полном составе. Абвергруппа «сто два-бис» законспирирована под обычную воинскую часть, ее местонахождение пока не установлено. Это все, что я могу доложить.

- Маловато, товарищ майор, - заметил Грибов.

- Да, товарищ командующий. Сведения скудные. Но до недавнего времени мы вообще не имели никаких данных о диверсионных частях противника, поскольку к нам не попадало ни одного живого диверсанта. Лишь в декабре попал к нам первый пленный из абвергруппы - офицер диверсионного отряда лейтенант Шельх, да в Ромашинске диверсанты оставили нескольких своих раненых. В составе комиссии туда выезжал и офицер разведотдела, он их допрашивал.

- Благодарю, Вершинин, садитесь, - сказал командующий и продолжал. - Могу вас информировать, товарищи: армия пополняется двумя новыми дивизиями, их первые эшелоны уже начинают прибывать. Это позволит нам заполнить пустые промежутки на переднем крае, следовательно, фронт нашей армии станет сплошным.

Таким образом, для врага будут закрыты легкие пути проникновения в наши тылы. Это, конечно, не значит, что враг прекратит разведывательную и диверсионную деятельность. Он будет искать новые пути. Поэтому прошу начальника штаба подготовить директиву войскам о повышении бдительности, усилении охраны тыловых коммуникаций и объектов. Это во-первых. А во-вторых, надо подумать о контрмерах, об активной борьбе с диверсантами. Происшедшее в Ромашинске больше не должно повториться. Поручим это дело начальнику разведки.

Вершинин встал.

Грибов окинул его изучающим взглядом:

- Вы ведь здешний ветеран, Вершинин, участок фронта вам хорошо известен. Завтра к вечеру доложите мне свои соображения на этот счет.

...Заседание Военного совета еще продолжалось, а Вершинин уже был захвачен новым, только что полученным поручением командующего. Задание сложное и не совсем обычное для начальника разведки. Нельзя больше позволять диверсантам творить свои черные

дела в наших тылах. Нельзя - это ясно для всех, но как пресечь их разбойничьи действия, где и как расставить для них капканы? Что придумает враг, куда пошлет своих головорезов, с какими целями? Диверсанты скоро появятся, сомневаться в этом не приходится, не для того же противник создавал свой диверсионный отряд, чтобы тот отсиживался в бездействии.

Дождавшись конца заседания, Вершинин поспешил к себе в отдел.

С чего начать?

Возникали вопросы, на которые он не находил пока ответов. Вершинин закурил, прошелся по комнате раз-другой, стараясь успокоиться и сосредоточиться. Потом вернулся к столу.

Постепенно мысли обрели последовательность. Во-первых, надо определить, когда враг сможет начать новую диверсионную операцию? Вероятно, не раньше чем через неделю, а то и через две. Он, конечно, понимает, что диверсия в Ромашинске нас взволновала, повысила бдительность, и будет ждать, когда мы успокоимся. Значит, время для подготовки контрмер у нас имеется. Во-вторых, каким путем он может забросить к нам своих людей? Возможно, это будет воздушный десант? Едва ли. Пленный лейтенант Шельх показал, что диверсанты не проходили парашютной подготовки. Стало быть, пойдут через передний крал, как уже ходили. Но где? В каком месте попытаются они проскочить?

Вершинин посмотрел на карту. Красная линия, обозначающая передний край обороны советских войск, тянется поперек всей карты. Кое-где линия прерывается - сплошного фронта пока нет. Пустые промежутки в нашей обороне труднопроходимы, но диверсанты прошли - видно, опытные лыжники. Значит, они там проходили и будут пытаться снова пройти. Однако эти лазейки для них закрываются. В нашу армию прибывают новые дивизии, боевые порядки уплотнятся, промежутков не останется. Диверсантам станет трудно, но это их не остановит, они будут искать проходы. Стоп... Они будут искать... А если им «помочь»? Оставить где-нибудь удобный проход. Да, да. Оставить проход, втянуть диверсантов в западню. Но враг ведь может изменить тактику, возьмет и направит к нам в тыл не весь отряд, а мелкие группы в разных местах, с различными диверсионными задачами. Как быть тогда?... М-да. Но, пожалуй,

абвергруппа не станет дробить свой отряд. Там замахнулись на крупные дела. Донести в Берлин об уничтожении советского гарнизона или крупной тыловой базы для врага гораздо важнее, чем перечислять количество отдельных автомашин, подорванных мелкими диверсионными группами на наших тыловых дорогах. Значит, будем исходить из того, что противник станет действовать всем отрядом сразу. Теперь попытаемся определить возможный объект диверсии.

Вершинин снова углубился в изучение карты.

Нет, это предусмотреть невозможно, по крайней мере сейчас. Кто, например, мог предвидеть, что противник направит свой удар на маленький прифронтовой городок Ромашинск. Слишком многое может его заинтересовать в нашем тылу. Следовательно, напрашивается единственное решение: не пускать диверсантов в глубину нашего тыла, расставить ловушки где-то близ переднего края и там разгромить их. Так, пожалуй, и будем решать эту нелегкую задачу...

Вершинин еще поразмышлял над картой, потом вызвал к себе капитанов Зверева и Егорова.

...Они работали всю ночь. Когда электрическая лампочка, ярко горевшая над столом, замигала и потухла, капитан Зверев, оторвавшись от бумаг, удивленно воскликнул:

- Неужели уже утро и станция выключила свет?

Вершинин подошел к окну, отдернул плотную маскировочную занавеску. Зимнее солнце тускло просвечивало сквозь серую пелену облаков, медленно падали редкие снежинки. Напротив, у дома оперативного отдела, прохаживался часовой в полушубке, с автоматом на груди, по улице деловито сновали офицеры штаба, спешившие по своим делам. Начинался новый трудовой день армейского штаба, а для офицеров разведки, находившихся в кабинете майора Вершинина, он и не кончался.

- Как будто все предусмотрели, товарищи, - сказал Вершинин, возвращаясь к столу. - Идите-ка отдыхать.

Зверев и Егоров ушли.

«Как будто все предусмотрели... Как будто... если, конечно, противник будет действовать так, как мы ожидаем».

Вершинин собрал со стола документы, над которыми проработал всю ночь со своими помощниками, и положил их в папку, секунду

подумал и размашисто написал красным карандашом на обложке: «План ВЛ».

Эти две буквы были взяты им для кодового наименования плана не случайно. Есть на правом фланге армии безымянная лощина, что прорезает передний край и неширокой изогнутой полосой простирается в глубину нашей обороны. Дней десять назад Вершинин побывал в тех краях и с небольшой высоты хорошо рассмотрел лощину. Она лежала перед ним в сумрачной пелене зимнего дня, угрюмая, неприглядная, окаймленная крутыми скалистыми возвышенностями, поросшими редким сосновым лесом. В самой же лощине почти никакой растительности: камни, овраги да гробовая тишина. Лишь две вороны черными точками кружились над нею, изредка каркая, и это карканье, подхваченное эхом, гулко разносилось окрест, постепенно замирая вдали. «Удручающая картина, - подумалось тогда Вершинину. - Прямо-таки воронья лощина из какой-нибудь страшной сказки».

В расчетах, что лежали сейчас в папке на столе, этой лощине отведена главная роль и названа она условно Вороньей, потому Вершинин и закодировал свой план буквами ВЛ, что сокращенно означало Воронья лощина.

Майор убрал папку в железный ящик, служивший ему сейфом, вызвал ординарца, приказал разбудить его через два часа и, не раздеваясь, лег на койку.

Вечером он доложил план командующему и получил «добро». С этого момента началась кропотливая работа по претворению в жизнь плана ВЛ. Через день старший лейтенант Вяльцев, подробно проинструктированный начальником разведки, увел свой отряд в назначенное место. Через два дня, по приказу Грибова, на правый фланг выдвинулась из резерва стрелковая бригада, которую недавно принял Богарников (к этому времени уже подполковник), закрыла густые промежутки в нашей обороне. Лишь на одном участке, где простиралась меж скалистых высот узкая лощина, оставался открытым небольшой клочок фронта.

...Все эти дни Вершинин находился в напряженном ожидании. Давно все готово к встрече диверсантов. Воронья лощина взята под постоянное наблюдение, ждут там врага в полной боевой готовности разведчики старшего лейтенанта Вяльцева, дежурят у минометов

солдаты из бригады Богарникова, а диверсанты не появляются. Терзают сомнения майора Вершинина, не ошибся ли в предположениях, не слишком ли уверовал в свои расчеты? Пошлет ли враг диверсантов через лощину? Если изберет другой путь, то план ВЛ лопнет, как мыльный пузырь.

«Но где же им идти, как не через Воронью, - успокаивал себя Вершинин. - Другого пути нет. Не станут же они с боем прорываться в наши тылы через передний край. Так-то оно так, да кто его знает, могут ведь придумать что-нибудь неожиданное».

Обуреваемый сомнениями, начальник разведки внимательно анализировал все данные о противнике. Это, конечно, ему и по должности положено, но теперь ко всему прочему он стремился найти в тех данных какие-нибудь признаки подготовки новой крупной диверсии. А таких признаков нет, даже самых малых. Сидят гитлеровцы в окопах спокойно, зарылись в землю. Правда, недавно они вдруг активизировали разведку: в течение трех дней обследовали наш передний край по всему фронту. Но это в порядке вещей, мы тоже не сидим сложа руки, тоже ходим к ним каждую ночь. А в районе Вороньей лощины полная тишина, никакой активности враг не проявляет, и лишь однажды Вяльцев сообщил, что его патруль обнаружил в лощине лыжные следы. Видимо, там побывали вражеские разведчики, но они прошли не глубоко, быстро ретировались обратно. Все-таки кто-то заинтересовался Вороньей лощиной. Имеет ли это отношение к полевой абвергруппе «сто два-бис»? Может да, а может и нет.

Прошло еще несколько дней.

По-прежнему тихо в Вороньей лощине, никто не появляется, разве только самолеты с черными крестами на крыльях порой пролетят над ней. Однако воздушные разведчики врага летают и над другими участками нашего фронта.

Вершинин ждал. Сомнения не оставляли его, но в свой план он верил и не терял надежды. На его столе лежала пара радионаушников, и от них тянулись провода в соседнюю комнату, где находилась радиостанция. Круглые сутки непрерывно дежурили радисты, держали связь с Вяльцевым. Пожалуй, слова «держали связь» не совсем отвечали действительности. Вяльцев молчал. Опасаясь, что фашисты засекут рацию и раскроют наши планы, ему приказано было выходить

в эфир только в том случае, если в Вороньей лощине появятся гитлеровцы.

Уходя из кабинета, Вершинин в эти дни обязательно оставлял там своего помощника капитана Зверева, чтобы тот при необходимости мог принять нужные меры. Но Вяльцев молчал.

...Пошли восьмые сутки с тех пор, как начались беспокойства майора Вершинина, связанные с планом ВЛ. И вот в пятом часу утра, когда он сидел за столом в своей комнате и работал над какими-то документами, в дверь без стука влетел капитан Зверев, радостно крикнул:

- Вяльцев вызывает.

Вершинин схватил наушники, торопливо раскрыл переговорную таблицу. Зверев помог ему развернуть карту на столе. В наушниках прозвучал далекий голос радистки Анны Огаревой, скороговоркой передавшей несколько цифр. С помощью переговорной таблицы Вершинин тут же обратил эти цифры в слова:

«Десять солдат противника в квадрате 12. Движение на восток. Жду указаний».

Вершинин склонился над картой. Район Вороньей лощины обведен красным карандашом, разграфлен на мелкие пронумерованные квадраты. Квадрат 12 - в четырехстах метрах от входа в лощину, засада Вяльцева - в тысяча пятистах. Лицо Вершинина выражало досаду. Ждали целый отряд, а идет всего лишь десяток солдат. Выходит, противник меняет тактику, начал действовать мелкими группами. А может быть, это и не люди абвергруппы, а только ее разведка? Если это диверсионная группа, то надо отдать приказ Вяльцеву вступить в бой - диверсантов нельзя пропустить в наши тылы. А если это разведка, посланная абвергруппой? Тогда, начав бой, мы раскроем врагу весь свой план. Времени на размышление у Вершинина всего одна минута. За минуту нужно оценить сложившуюся обстановку, принять решение и отдать приказ Вяльцеву.

Майор решительно подвигает блокнот, набрасывает несколько цифр и, вырвав листок, передает его Звереву. Тот спешит в соседнюю комнату к радистам. Приказание короткое: «Докладывать о движении группы каждую минуту».

Вершинин ждет, что сообщит Вяльцев. Наконец в наушниках звучит голос Огаревой. Раскодированные цифры выглядят так: «Группа вошла в квадрат 18».

Вершинин и Зверев впились глазами в карту. До района засады осталось каких-нибудь метров триста-четырееста. Вершинин быстро пишет несколько цифр, и Зверев несет новое приказание Вяльцеву: «Группу пропустить. Себя не обнаруживать».

Опять томительное ожидание. Что предпримет вражеская группа? Часы отсчитывают секунды. Прошла минута, две. Почему тянет Вяльцев?

- Разрешите закурить? - хриплым от волнения голосом просит Зверев.

Вершинин кивает головой и сам протягивает руку за папиросой. И вот в наушниках снова зашипело. Вяльцев доносил: «В квадрате 19 группа повернула назад. Уходит на запад».

Вершинин и Зверев переглянулись и одновременно вздохнули с облегчением.

- То была всего лишь разведка, - сказал Зверев. - Но чья?

- Уверен, что к этому делу причастна абвергруппа «сто два-бис». Кому еще нужна лощина? Противник ищет проходы, хотел вызвать наш огонь, выяснить расположение огневых точек. И мы чуть не попались на его удочку. Был момент, когда я заколебался, еще немного - и отдал бы приказ Вяльцеву вступить в бой, - признался Вершинин.

После тех событий Вяльцев надолго замолчал. Но теперь сомнения перестали терзать майора Вершинина, какой-то внутренний голос подсказывал ему - в лощине были люди из абвергруппы, они пойдут там.

Не раз генерал Грибов спрашивал Вершинина:

- Ну, что там, в вашей Вороньей лощине? Может, напрасно теряем время?

- Нужно подождать. Они должны пойти, - заверял Вершинин.

- Ну-ну, посмотрим.

Командующий был настроен менее оптимистично, чем начальник разведки.

От немецкой разведки не ускользнуло то, что советское командование закрыло свежими войсками ранее пустовавшие

промежутки на своем переднем крае обороны. Эти сведения весьма обеспокоили начальника абвергруппы Отто Лангенбека.

Шаг за шагом полковник Лангенбек проводил тщательнейшую подготовку к новой диверсионной операции.

И вот необходимые данные в его руках. Он сидит в своем кабинете, обложившись картами, аэроснимками, справками, донесениями.

Лицо полковника хмуро. Он нашел ответ на беспокоивший его вопрос: почему русские оставили лощину неприкрытой? Но ответ не обнадеживал и не радовал полковника. Русским незачем размещать войска в лощине, она почти непроходима, а самое главное выход из нее плотно ими прикрыт. Значит, и тут путь в советский тыл прочно закрыт. Напрасно затрачены время и усилия на обследование этой чертовой лощины. Нужно искать проходы в других местах, начинать все сначала.

Лангенбек с раздражением ткнул сигарету в пепельницу, закурил новую и снова стал рассматривать аэроснимки. Через сильную лупу он внимательно разглядывал нанесенные дешифровальщиками условные обозначения и недовольно откладывал снимки в сторону. Плотно закрыли русские свой передний край, не пройти. Как преодолеть это препятствие?

Ему опять попался на глаза аэроснимок той лощины. Она заснята с небольшой высоты, каждый бугорок и овражек рельефно выделяются. Уже в который раз полковник медленно проводит увеличительным стеклом над квадратом глянцевой фотобумаги. Все-таки ему еще трудно поверить, что надежды, связанные с этой лощиной, окончательно рухнули. Ведь это единственное место, где нет ни окопов, ни пулеметных гнезд, ни русских войск. Узкая полоска местности врезается в оборону противника, выводит в его ближайший тыл. Выводит? В том-то и дело, что не выводит. Выход из нее прикрыт. Что же предпринять?

Вдруг с его лица сбегало выражение досады, разгладились морщины, в глазах заиграли торжествующие искорки. «Черт возьми! Как же я не додумался до этого раньше?! Можно использовать лощину, и очень даже просто».

Он положил снимок на карту, взял карандаш и долго сидел так, обдумывая внезапно возникшую идею. Потом снял телефонную

трубку:

- Майора Саули ко мне! - коротко приказал полковник.

Саули явился тотчас же.

- Приступаем к разработке новой операции, - объявил Лангенбек своему помощнику. - Замысел у меня готов, сейчас вам объясню. Вероятно, русские считают, что мы, как и раньше, будем рваться в их тыл, и, наверное, подготовили для нас всякие ловушки. Но мы несколько изменим тактику и перехитрим наших противников. Да, да, мы их перехитрим. Мы не пойдем к ним в глубокий тыл, а проведем операцию близ переднего края их обороны... Смотрите сюда, Ганс, - указал он линейкой на аэроснимок. - На этой высоте обороняется какой-то советский батальон, назовем его батальоном «икс». А вот ту высоту занимает тоже батальон, скажем - «игрек». Между высотами, как видите, проходит лощина. Она в мертвом пространстве, не просматривается ни с той, ни с другой высоты. Лощина не прикрыта советскими войсками. Я долго думал - почему они так поступили, и, кажется, нашел объяснение. В лощине множество естественных препятствий: овраги, валуны, обрывы. Замечу сразу же, для наших диверсантов это не такие уж серьезные препятствия, ведь недаром мы подобрали баварцев, отличных лыжников. Есть еще одно препятствие: лощина густо заминирована. Видимо, русские полагают, что проход по лощине для нас исключается. Но одного они не учли. Мины заложены давно, покрылись толстым слоем снега и практически стали безопасными. Это точно проверено нашими саперами. Выход из лощины закрыт войсками противника. По-видимому, советское командование считает, что если мы и сумеем каким-то чудом пройти лощину, то дальше путь все равно закрыт. Но мы не пойдем дальше, наша цель - русский батальон «икс».

Лангенбек посмотрел на майора, стараясь определить произведенное впечатление. Ганс Саули внимательно слушал, лицо его было непроницаемым.

- Люди Штуммайера проникают в лощину не глубоко, - продолжал полковник, - только до отметки 105, там под прямым углом поворачивают на север и, рассредоточившись на группы, пробираются по скалам в тыл батальону «икс». Внезапное нападение с тыла позволит им уничтожить батальон, захватить штабные документы и пленных...

* * *

Зимняя ночь, холодная и безлунная, окутывает Воронью лощину. Мертвая тишина вокруг. Лишь временами далекое эхо доносит сюда приглушенные отголоски артиллерийской стрельбы. Где-то далеко идет бой, а тут, на правом фланге армии, ни шороха, ни звука, разве скрипнет скованное морозом дерево, да резвый ветерок сбросит иногда с лохматых веток кряжистых сосен снежные шапки. Тихо в Вороньей лощине, будто и нет войны, будто спит тут все глубоким безмятежным сном.

Но это не так, и здесь идет война, не спят люди, несут свою суровую боевую службу.

В небольшом окопе, сооруженном из снежного сугроба на выступе каменистой высоты, сидят два разведчика: Веселов и Угольков - передовой дозор отряда старшего лейтенанта Вяльцева. Разведчики настороженно всматриваются в темень, изредка вполголоса обмениваются короткими фразами. Обычно в дозоре говорят шепотом, но сегодня можно и вполголоса: дозор расположен на своей территории и врага поблизости нет. Если он появится, то только вон там, в лощине, что смутно вырисовывается внизу длинной заснеженной полоской. Разведчики, конечно, успеют заметить врага еще издали - для того они и сидят тут уже тринадцатые сутки, их сменяют днем лишь на несколько часов.

Старший в дозоре Григорий Веселов, у него в руках бинокль, который он часто наводит на лощину, прощупывает каждую извилину, каждый бугорок. Веселову уже за тридцать. В Москве у него остались семья и родной завод, где до войны он работал мастером цеха. Человек он спокойный и рассудительный. Его помощнику, Федору Уголькову, всего девятнадцать лет. Только успел окончить школу - началась война. Он из Ярославля и в противоположность Веселову горяч и непоседлив. Однако разница в годах и характерах не мешала крепкой дружбе этих солдат. Она началась с того жаркого июльского дня, когда в неравном бою из всего взвода уцелели лишь они двое. С ручным пулеметом в руках Веселов и Угольков четверо суток пробирались к своим, не раз

вступая в смертельную схватку с фашистами, и пробились. С тех пор они не разлучаются, всегда вместе.

- Эх, покурить бы, - вздыхает Угольков.

- Ну что ж, валяй, - бросает Веселов, не отрывая глаз от бинокля.

Федор лишь ухмыляется, он знает - в дозоре курить нельзя, ночью огонек самокрутки виден далеко. Веселов, конечно, шутит, да и сам Угольков ни за что не позволит себе совершить такой проступок - он не новичок на войне - и говорит о курении просто так, потому что долго сидели молча. Он снял меховую варежку, потер рукой застывшие щеки, уселся поудобнее и, всматриваясь в темноту, стал думать о письме, что получил неделю назад от знакомой девушки.

Вдруг Угольков заметил, что Григорий Веселов весь напряжился, застыл с биноклем у глаз.

- Гриш, что там? - шепотом спросил Угольков.

- Погоди-ка, Федя, погоди.

Веселов и сам ничего не видел, он только почувствовал что-то неладное, еле ощутимое изменение в привычном пейзаже лощины. До боли напрягая глаза, он всматривается в темноту. Вроде что-то шевелится там, будто ползет. Да, вот теперь в бинокль уже отчетливо можно разглядеть фигурки в белых комбинезонах. В лощине появляется большой отряд лыжников.

Рядовые разведчики Веселов и Угольков, конечно, не знают, что существует некий план ВЛ, разработанный в разведотделе армии. Этот план известен узкому кругу офицеров, а до исполнителей - их немало - он доведен лишь «в части, их касающейся». До Веселова и Уголькова тот план дошел в виде конкретной задачи: вести наблюдение в секторе таком-то и при обнаружении противника немедленно доложить командиру. Они добросовестно выполняют поставленную задачу, остального им знать не положено, потому они и не подозревают, что наступает кульминационный момент в выполнении этого плана.

Несколько секунд Веселов рассматривает колонну гитлеровцев в бинокль, пытается сосчитать лыжников. В руках Феде Уголькова телефонная трубка, он сдвинул капюшон маскировочного халата, освободил ухо, выжидающе глядит на старшего дозорного Веселова.

- Передавай, - приказывает Григорий. - Колонна противника, около ста лыжников, следует с запада по лощине. Голова колонны у...

Угольков слово в слово повторяет в телефонную трубку сказанное Веселовым и поглядывает вниз, где на обратных скатах высоты находятся временные землянки разведчиков старшего лейтенанта Вяльцева. Из снежных землянок выбегают люди, устремляются по замаскированным тропинкам туда, где давно подготовлены позиции для засады.

* * *

Колонна фашистских диверсантов медленно, с трудом продвигалась по лощине. Передним приходилось пробираться буквально ощупью, лавируя между оврагами и валунами. Шедший в середине колонны командир отряда капитан Штуммайер постоянно подгонял своих людей, и те старались изо всех сил не потерять темп, выдержать график движения. Нервы Штуммайера напряжены, однако капитан полон внутренней энергии, охвачен чувством близкой победы. Ему очень по душе это новое задание. Не надо идти далеко в советский тыл, переживать те томительные часы ожидания непредвиденных случайностей, которые изматывают нервы еще задолго до того, как доберешься до цели. А уничтожить целый батальон хотя и посложнее, чем ликвидировать госпиталь или какую-нибудь автобазу, зато намного почетнее, ответственнее. Недаром полковник Лангенбек так тщательно инструктировал его вчера. Он тоже уверен в успехе и прямо сказал Штуммайеру: «Неудачи быть не может, но многое зависит от вас, капитан. Если представите мне живого командира советского батальона - гарантирую рыцарский крест, за мертвого - железный. Штабные документы меня тоже интересуют. Действовать прежде всего кинжалами, чем меньше шума, тем лучше. Автоматы и гранаты пускать в ход в последнюю очередь...»

...Колонна продолжала свой путь. Небо на востоке чуть посветлело, стали заметнее контуры угрюмых каменистых высот, нависающих по сторонам лощины, а отряд все еще не дошел до отметки 105. Радужное настроение Штуммайера постепенно угасло, вид угрюмых высот вызвал непонятное беспокойство. Его взгляд все чаще задерживался на двух утесах. Они не так уж велики, эти

покрытые мелкоколесьем и снегом утесы, но сужают лощину до шестидесяти метров, превращая ее в узкое ущелье. Штуммайер с минуту наблюдает, как идущее впереди охранение приближается к тем утесам. Он останавливает колонну, решает переждать, пока охранение не пройдет опасное место.

Охранение прошло. Штуммайер, облегченно вздохнув, подает команду возобновить движение.

Вот и высоты с двумя утесами. Диверсанты, словно тени, неслышно скользят на лыжах между ними: ни шороха, ни позвякивания оружия - хорошо обучены солдаты. Но вдруг на головы диверсантов посыпались ручные гранаты, на высотах засверкали вспышки выстрелов, и треск автоматных очередей заполнил лощину. Диверсанты бросились врассыпную, ища спасения за камнями и в овражках.

...В мутной дымке начинающегося рассвета старший лейтенант Вяльцев наблюдал за ходом боя. Засада полностью удалась. Вражеский отряд попал в отчаянное положение. Справа и слева с высот разведчики поливают его беспощадным огнем. Атаковать гитлеровцы не могут: пока будут карабкаться на скалы, разведчики всех их перестреляют. Прорываться вперед? Еще хуже для них, сами влезут в петлю. Значит - назад. Сейчас они побегут из этого ада, пока не совсем рассвело.

И действительно, диверсанты, кто ползком, кто перебежками, устремляются назад. Свистят пули, рыхлят снег вокруг них, ударяясь о камни, рикошетируют со звоном... Диверсантов становится все меньше и меньше.

Однако и выстрелы с высот звучат реже, огнем из автоматов уже трудно достать уцелевших гитлеровцев. Заливается длинными очередями лишь наш ручной пулемет.

- Ракету! - коротко приказывает Вяльцев сигнальщику.

Зеленая ракета, пущенная нашими разведчиками, привлекла внимание и командира диверсантов капитана Штуммайера. Что означает эта ракета? Что еще задумали русские? Ответ на вопросы последовал немедленно. Далекий хлопок выстрела и раздирающий душу визг мины заставили диверсантов заметаться в поисках укрытий.

По сигналу Вяльцева вступили в дело минометные батареи из бригады Богарникова. Из-за высот посыпались мины, лощина снова заполнилась грохотом разрывов, криками и стонами.

Вдруг наступила тишина. Огонь советских минометов прекратился. Несколько оставшихся в живых диверсантов поднялись и изо всех сил побежали по каменистой земле Вороньей лощины, стремясь поскорее покинуть пристрелянное место, пока не возобновится минометный огонь.

Штуммайер бежал не оглядываясь и потому не видел, как позади со скалистого утеса взметнулись в сумрачное зимнее небо теперь уже две зеленые ракеты. И опять завизжали мины, загрохотало в Вороньей лощине.

* * *

Накинув на плечи шинель, майор Вершинин вышел на крыльцо, с минуту постоял, глубоко вдыхая морозный воздух, и сразу почувствовал, как свежеет голова после бессонной ночи, полной волнений и тревог. Глаза у него красные, лицо бледное, усталое.

Да, трудная выдалась ночь. Первую ее половину майор провел в дивизии полковника Осипова, разведчики которой ходили в ночной поиск. Поиск очень важный, должен был дать ответ на вопросы, возникшие перед армейской разведкой. По некоторым признакам предполагалось, что противник произвел перегруппировку, сменил свои части. С какой целью? Какие новые части врага появились на фронте, куда ушли те, что были здесь раньше? Нужно было добыть пленных. Но поиск закончился неудачей, гитлеровцы обнаружили разведчиков, обстреляли, и те вернулись ни с чем.

Что ж, захватить «языка» не так-то просто, завтра придется повторить поиск в другом месте.

Под утро Вершинин возвратился в штаб армии и только успел снять шинель, как началась боевая операция в Вороньей лощине. Донесения Вяльцева, секунды на размышления, короткие распоряжения старшему лейтенанту. Когда все закончилось, Вершинин позвонил генералу Алмазову. «Отлично! - сказал начальник штаба. - Доложите лично командующему».

Вершинин, как был в накинута на плечи шинели, спустился с крыльца, вошел в соседний дом. В прихожей сбросил шинель, спросил адъютанта:

- У себя?

- Так точно!

- Доложите!

- Проходите, товарищ майор. Велено пропускать начальника разведки в любое время и вне всякой очереди.

Вершинин постучал в дверь.

- Войдите!... А, разведчик... Чем порадуете?

- Товарищ генерал! Сегодня на рассвете крупный отряд диверсантов пытался проникнуть в наши тылы через Воронью лощину и попал в сети, расставленные нами согласно плану ВЛ. По предварительным данным, полученным от старшего лейтенанта Вяльцева, можно предполагать, что диверсионный отряд абвергруппы «сто два-бис», действовавший перед фронтом армии, полностью уничтожен!

- С какой целью шли к нам диверсанты? - поинтересовался командующий.

- Пока не установлено, товарищ генерал. Имеется четверо пленных, не считая раненых. После допроса пленных, полагаю, станет известна и та цель, с которой послал их начальник абвергруппы.

Грибов встал из-за письменного стола, прошелся по кабинету и, засунув руки в карманы, остановился у карты, висевшей на стене.

- Все-таки решился этот Лангенбек идти через лощину, - проговорил он. - Откровенно говоря, я не очень на то рассчитывал. Так говорите, диверсионный отряд полностью уничтожен? Действительно ли это так?

- По предварительным данным, которыми я располагаю, это действительно так. Нужно, конечно, еще проверить, уточнить.

- Поезжайте-ка сами на место, разберитесь. Потом доложите, - заключил Грибов.

- Я как раз хотел просить вашего разрешения на это, товарищ генерал.

- Вот и прекрасно. Жду подробного доклада. Если все подтвердится, объявите благодарность разведчикам.

...День стоял хмурый. В Вороньей лощине было тихо и сумрачно. Сопровождаемые автоматчиками, Вершинин, Богарников и Вяльцев медленно шагали на лыжах.

Обогнув каменистый выступ, они оказались в самом узком месте лощины. Десяток солдат, сняв полушубки, лопатами и ломом долбили мерзлую землю, а неподалеку рядом лежали трупы диверсантов.

- Сколько здесь? - спросил Вершинин.

- Пятьдесят два, - ответил Вяльцев.

Метрах в четырехстах работали еще несколько солдат.

- Пройдем туда, - сказал Вершинин, и вся группа медленно двинулась по лощине.

- Это уже дело рук моих минометчиков, - похвастался Богарников.

- Толковая работа, - отметил Вершинин. - От такого огня трудно спастись.

Из Вороньей лощины возвратились в землянку Вяльцева. Там были допрошены пленные диверсанты.

- Что ж, подведем итоги, - сказал Вершинин, когда увели последнего пленного.

- По показаниям пленных на вчерашний день в диверсионном отряде абвергруппы «сто два-бис» числилось девяносто шесть человек. В лощине обнаружено шестьдесят шесть трупов, подобрано восемнадцать раненых, четверо захвачены в плен. Неизвестна судьба восьми человек. Может, им удалось выбраться из лощины, возможно, что их трупы не найдены. Среди убитых опознаны три офицера, в том числе командир отряда капитан Штуммайер. Таким образом, как боевая единица диверсионный отряд абвергруппы перестал существовать. Поздравляю с победой, товарищи!... Тринадцать дней готовились мы к этому бою, тринадцать дней томились в напряженном ожидании, а сам бой длился меньше часа. Из показаний пленных нам стала известна та цель, с которой направлялись диверсанты. Они намеревались зайти в тыл второму батальону бригады и уничтожить его.

- Едва ли им удалось бы это, - заметил Богарников. - Во втором батальоне народ опытный, да и сам командир батальона службу знает, не позволил бы застать себя врасплох.

- Ваша миссия, Вяльцев, здесь закончилась, - продолжал Вершинин. - Сдадите участок представителю бригады - и возвращайтесь в штаб... И вот еще что. Постройте отряд, я хочу сказать разведчикам несколько слов.

- Есть! - ответил Вяльцев и вышел из землянки.

Вершинин надел шинель, затянул ремень с пистолетом и вышел наружу. Две ровные шеренги разведчиков стояли перед землянкой. Молоды, овеяны ветрами лица солдат. Прозвучала команда «Смирно». Вершинин поздоровался с разведчиками, похвалил за отличное выполнение поставленной задачи и закончил свою короткую речь словами:

- От имени и по поручению командования армии объявляю благодарность всему личному составу отряда!

- Служим Советскому Союзу! - дружно ответил строй разведчиков.

Засада в Вороньей лощине закончилась полным разгромом вражеского диверсионного отряда. На маленьком участке огромного фронта наши войсковые разведчики дали бой немецко-фашистским диверсантам. Враг был опытен, хитер, хорошо обучен, но и он допустил немало ошибок и просчетов, которыми искусно воспользовались наши разведчики. Успеху в немалой степени содействовали такие факторы, как знание тактики противника, учет психологии фашистских командиров. Знать противника, его силы и боевое оснащение, подготовку и тактику - значит вовремя разгадать задуманный им маневр, упредить, перехватить инициативу, использовать его слабые стороны, ошибки и просчеты для нанесения сокрушительного удара.

ДВЕ ВЫЛАЗКИ РАЗВЕДГРУППЫ

Разведка - это прежде всего дерзание. Чем смелее, изобретательнее, находчивее разведчики, тем плодотворнее ее результаты. Никакой шаблон непригоден в разведке, любая операция разведчиков - будь то поиск, вылазка или что-либо другое - должна нести в себе нечто новое, неожиданное для противника. Иначе успеха не добиться. Огромные трудности стояли перед нашими разведчиками, и преодолевать их было не так-то просто, но, умело используя богатый арсенал разведывательных приемов, они успешно справлялись со своими задачами.

Для примера расскажем о двух вылазках дивизионных разведчиков, проведенных в разное время года и в разных условиях. В обоих случаях разведчики сумели преодолеть сложные препятствия, удачно использовали местность и сложившуюся обстановку, найдя при этом новые, неожиданные для гитлеровцев способы действий.

* * *

Начальник дивизионной разведки капитан Шумов сидел в своей землянке, углубившись в чтение лежавших перед ним документов. В

землянке было сумрачно и холодно. Железная печь, натопленная с утра, давно остыла, и Шумов время от времени потирал зябнувшие руки. Однако, несмотря на хмурую погоду, на душе у капитана светло и радостно, и весь он охвачен той уверенностью, какой бывает полон человек, нашедший, наконец, верное решение сложной задачи, над которой бился безрезультатно долгие дни и ночи. И хотя задача решена Шумовым пока теоретически, отображена лишь на бумаге, он не сомневался в успехе. Всего час назад капитан докладывал свой план и расчеты начальнику штаба, а затем вместе с ним командиру дивизии, получил полное одобрение этого плана и разрешение приступить к его практическому осуществлению.

Шумов отодвинул бумаги, развернул карту с нанесенной боевой обстановкой. Эта обстановка сложилась на фронте дивизии еще с месяц назад и до сих пор сохранилась без особых изменений. После жестоких, кровопролитных боев обе стороны перешли к обороне, зарылись в землю. Шумов всмотрелся в карту, его интересовал сейчас только один небольшой район, к которому устремлены все мысли и надежды, там будет проведен в жизнь план, над которым он работал последние дни.

В том районе передний край как нашей обороны, так и вражеской проходит по лесным опушкам, а перед ними тянется полоса ровного поля шириной в пять-шесть километров. Ни одна из сторон не рискнула выдвинуть свои позиции в поле, поскольку это поставило бы ее в невыгодное положение. Каждая предпочитала оставаться в лесах, так сказать, в дальнем огневом соприкосновении с противником. Однако гитлеровцы здесь имели одно весьма существенное преимущество: они занимали высоту, возвышающуюся темным островком посреди заснеженного поля. Высота господствовала над местностью и давала фашистам хороший обзор. Не раз командир дивизии генерал Казанцев пытался выбить гитлеровцев с высоты «Остров» - так она именовалась на наших командирских картах - но безуспешно, даже приблизиться к ней не удавалось. И немудрено. Чтобы добраться до высоты, требовалось пройти по ровному полю около двух километров под губительным огнем фашистских пулеметов и минометов. Бой за высоту не обошелся бы без огромных жертв, и Казанцев прекратил атаки, но мысль овладеть высотой не отбросил: слишком много давала она преимуществ врагу.

Захватить высоту можно было бы и без особых потерь, если точно знать систему обороны врага и силы, которыми он там располагает. А данных о противнике на высоте «Остров» никаких нет. Во всех сводках и донесениях, что ежедневно готовит начальник разведки дивизии капитан Шумов, стоит одна и та же неизменная фраза «Дорога противника продолжает занимать высоту «Остров». Это означает, что точных сведений нет, а имеются лишь одни предположения. Но, чтобы захватить высоту, одних предположений мало. Главное следует выявить, сколько у врага пулеметов и минометов, где они установлены, какие окопы и траншеи успел он отрыть, имеются ли проволочные заграждения, сколько и где. Все это нужно узнать для того, чтобы уничтожить точным артиллерийским огнем. Только тогда можно будет с наименьшими потерями овладеть злосчастной высотой. Вскрыть систему обороны высоты «Остров», добыть нужные сведения - такую задачу поставил генерал Казанцев перед капитаном Шумовым. «Не спускать глаз с высоты, захватить «языка», - распорядился генерал.

Круглые сутки дежурят на наблюдательных пунктах полковые и дивизионные разведчики - не спускают глаз с высоты, но толку от этого мало. Высота «Остров» далеко, просматривается плохо, к тому же покрыта мелколесьем, а позиции врага хорошо замаскированы. Каждый день Шумов просматривал журналы наблюдений, сам часами просиживал на НП с биноклем в руках, а сведений ничтожно мало. Только «язык» мог бы дать более или менее полные сведения о высоте. Но захватить пленного оказалось задачей невысказанно трудной. Днем подступиться к высоте и думать нечего: на поле разведчики видны противнику как на ладони. Значит - ночной поиск. Трижды пытался капитан Шумов провести ночной поиск, разведчики понесли потери, а до высоты так и не дошли. Всю ночь гитлеровцы пускали осветительные ракеты, на подступах к высоте светло как днем, стало быть, и ночью разведчики перед противником как на ладони. Гитлеровцы понимали, что русские будут пытаться взять высоту, поэтому были в постоянной готовности.

Трудные дни переживал начальник дивизионной разведки, совсем потерял покой, все ломал голову, как захватить «языка» на высоте «Остров», и придумать ничего не мог. Ясным для него было лишь одно - обычным ночным поиском задачу не выполнить, пленного не взять. Нужно что-то другое, но что?

А генерал Казанцев каждый день спрашивал, испытующе поглядывая на начальника разведки:

- Ну, капитан, когда доложишь план нового поиска?

Шумов краснел, готов был провалиться сквозь землю, однако отвечал твердо:

- Работаю, товарищ генерал, думаю, ищу решение!

Казанцев был умным и опытным командиром, понимал, что поставил перед разведкой очень трудную задачу, потому не упрекал Шумова в медлительности: спешить тут ни к чему, поспешишь - и прольется напрасно кровь разведчиков.

- Ну, думай, капитан, ищи, но чтоб было наверняка, - говорил он офицеру.

И Шумов шел к себе в землянку, развертывал карту, просиживал над нею часами, размышлял, прикидывал, искал. Потом отправлялся на какой-нибудь наблюдательный пункт, рассматривал в бинокль высоту «Остров», снова просиживал часами в мучительных поисках верного решения.

Давно уже Шумов обратил внимание на одну деталь. Разведчики, дежурившие на НП, установили, что каждый день ровно в полдень два гитлеровских солдата отправляются на лыжах от высоты «Остров» в сторону леса, туда, где расположены главные силы немецко-фашистских войск, а обратно возвращаются тем же путем часа через три-четыре. Видимо, лыжники выполняют функции связных. «Вот бы захватить этих связных», - не раз размышлял Шумов, но тут же со вздохом отбрасывал эту мысль: близок локоть, да не укусишь, нет у него никаких средств для такого дела. В конце концов Шумов перестал обращать внимание на тех лыжников, искал другие возможности.

Как-то приехал в дивизию начальник армейской разведки майор Вершинин, и Шумов поделился с ним своими бедами. Почему-то Вершинин очень заинтересовался именно теми лыжниками-связными и даже захотел сам посмотреть на них с наблюдательного пункта. Он следил за лыжниками в бинокль с часами в руках и, когда те скрылись в лесу, проговорил раздумчиво:

- Всего тринадцать минут... От высоты до леса они идут тринадцать минут.

Вершинин помолчал, потом решительно заявил:

- Лыжников можно захватить, и я вам помогу!

Шумов непонимающе посмотрел на майора.

- К нам в армию прибыл дивизион аэросаней, - пояснил Вершинин. - Машины вооружены пулеметами, развивают огромную скорость, как раз то, что вам нужно, чтобы перехватить лыжников в пути. Думаю, командующий не откажет выделить вам для этого дела... ну, скажем, три боевые машины.

Глаза Шумова загорелись надеждой.

- Успеха можно добиться только при наличии двух обязательных условий, - продолжал развивать свою мысль Вершинин. - Во-первых, если появление аэросаней в районе высоты «Остров» окажется для противника полной неожиданностью, во-вторых, если перехват лыжников осуществится точно на полпути, то есть если вы сумеете строго выдержать расчеты. Следовательно, успех зависит от вас самих, от вашей выдержки и мастерства.

Шумова захватила идея такой вылазки своей оригинальностью, смелостью и простотой.

- Пришлите, товарищ майор, аэросани, а мы не подкачаем, сделаем все в наилучшем виде, - заверил он начальника армейской разведки.

...Вершинин выполнил свое обещание, скоро в распоряжение Шумова прибыло трое аэросаней. Капитан энергично взялся за подготовку этой необычной вылазки. Прежде всего он досконально изучил тактико-технические данные боевых машин, подолгу беседовал с членами экипажей, сам ездил на аэросанях, выверяя максимальную скорость, стрелял из пулемета по движущейся цели на ходу. А потом произвел расчеты, составил подробнейший план. Свой замысел Шумов строил, как и советовал майор Вершинин, на внезапности и скоротечности вылазки: вся операция должна закончиться в течение пяти-шести минут.

Генерал Казанцев одобрил план начальника разведки и утвердил его без всяких поправок. И вот теперь, вернувшись в свою землянку, Шумов, радостный и довольный похвалой командира дивизии, в последний раз просмотрел свой план и расчеты. Итак, можно приступить к практическим делам.

...Наблюдательный пункт разведчиков размещался в небольшом блиндаже на отлогом холмике, в ста метрах от опушки леса, где проходил передний край обороны дивизии. Снаружи блиндаж

выглядит снежным сугробом, внутри холодно, сыро, и ветер, дующий с поля, уныло посвистывает в амбразуре, у которой стоят капитан Шумов и разведчик Манаенко. Через амбразуру им хорошо видны искрящаяся в лучах зимнего солнца ровная гладь снежного поля и высота «Остров», затемненная голыми черными деревьями. Высота кажется безлюдной, но там засел враг со своими пулеметами, он лишь хорошо замаскировался, потому и не виден.

Неподалеку от НП, на опушке леса, в просторной землянке сидят в белых маскировочных комбинезонах дивизионные разведчики. Они готовы к делу, роли среди них распределены, каждый знает свое место и задачу. Вместе с ними - командир разведгруппы лейтенант Юдаев и командир взвода аэросаней лейтенант Зарубин, который очень взволнован - это первое боевое задание в его жизни. Видавшие виды разведчики понимают состояние Зарубина, однако ничем этого не показывают, спокойно разговаривают между собой и даже посмеиваются удачно брошенной шутке. Их уверенность и спокойствие передаются Зарубину, он перестает нервничать. В нескольких шагах от землянки, у самой кромки леса, стоят под развесистыми кронами могучих елей трое аэросаней.

...Когда продрогший на своем НП капитан Шумов закурил очередную папиросу и до полудня оставалось всего лишь полчаса, на западном склоне высоты «Остров» в жарко натопленном блиндаже командир роты 188-го пехотного полка обер-лейтенант Гартман дописывал последние строки донесения в штаб полка. То было итоговое донесение за декаду, и потому он описывал во всех подробностях состояние вверенной ему роты. В самом конце Гартман указал, что, находясь длительное время в отрыве от полка, лишенные элементарных санитарных условий, его солдаты испытывают прямо-таки настоящие мучения от многочисленных насекомых, и просил ускорить смену роты, а пока прислать какие-нибудь средства от паразитов.

Покончив с донесением, обер-лейтенант подвинул к себе лист бумаги, на котором была изображена схема обороны роты. Схему полагалось приложить к итоговому донесению. Она была отлично исполнена ротным чертежником. Цветными карандашами на ней четко выведены огневые точки, инженерные заграждения, линии траншей и даже отдельные стрелковые ячейки. Поставив свою подпись и на

схеме, Гартман написал записку заведующему офицерской столовой полка с просьбой прислать ему пару бутылок вина, колбасы и рыбных консервов. Запечатав все это в конверты, он приказал денщику позвать связных. Через минуту унтер-офицер Ланг и ефрейтор Набер явились в командирский блиндаж, застыли у двери в ожидании указаний. Не поднимаясь из-за стола, обер-лейтенант ощупал каждого строгим внимательным взглядом. В 188-м пехотном полку издавна существовали свои традиции, неукоснительно соблюдаемые всеми офицерами. Считалось, что внешний вид личного состава является лицом полка, оценка деловых качеств офицера начиналась с того, как выглядят подчиненные ему солдаты. Поэтому, отправляя в полк своих связных, обер-лейтенант всегда сам придирчиво проверял их внешний вид.

Связные обо всем этом знали и старательно приводили себя в порядок, перед тем как явиться в командирский блиндаж. Они очень дорожили своими обязанностями связных. Служба на этой проклятой высоте всем осточертела: скука, однообразие, в окопах вши и холод, и выбраться отсюда хоть на несколько часов, поговорить с полковыми товарищами, послушать новости, а иногда и пропустить глоток шнапса было для Ланга и Набера большим удовольствием. Поэтому и старались они вовсю, чтобы обер-лейтенант не заменил их другими.

Обер-лейтенант остался доволен внешним видом своих подчиненных и, взяв со стола конверты, протянул их Лангу.

- Эти два пакета передать в штаб полка под расписку, - сказал он. - А этот конверт - заведующему офицерской столовой, он передаст кое-что для меня. Вот деньги, заплатите, сколько нужно.

Ланг уложил пакеты и деньги в полевую сумку.

- Не забудьте взять у ротного писаря солдатские письма, - напомнил Гартман.

- Яволь, герр обер-лейтенант! - воскликнул унтер-офицер. - Письма уже в рюкзаке у Набера.

Гартман посмотрел на свои наручные часы.

- Выход через десять минут, ровно в двенадцать.

- Так точно, герр обер-лейтенант.

- Идите!

Ланг и Набер четко повернулись кругом, вышли из командирского блиндажа.

...Время приближается к полудню. Поеживаясь от холода на своем НП, Шумов терпеливо ждет. Боевой опыт разведчика приучил его к выдержке и терпеливости. Он может часами, а если нужно, и днями, как охотник дичь, выслеживать врага, выжидать.

Две темные точки отделились от высоты «Остров». Шумов подносит бинокль к глазам. В окулярах хорошо видны два гитлеровских солдата, скользящие на лыжах в сторону леса.

- Передать Юдаеву: приготовиться, - говорит Шумов разведчику Манаенко.

Тот хватается телефонную трубку - и команда летит по проводам в землянку к разведчикам.

Разобрав автоматы, разведчики мигом выскакивают из землянки. Зарубин садится в первую машину рядом с водителем, берется за ручки пулемета. Разведчики облепляют аэросани снаружи, крепко ухватившись за бортовые скобы. Рассчитано все до секунды, никакой заминки не должно быть. Трое аэросаней готовы к бою, уже урчат моторы на холостом ходу. Действовать будут только две машины, третья - резервная. На ней тоже разведчики. В случае необходимости они немедленно вступят в дело.

Капитан Шумов с НП неотрывно следит за лыжниками. Он весь в напряжении, ему уже не холодно, лицо горит от волнения, покрылось мелкими капельками пота. Лыжники подходят к заветной черте, мысленно проведенной Шумовым. «Пошел!» - кричит он. «Пошел!» - передает Манаенко по телефону.

Получив команду, Юдаев привычно поправляет ремень с пистолетом, проворно выскакивает из землянки, подбегает к аэросаням. Место у борта ему оставлено, он хватается одной рукой за скобу, другой машет Зарубину: «Полный вперед!».

Две машины срываются с места, оставляя за собой волны снежной пыли.

Отдаленный гул доносится до вражеских лыжников. Они останавливаются, прислушиваются, вглядываются в сторону советских позиций и, ничего не заметив - машины еще невидимы для них, спокойно продолжают свой путь.

Аэросани вылетают из лесу, мчатся по полю наперерез лыжникам. Те вновь останавливаются, оглядываются и застывают на месте от изумления. Взметая снежные вихри, с большой скоростью

приближаются к ним какие-то чудовищные машины, грозно режут моторы. Ошеломленные, еще не понимая, что происходит, но почувствовав опасность, лыжники в страхе зашевелились. Сначала бросились в одну, потом в другую сторону. Однако и до леса и до высоты «Остров» им одинаково далеко. Все же они выбирают лес и, с отчаянием заработав палками, бегут что есть мочи к спасительной хвойной чаще. Аэросани уже близко. Юдаев наклоняется к бортовому окну, кричит изо всех сил Зарубину:

- Дай предупредительную очередь!

Тот нажимает на гашетки, и перед лыжниками возникает россыпь снежных фонтанчиков. Гитлеровцы останавливаются. Ефрейтор бросается на снег, унтер-офицер срывает со спины автомат, но вторая пулеметная очередь, хлестнувшая пулями у самых его ног, заставляет Ланга поднять руки. В растерянности он забывает бросить автомат, держит его над головой в поднятой руке. Аэросани останавливаются, разведчики соскакивают в снег, обезоруживают фашистов, вталкивают их в люки машин. Развернувшись, аэросани на бешеной скорости мчатся к нашим позициям.

Все продолжалось не более пяти минут, это видели гитлеровцы и с опушки леса, и с высоты «Остров». Ошеломленный дерзостью и необычностью способа действий советских разведчиков, враг так и не успел что-либо предпринять. Опомившись и будто спохватившись, ударили из минометов с высоты «Остров». Однако аэросани, резко сменив курс, маневрируя, ушли из-под огня и скрылись в лесу...

Разведчикам сопутствовала удача. В полевой сумке унтер-офицера Ланга оказалось донесение с подробными данными о состоянии гарнизона на высоте «Остров», а на схеме было показано точное расположение всех огневых точек и инженерных заграждений. Немало важных сведений сообщили на допросе и сами пленные.

Операция завершилась успешно

Возбужденный, с сияющими глазами, явился капитан Шумов к командиру дивизии.

- Товарищ генерал, - начал он свой доклад, еле сдерживая радостную улыбку. - Поставленная вами задача выполнена. Добыты полные сведения об оборонительной системе гитлеровцев на высоте «Остров», теперь нам известны ее сильные и слабые стороны.

Шумов положил на стол перевод донесения обер-лейтенанта Гартмана, схему обороны и протоколы допросов пленных...

Генерал Казанцев не стал долго ждать и на рассвете следующего дня атаковал высоту «Остров». Располагая точными данными о расположении вражеских огневых точек, дивизионная артиллерия в период артподготовки быстро их уничтожила. Высота «Остров» была захвачена без значительных потерь с нашей стороны, а обеспечили победу разведчики.

* * *

День был жаркий, летнее солнце нещадно палило, и лишь в лесу, как всегда, была прохлада и полумрак. Под мохнатыми ветвями могучих елей расположились на короткий отдых дивизионные разведчики. Одеты в буро-зеленые маскировочные комбинезоны, они почти сливались с окружающей местностью. Только один капитан Шумов без комбинезона, в своей выцветшей от солнца гимнастерке.

Шумов готовит разведгруппу к новому боевому заданию: разведчикам предстоит переправиться на лодках через большое озеро, выйти в ближайший тыл вражеских войск, установить места расположения огневых позиций артиллерии и, захватив пленного, вернуться тем же путем на свой берег. Задача не из легких, и Шумов сам готовил разведгруппу к этому заданию. Надо было научить разведчиков правильно и бесшумно работать веслами, водить лодки в темноте по компасу, точно выдерживая заданный азимут, и, кроме того, потренировать их в умении действовать в ближайшем тылу врага. Разведчики - солдаты бывалые, опытные, немало провели ночных поисков, немало «языков» добыли, а вот в тылу врага давно не приходилось им действовать. Но теперь дни подготовки уже позади, разведчики готовы к новому заданию, и сегодня, в последний день, Шумов хотел познакомить их еще с одним способом засады, который очень может пригодиться там, за передним краем. О нем он сам недавно узнал на сборах офицеров-разведчиков. Продемонстрировал его начальник армейской разведки майор Вершинин, проводивший учебно-показательное занятие.

Заключался этот способ в следующем. Выбрав место для засады у дороги, разведчики заранее подпиливают или подрубают дерево так, чтобы оно еле-еле держалось. Когда машина приблизится к месту засады, подпиленное дерево от легкого толчка валится на дорогу и преграждает путь. На том показательном учении все было, как и в боевой обстановке, армейские разведчики действовали четко и умело. Когда дерево упало и машина, заскрипев тормозами, остановилась, разведчики мгновенно ее окружили.

- Тут врагу и карачун придет, - сказал Вершинин.

- А что такое карачун? - спросил тогда Шумов.

- Карачун - значит конец, - улыбнулся майор Вершинин и уже серьезно продолжал: - Такой способ засады применяется при действиях в тылу неприятельских войск на дорогах. Его преимущества заключаются в следующем. Во-первых, надежность: машине деваться некуда, она непременно остановится. Во-вторых, разведчикам не придется стрелять по шинам, следовательно, они обойдутся без лишнего шума, что в тылу врага имеет немаловажное значение.

Сегодня Шумов и собрался рассказать своим разведчикам об этом способе засады и не только рассказать, но и провести практические занятия.

- Кончай курить! - подал он команду и поднялся с земли.

Разведчики побросали самокрутки, затоптали их и быстро построились в колонну. Шумов вывел разведчиков на лесную дорогу.

- Предположим, что вы находитесь в тылу противника, - сказал он. - По этой дороге движутся автоколонны и одиночные машины. Вам приказано захватить здесь пленных. Давайте подумаем, как лучше выполнить такую задачу.

Разведчики внимательно осмотрелись, помолчали, прикидывая, что к чему.

- Разрешите? - попросил слова Балбачан.

- Говорите.

- Здесь устроить завал, - показал рукой Балбачан. - Расположиться в засаде по обеим сторонам дороги. Как только машина подойдет к завалу и остановится - напасть и захватить в плен находящихся в машине фрицев.

- Давайте разберем решение Балбачана, - сказал Шумов. - Завал здесь сделать удобно, так как место находится за поворотом и завал может быть обнаружен только с близкого расстояния. А как быть, если к завалу подойдет не одна машина, а целая колонна автомашин с солдатами? Гитлеровцы сразу поймут, в чем дело, вам придется с боем отходить в лес, и на этот раз пленного захватить не удастся. Задача останется невыполненной. У кого есть другое решение?... Товарищ Манаенко хочет что-то предложить?

- Место для засады здесь подходящее, - проговорил Манаенко. - Никакого завала не требуется, просто засесть по краям дороги и, когда машина подойдет, выскочить, остановить и захватить пленных.

- Правильно! - согласился Шумов. - Вы не будете связаны завалом и, если что-нибудь помешает, сможете пропустить машину или колонну, не обнаруживая себя, дожидаться более удобного момента. Но ведь может случиться и не так. На дороге показалась легковая машина, вы принимаете решение захватить в плен находящиеся в ней фашистов. Машина подходит к месту засады, вы выскакиваете на дорогу, требуете остановиться. Но шофер не останавливается, прибавляет скорость, прорывается. Остается только стрелять по машине, а это крайне нежелательно, потому что случайно можете перебить всех находящихся в машине - пленников, значит, не будет. К тому же выстрелами вы привлечете к себе внимание врага. Надо сделать так, чтобы захватить пленников наверняка и бесшумно. Лучше всего подпилить или подрубить вот это дерево так, чтобы оно еле-еле держалось, и, когда фашистская автомашина войдет в зону засады, толчком свалить его на дорогу. Следовательно, путь вперед автомашине будет отрезан. Тут врагу и карачун придет, - закончил Шумов словами майора Вершинина.

- Факт - карачун придет, - рассмеялись разведчики. - Здорово, товарищ капитан.

Тут же попробовали этот способ. Получилось удачно. Попробовали еще раз, и тоже удачно. На том Шумов и закончил подготовку разведгруппы к новому боевому заданию. А через несколько часов разведчики были уже на берегу озера - там, где был намечен исходный рубеж.

Шумов разрешил им отдохнуть, а сам с командиром разведгруппы лейтенантом Юдаевым еще долго оставался у озера. В бинокли они рассматривали противоположный берег. Он лежал перед ними далекой узкой полосой, сумрачный и неприветливый. Какие опасности таит он? Что ждет там лейтенанта Юдаева и его разведчиков? Шумов предполагал, что на том берегу у гитлеровцев нет сплошного фронта, а имеются лишь мелкие гарнизоны, которые несут службу охранения. У нас на берегу почти нет войск - слабое прикрытие и патрули. Озеро широкое, местами доходит до шести - восьми километров, какие тут могут быть боевые действия? Поэтому мы и не держим на берегу крупных сил. Несомненно, так же поступает и противник, считал Шумов. Однако никакими данными, подтверждающими эти предположения, он не располагал. Но Шумов точно знал о другом. Ни

вражеская разведка, ни наша еще ни разу не пытались переправиться через озеро, и это обстоятельство играло наиважнейшую роль в его планах. Значит, можно рассчитывать, что успокоенный враг совсем не ожидает появления наших разведчиков на своем берегу. Собственно, сам берег не очень привлекал внимание Шумова. Мелкие гарнизоны гитлеровцев, которые, возможно, находятся на берегу, представляют для командования дивизии весьма незначительный интерес, и для этого не стоило затевать такую сложную вылазку. Шумов собирался использовать берег озера для того, чтобы проникнуть за передний край немецко-фашистской обороны, ибо сделать это по суше совершенно невозможно: оборона у врага плотная, не пророскочишь.

...Ночь была темная. Только что отшумел небольшой теплый дождичек. На берегу озера разведчики деловито укладывали в лодки свою нехитрую поклажу, устанавливали ручные пулеметы. Они работали сноровисто, привычно, без суеты. Ну вот, все готово, и лейтенант Юдаев подошел к Шумову, приложил руку к пилотке.

- Товарищ капитан! Разведгруппа в количестве шестнадцати человек готова к действию. Разрешите приступить к выполнению боевого задания!

- В добрый час, лейтенант, - пожал ему руку Шумов. - В добрый час, товарищи. Ни пуха ни пера!

Две лодки отвалили от берега, бесшумно заскользили по спокойной глади озера и тут же исчезли, будто растаяли в темноте. Темнота была настолько густой, что со второй лодки, шедшей за первой метрах в пяти, еле-еле различали ее силуэт.

В полночь разведчики находились уже недалеко от берега противника. Оттуда не доносилось ни звука, не видно ни одного огонька. Да и самого берега не видно, лишь темная полоска подсказывала Юдаеву, где кончается вода. Он остановил лодки, приказал Михайлову и Балбачану разведать берег. Те пересели в надувную резиновую лодку и осторожно направились к берегу. Это был один из самых ответственных моментов всей операции. Обстановка на берегу неизвестна, и можно угодить прямо в лапы к фашистам.

Резиновая лодка мягко ткнулась в каменистый берег. Михайлов и Балбачан подождали немного, прислушались. Ничего подозрительного. Тишина. Только шуршат листья на деревьях, да чуть

плещется вода о камни. Тогда они ступили на берег. Постояли, опять прислушались. Тихо вокруг. Медленно прошли метров пятьдесят в одну сторону, затем столько же в другую. Все спокойно. Балбачан мигнул два раза карманным фонариком. Это был условный сигнал, и через несколько минут все разведчики оказываются на берегу.

Теперь нужно спрятать лодки. Где надежнее их укрыть? Нелегкая задача. С трудом нашли небольшую ложбинку. Затащили в нее лодки, забросали буреломом. Юдаев отвел разведчиков в лес недалеко от берега, где решил переждать до рассвета.

Наступил рассвет. Разведчики осмотрелись. Вокруг стоял сплошной лес, молчаливый и темный. Над озером поднимался легкий туман, скрывавший от глаз тонкую полосу берега, на котором остались боевые товарищи из разведроты, капитан Шумов. Юдаев осмотрел место высадки - не осталось ли каких следов, затем проверил маскировку лодок. Двух разведчиков с ручными пулеметами решил оставить для охраны лодок. Их замаскировали - в двух шагах не заметить. В парный дозор назначил Манаенко и Михайлова, указал им азимут движения, проинструктировал.

Дозор пошел. За ним на расстоянии зрительной связи последовали лейтенант Юдаев с остальными разведчиками. Шли медленно, осторожно, внимательно всматриваясь в лесную чащобу. Ведь обстановка неизвестна, враг мог появиться в любую минуту.

Действительно, когда солнце поднялось выше, стали встречаться небольшие группы гитлеровцев. Их обходили. Один раз чуть не наткнулись на целую фашистскую роту, проводившую занятия в лесу. Дозор вовремя предупредил. «Наверно, вышел в тыловой район какой-нибудь дивизии», - подумал Юдаев. Он стал еще осторожнее. Теперь разведчики шли совсем медленно, часто останавливались, замирали на месте, прислушиваясь, вглядываясь в таинственную тень хвойного бора.

Запахло дымком. Юдаев приказал Манаенко и Михайлову выдвинуться вперед, выяснить, откуда дым. Раз дым, значит, там гитлеровцы. Манаенко и Михайлов исчезли за деревьями. Вернулись они неожиданно быстро. Тихо доложили лейтенанту: «Неподалеку шесть землянок. Около них ходят гитлеровцы. Там же стоит полевая кухня - она и дымит. Немного дальше на поляне артиллерийские орудия». Сообщение разведчиков обрадовало Юдаева: «Может, как раз

то, что ищем. Надо посмотреть». Осторожно, ползком и короткими перебежками разведгруппа, обходя землянки, двинулась вперед. Когда меж деревьями показался просвет, Юдаев остановил группу, а сам с двумя разведчиками пополз дальше. На поляне, задрав вверх короткие стволы, стояли в шахматном порядке артиллерийские орудия. Тут же, прямо на земле, штабеля снарядов, поблизости прохаживаются часовые в стальных касках. Орудия и снаряды накрыты сверху маскировочными сетями, с самолета их не заметить, а с земли, оттуда, где лежал в кустах лейтенант Юдаев, все отлично видно.

Он вынул из кармана карту. В пути лейтенант постоянно проверял по ней маршрут движения, и теперь для него не составляло труда сориентироваться, нанести на карту точное расположение огневой позиции. В блокноте он сделал пометку: «Гаубичная батарея. 6 орудий. Калибр 120 мм».

Обычно батарея входит в состав какого-нибудь артиллерийского дивизиона. Как правило, батареи одного дивизиона размещаются на огневых позициях недалеко друг от друга. «Значит, где-то рядом и другие батареи», - решил Юдаев.

Обшарив ближайшую местность, разведчики выявили месторасположение еще трех вражеских батарей. Таким образом, первая часть задания была уже выполнена. Теперь осталось приступить к выполнению второй части - захватить «языка». Для этого надо отойти подальше в тыл, где можно будет действовать в более спокойной обстановке. Соблюдая все правила предосторожности, разведчики выбрались из района, кишевшего гитлеровцами. Бурозеленые комбинезоны делали их почти невидимыми, незаметными среди еловых веток и кустов можжевельника. Юдаев выводил свою группу без спешки, временами подолгу и терпеливо выжидая удобного момента для движения...

Разведчики медленно шагали по лесу. Впереди - парный дозор. Наблюдатели внимательно смотрят по сторонам. Хотя они уже вышли из опасной зоны и гитлеровцы больше не встречаются, но предосторожность никогда не помешает, тем более что они все еще находятся в ближайшем тылу вражеских войск. Идущий в дозоре Манаенко вдруг остановился, подал сигнал «внимание». Разведчики мгновенно развернулись в цепь, замерли, притаившись за деревьями. Что там впереди? Пригнувшись, Юдаев поспешил к дозорным.

- Что случилось? - тихо спросил он, пристроившись рядом с Манаенко за шершавым стволом огромной сосны.

- Взгляните, товарищ лейтенант, - так же тихо сказал Манаенко.

Впереди было шоссе. Шагах в двухстах от места, где укрылись дозорные, стояла грузовая автомашина с открытым капотом. Немецкий водитель возился с мотором. Юдаев бросил быстрый взгляд по сторонам. Шоссе хорошо накатано, но сейчас пустынно и ни одной живой души вокруг, кроме этого немца. Схватить бы гитлеровца - и задание полностью выполнено. Шоферы обычно много знают. Соблазн велик. Еще не приняв окончательного решения, Юдаев подал сигнал рукой, чтобы вся группа подошла к нему. Разведчики подбежали, но гитлеровец, исправив мотор, уже садился в машину. Мгновенно созрело решение.

- Бурмистров! - позвал Юдаев одного из разведчиков.

- Есть! - отозвался тот.

Он был одет, как и все, в маскировочный комбинезон, но на голове немецкая пилотка, под комбинезоном серый немецкий мундир, а в руках - трофейный вороненой стали автомат. Бурмистров немного владел немецким языком. Юдаев расстегнул у него верхние пуговицы комбинезона, чтобы заметнее стал немецкий мундир, и коротко приказал:

- На дорогу! Задержать фашиста!

Машина уже медленно двинулась с места... Бурмистров выскочил на шоссе, поднял руку.

- Хальт!

Грузовик остановился, из кабины высунулся водитель, недовольно спросил:

- Вас ист дас?

- Документ! - потребовал Бурмистров.

Мгновение гитлеровец вопросительно смотрел в глаза Бурмистрову, и вдруг лицо его передернулось, он нажал на педали, дал газ и машина рванула с места. Бурмистров еле успел отскочить. Несколько секунд он оторопело смотрел вслед удалявшейся машине, потом сорвал с плеча автомат.

- Отставить! Не стрелять! - крикнул Юдаев.

Бурмистров вернулся к разведчикам, досадливо развел руками. Да, это была обидная неудача. Такой срыв мог дорого обойтись

разведчикам. Примчится гитлеровец на своей машине в ближайшую воинскую часть, наделает шуму, поднимут фашисты тревогу - и жди тогда усиленных патрулей на дорогах, прочесывания леса, засад в самых неожиданных местах. Опасно для разведчиков тревожить осиное гнездо, очень опасно. Теперь надо уходить подальше от этого места. Если действительно поднимется тревога, то гитлеровцы бросятся первым делом сюда.

Раздосадованные неудачей, разведчики шагали по лесу. Больше всех был недоволен сам лейтенант Юдаев. «Ну зачем поторопился, - мысленно ругал он себя. - Не новичок же. Ведь засада не была подготовлена. Зачем полез, понадеялся на авось. С ходу захотел взять «языка». Наивный болван. Такое удается один раз из ста... А почему все-таки фашист испугался? Физиономия у Бурмистрова чисто русская, что ли? Или акцент подвел? А может, он вовсе и не догадался, что перед ним русский, и драпанул по каким-то другим своим причинам? Может быть, никому и не расскажет о случае на дороге, чтобы не показаться трусом. Ладно. Дальнейшее покажет. А «языка» все равно брать надо».

Юдаев вел разведгруппу лесом, чтобы затем выйти на шоссе километрах в восьми западнее того места, где пытались захватить водителя грузовика. Шли осторожно, опасаясь, что теперь на шоссе и в лесу рыскают отряды прочесывания. Однако к дороге подошли, не встретив врага. Юдаев оставил группу в лесу, а сам с Манаенко расположился непосредственно у обочины, чтобы выяснить обстановку. На дороге все было спокойно, двигались в обе стороны редкие автомашины, патрулей не видно. «Кажется, пронесло, - отметил он про себя. - Теперь никакой спешки, второй раз ошибиться нельзя». Он тщательно выбирал место для засады и наконец нашел его между двумя изгибами шоссе. Расставил разведчиков, проинструктировал. «Будем действовать способом «карачун», о котором говорил капитан Шумов», - предупредил он своих людей.

Ну вот, все готово. У каждого изгиба шоссейной дороги расположились наблюдатели-сигнальщики, между ними у самой дороги в кустах - основная группа засады. Подрублена высокая стройная сосна, за ней притаились Балбачан и Михайлов с длинной рогатиной наготове.

Только успели все приготовить, как наблюдатель справа Манаенко уже подает сигнал «внимание». Значит, со стороны фронта кто-то должен появиться на шоссе. «Кто бы ни появился, брать не будем», - решает Юдаев. Он хотел дать разведчикам время успокоиться, лучше осмотреться. Никакой спешки. Действовать только наверняка. Через минуту штабной автобус с немецкими офицерами на большой скорости промчался мимо. И снова шоссе пустынно.

...Сидят разведчики в засаде, притаились. Медленно течет время, уже прошло часа два томительного ожидания. Терпелив лейтенант Юдаев. Пропустили конный обоз, три грузовые машины с патронными ящиками, позволили пройти мимо машине с солдатами. И вот новый сигнал слева - от Бурмистрова: сейчас снова кто-то появится на дороге. Юдаев пока ничего не видит, это «кто-то» еще скрыто за поворотом. Сердце лейтенанта гулко стучит, нервы натянуты как струны. Разведчики подобралась, готовые к прыжку, ждут команды своего командира. Из-за поворота показалась легковая машина. Юдаев бросает взгляд направо. Манаенко не подает сигналов. Значит, с той стороны ничто не угрожает.

- Внимание: будем брать! - негромко командует Юдаев.

Машина приближается...

- Давай! - машет рукой лейтенант.

Балбачан и Михайлов вскакивают, упираются рогатиной в подрубленный ствол сосны, и она с треском рушится на асфальт. Пронзительный визг тормозов, но «Хорьх» все же слегка ударяется о сосну, погнув радиатор и разбив ветровое стекло. Разведчики окружают машину, открывают дверцы. Испуганный, ничего не понимающий, застыл на своем сиденье шофер, крепко вцепившись руками в рулевое колесо. Рядом с ним немецкий офицер, сморщившись от боли, потирает ушибленный лоб. Они ошеломленно смотрят на разведчиков и не успевают сообразить, что происходит. Сильные руки хватают их и вытаскивают из машины.

- В лес их, быстро, - распоряжается Юдаев.

Пленных уводят. Лейтенант с несколькими разведчиками остается на шоссе. С трудом они оттаскивают на обочину тяжелую сосну, потом откатывают покореженный «Хорьх» метров на сорок в лес, забрасывают его ветками, сметают с асфальта осколки стекла. Юдаев окидывает взглядом шоссе и удовлетворенно говорит:

- Сойдет. Сразу никто ничего не заметит, а пока хватятся - мы будем уже далеко. Пошли, товарищи!

К озеру подошли, когда на землю спускались сиреневые летние сумерки.

- Все ли в порядке? - спросил Юдаев разведчиков, охранявших лодки.

- Все в порядке, товарищ лейтенант, - дружно ответили те. - Дважды проходил парный патруль, но ни нас, ни лодок не обнаружил.

- Ну и ладно, - усмехнулся Юдаев.

Теперь нужно было дождаться полной темноты. Выставили дозоры. Усталые разведчики расположились под деревьями, закурили. Бессонная ночь, напряженный, полный опасностей день начинали сказываться. Однако спать никому не хотелось. Сознание выполненного долга придавало всем бодрости.

Юдаев подозвал Бурмистрова:

- Взгляни-ка на их документы.

Бурмистров вынул из кармана отобранные у пленных удостоверения личности, прочитал вслух:

- Майор Карл Брандель, штаб девяносто второй дивизии. Шофер рядовой Рауль Приман, штаб той же дивизии.

- Девяносто вторая дивизия? Вроде такой не было перед нами, - удивился Юдаев. - Может, новая дивизия пришла. Ладно. Капитан Шумов разберется. Главное - есть «языки».

Когда совсем стемнело, разведчики спустили лодки на воду, установили ручные пулеметы, усадили пленных и отчалили от берега.

...Дивизия генерала Казанцева готовилась к наступлению, и захваченные группой Юдаева пленные оказались очень ко времени. Они дали ценные сведения. Гитлеровцы произвели перегруппировку, сняли с переднего края сильно потрепанную 18-ю гренадерскую дивизию, заменив ее свежей 92-й пехотной дивизией.

Получив эти сведения, генерал Казанцев учел изменения в обстановке, и никакие перегруппировки, раз они стали известны нашему командованию, не спасли гитлеровцев от разгрома. Добытые разведгруппой лейтенанта Юдаева данные о расположении вражеских батарей тоже сделали свое дело. Недолго стояли там батареи на своих огневых позициях. Настал час - и взлетели они на воздух от сокрушительного огня нашей артиллерии, взлетели вместе с

обслуживающими их солдатами, землянками и штабелями снарядов. В самый ответственный момент враг лишился значительной части своей огневой мощи.

РАЗВЕДЧИКИ УХОДЯТ В ПОИСК

Пожалуй, наиболее трудные условия для ведения разведки создавались тогда, когда гитлеровцы, стремясь противостоять нашему наступлению, переходили к жесткой долговременной обороне, зарывались в землю, сильно укрепляли передний край многочисленными инженерными заграждениями. В этих условиях войсковые разведчики прибегали к поиску, применяли военную хитрость, без чего иной раз и невозможно было выполнить поставленную задачу.

Поиск - это скрытный подход разведгруппы к намеченному и заранее изученному объекту в расположении противника и внезапное нападение на него в целях захвата пленных. Но как подобраться к противнику, как преодолеть многочисленные препятствия и заграждения? Как проползти в кромешной темноте по минному полю, преодолеть несколько рядов проволочных заграждений, не задев за погремущки, в изобилии развешанные гитлеровцами на проволоке и звенящие при малейшем прикосновении? Как незаметно подобраться к какому-нибудь блиндажу, из амбразуры которого смотрит прямо на тебя дуло фашистского пулемета, готовое в любую секунду выстрелить в упор сотни смертоносных пуль. Враг ведь не дремлет, чутко прислушивается, пускает осветительные ракеты. И все-таки разведчики должны идти на такое, казалось бы, безнадежное дело, брать «языков», добывать новые данные о противнике. Иначе нельзя. Не может командир принять обоснованное решение и правильно организовать бой, если не будет знать противника.

Армия генерала Грибова еще только готовилась к новому наступлению, а разведчики уже действовали, уже вели свой смертельный бой с врагом. Командованию необходимы новые сведения о вражеских войсках, и потому генерал Грибов все чаще требует к себе начальника разведки Вершинина (к тому времени уже подполковника). Вот и сейчас Вершинин в кабинете командующего, опять раскладывает на столе карту с нанесенными на ней разведывательными данными.

Но сегодня доклад начальника разведки краток:

- За истекшие сутки на фронте армии каких-либо существенных изменений не произошло, гитлеровцы продолжали укреплять и совершенствовать свою оборону.

- Очередной ночной поиск на участке дивизии Саманина закончился неудачей, - в заключение говорит Вершинин. - Разведчики даже не смогли приблизиться к немецким окопам, были обнаружены на полпути. Трое ранены, один убит.

По лицу командующего пробежала тень:

- Значит, опять у Саманина не взяли «языка». Только людей зря теряем, - с досадой говорит он.

Действительно, на этом участке разведчикам никак не удастся взять пленного. В других дивизиях берут, а у Саманина неудача за неудачей. Между тем командующий придает этому участку особое значение, потому что именно здесь будет нанесен главный удар в предстоящем наступлении армии. По тону, каким Грибов произнес «опять не взяли», Вершинин почувствовал упрек не только генералу Саманину, но и себе - начальнику армейской разведки.

- Пленного взять! - приказывает командующий. - Помогите Саманину, пошлите к нему опытного офицера.

В тот день в рабочей комнате Вершинина побывали многие офицеры отдела, а первым был вызван Егоров, теперь уже майор.

- Собирайтесь в дивизию Саманина, - скажи ему подполковник. - Что-то не клеится у них с ночными поисками. Очевидно, действуют по шаблону. Нужно найти новые тактические приемы. «Язык» должен быть взят. Это очень важно. Срок - три дня.

Потом были вызваны другие офицеры, и к вечеру отдел Вершинина почти опустел.

* * *

Всю первую половину дня майор Егоров и капитан Сахаров провели на передовой в тщетных попытках подыскать подходящий объект для ночного поиска. Ничего стоящего они не нашли, хотя и исползали не одну сотню метров: то у гитлеровцев слишком плотная оборона, то местность не очень удобная, то еще какие-нибудь

препятствия, а если попадалось что-нибудь подходящее, оказывалось, там уже пробовали брать «языка» и... безуспешно. Ночной поиск не проводится дважды в одном и том же месте. Если уж сорвалось однажды, то не пытай здесь счастья второй раз: враг будет еще бдительнее, не подпустит к своим окопам.

Так ничего и не придумав, не придя ни к какому решению, Егоров и Сахаров возвращались в штаб дивизии. Они шли лесом по узкой, чуть заметной тропинке, изредка перебрасываясь словами, а больше молчали, думая каждый о своем. Был жаркий полдень, в лесу стояла духота, и по усталым лицам офицеров градом катились капли пота. От передовой до штаба дивизии было не так уж далеко, и вскоре под соснами и елями показались небольшие холмики штабных землянок.

Землянка Сахарова состояла всего из одной крохотной комнатухи, дневной свет в которую проникал через узкое оконце. У обшитых сосновым тесом стен стояли три топчана, покрытые серыми солдатскими одеялами, и складной столик с полевым телефоном. Здесь жили и работали офицеры дивизионной разведки: Сахаров и двое его помощников. Сейчас в землянке никого из помощников не было. Один уже неделю находился в госпитале после ранения, другой был в полку. Егоров и Сахаров присели на топчан у стола.

- Просто не знаю, чем объяснить, - бросив на стол планшет с картой, сказал начальник дивизионной разведки Сахаров. - Гитлеровцы стали какими-то нервными на нашем участке, по ночам без конца бросают осветительные ракеты, чуть заметят шевеление - сразу огонь из всех видов оружия. Раньше они были поспокойнее и поиски нам удавались, теперь же неудача за неудачей.

- Так и не знаешь, чем объяснить нервозность гитлеровцев? - с иронией спросил майор Егоров.

- Ну, предположительно я, конечно, могу назвать причину. Фашисты ждут нашего нового наступления, потому и нервничают, - поправился Сахаров.

- Если начальник дивизионной разведки употребляет такие слова, как «предположительно», значит, дела у него обстоят не совсем хорошо, - заметил Егоров. - Говоришь, гитлеровцы ждут наступления, нервничают? Верно. Но не в этом суть ваших неудач. Перестарались вы, друзья мои, сами приучили фашистов к бдительности. Почти каждую ночь твои или полковые разведчики идут в поиск, и

гитлеровцы привыкли к этому, ждут их в полной готовности, знают: где-нибудь да появятся ночные гости. Поставь себя на их место: тоже, наверное, усилил бы бдительность. Надо бы дать фашистам успокоиться, прекратить пока поиски, да времени у нас с тобой нет. Приказано взять «языка» в самые ближайшие дни.

Егоров помолчал, закурил папиросу и задумчиво посмотрел на Сахарова:

- Когда мы были сегодня на участке роты лейтенанта Гуренко, у меня возникла мысль провести поиск в светлое время, днем или утром.

- Что вы, товарищ майор! - изумился Сахаров. - Ночью-то никак не удастся подобраться к ним, а днем и подавно ничего не выйдет.

- Не спеши с выводами, капитан, - остановил его Егоров. - Всю обратную дорогу я обдумывал такую возможность. Вот послушай. Ночью гитлеровцы все на ногах и в полной готовности ждут наших разведчиков, а в первой половине дня они отдыхают в блиндажах, в окопах остаются лишь наблюдатели и дежурные у пулеметов. Так или не так?

- Да, так, - подтвердил Сахаров. - В первой половине дня у них действительно в окопах не густо, одни дежурные у пулеметов. Но от блиндажей, где отдыхают солдаты, всего несколько шагов до передовой траншеи, и по тревоге они через минуту будут на своих местах в окопах. Это раз...

- погоди, - прервал его майор. - Значит, с момента подачи сигнала тревоги и до того, как гитлеровцы займут свои места в окопах, пройдет что-нибудь около минуты. Согласен?

- Согласен. Только что нам даст эта минута? Ведь пулеметчик будет на месте, сразу начнет стрелять. Днем разведчики будут перед ним как на ладони.

- Да, конечно, просто так к пулеметчику не подобраться. Надо его как-то отвлечь, пусть на короткое время, но отвлечь, - сказал Егоров, подвинул к себе лист бумаги и, набрасывая карандашом схему, продолжал развивать свою мысль: - Вот первая траншея фашистов. В этих кустах бузины у них пулемет. Здесь от наших позиций в «ничейную» полосу врезается небольшая осиновая роща. Кстати, мы сегодня там побывали, и гитлеровцы не заметили нас. Если взять эту рощу за исходный рубеж для поиска? Посмотрим, что встретится на пути нашим разведчикам. За осинником открытая местность,

заминированный луг, посреди луга проволочные заграждения в четыре ряда кольев и, наконец, тот фашистский пулемет. От осинника до него метров сто двадцать - сто сорок. Сколько времени потребуется разведчикам, чтобы броском преодолеть это расстояние? Секунд двадцать пять - тридцать. Столько же обратно. Значит, в минуту с небольшим они уложатся.

- А пулеметчик? Не будет же он сидеть сложа руки, скосит разведчиков в упор на полдороге, - проговорил Сахаров.

- Есть у меня одна идея...

Продолжая чертить на бумаге схему поиска, Егоров рассказал о своем замысле.

- Пожалуй, может и получиться, - не очень уверенно проговорил Сахаров.

Они снова склонились над схемой. Потом майор Егоров тут же из землянки позвонил в штаб армии.

- Вершинин не возражает, - сказал он, переговорив по телефону. - Посоветовал еще раз все взвесить и доложить командиру дивизии.

...Вдвоем они пришли к генералу Саманину.

- Дерзко и смело, - резюмировал комдив, посмотрев схему поиска и пояснительную записку. - Однако... Поиск среди белого дня... Гм-м. Не слишком ли много риска?

Генерал вторично и еще внимательнее просмотрел предложенный офицерами план: задуман неплохо, построен на точном знании обстановки, с учетом психологии гитлеровского солдата. Но - риск, огромный риск!

Саманин отлично знал участок обороны своей дивизии, не раз бывал в той осиновой роще, помнил и зеленые кусты бузины, за которыми укрывается пулеметная точка противника, и почти зримо представил себе то, что там произойдет. Несколько наших разведчиков среди белого дня, во весь рост, по открытой местности, на глазах у гитлеровцев направятся к их окопам, прямо на фашистский пулемет... М-да... Ну, а если не все пойдет так, как задумано?... Тогда плохо, тогда разведчикам несдобровать и выручить их будет трудно. Так что же, опять попытаться ночью? Ночью, конечно, меньше риска. Но ведь пытались, сколько крови пролили - и все напрасно. А «язык» нужен, как воздух, сам командующий требует, значит, очень важно. Нет, все-таки днем... Такого еще не бывало. Так, может, в том-то и вся суть, что

не бывало? Для гитлеровцев это будет полной неожиданностью, невиданной дерзостью...

- Добро! Приступайте к подготовке. Я отдам все нужные распоряжения, - заключил комдив. - Желаю успеха.

...Майор Егоров сосредоточенно рассматривал в бинокль лежавшую перед ним местность и еле заметную узкую полосу вражеской траншеи. Дощатый настил наблюдательной вышки, на котором он стоял, прогибался под ногами: кроме Егорова там еще и капитан Сахаров, и командир артиллерийского дивизиона, и телефонист со своими телефонными аппаратами. Они едва уместались, но с вышки очень хорошо был виден весь район предстоящего поиска и даже многое такое, чего с земли никак не увидишь.

Неподалеку от вышки в неглубоком свежерытом окопчике сидят пятеро солдат-артиллеристов. Они молча покуривают самокрутки, поглядывают на свою сорокапятимиллиметровую пушку, которую ночью подтащили сюда на руках, поставили у самой кромки леса, тщательно замаскировав еловыми ветвями.

Подальше, на нейтральной полосе, между нашими и неприятельскими траншеями в небольшой осиновой рощице притаились разведчики. Они лежат под деревьями на еще не просохшей от утренней росы траве и не сводят глаз с низкорослых кустиков бузины, за которыми прячется фашистский пулеметчик. Зеленый луг со звездной россыпью белых ромашек отделяет разведчиков от вражеского пулемета. Всего сто тридцать метров. Однако этот зеленый и веселый луг с нежными полевыми цветами таит в себе страшную опасность, и не только потому, что каждый его метр заранее пристрелян вражеским пулеметчиком, но и потому, что усеян он не одними ромашками, а еще и смертоносными немецкими минами. Посередине луг перехвачен четырьмя рядами проволочных заграждений. Поржавелая стальная колючка густо оплетает деревянные колья, расставленные в шахматном порядке, очень ровно, с чисто немецкой аккуратностью.

Лежат разведчики в траве с автоматами в руках, набив карманы маскировочных комбинезонов гранатами, слушают последние указания своего командира старшего сержанта Ярового, а вокруг сияет яркий летний день, из хвойного леса доносится печальное

посвистывание иволги, в осиннике заливаётся звонкой трелью серый зяблик, присевший на ветку по соседству с разведчиками.

Не замечают разведчики красоты сияющего дня, не слышат многоголосого пения лесных птиц. Не до того им сейчас. До начала поиска осталось несколько минут, предстоит жестокая и беспощадная схватка с врагом. Вполне может случиться, что кто-то из них уже никогда больше не увидит леса, не услышит пения птиц, не встретится с матерью, с любимой девушкой. Понимают разведчики: может такое случиться, но стараются не думать об опасности.

Старший сержант Максим Яровой хорошо знает своих солдат. Разные они люди, разные у них характеры. Одни сдержанны, малоразговорчивы, всегда серьёзны, как Флорентьев, Осадчий, Бабанин, а вот Чеканов и Зинченко весельчаки, балагуры. Юратов вспыльчив, не любит, когда над ним подшучивают. Но в бою они одинаковы: бесстрашные, настойчивые, дружные, всегда готовые прийти на помощь друг другу. Как и Яровой, они пришли в разведроту добровольно из разных частей и подразделений: «Хотим служить в разведке, доверьте нам любое опасное дело». Им доверили, зачислили в разведроту. Максим Яровой уверен в своих помощниках - они не подведут.

Яровой также молод, одет в такой же маскировочный комбинезон и внешне ничем не отличается от подчиненных, разве что глубоким шрамом на щеке, оставшимся на всю жизнь после одной рукопашной схватки с фашистским гренадером. Лежит Яровой рядом с разведчиками, покусывает травинку, думает о предстоящем поиске, и представляется он ему во всех деталях, во всех подробностях. В назначенное время подадут сигнал с вышки, артиллеристы выскочат из своего окопчика, мигом разбросают еловые ветки, наведут ствол пушки чуть-чуть повыше фашистской пулеметной точки и откроют беглый огонь. После второго или третьего выстрела Яровой подаст команду, и группа прикрытия - Зинченко с тремя разведчиками - бросится через луг. Разведчики побегут гуськом, в затылок друг другу, по узкой ленточке - всего два метра шириной - разминированного саперами минного поля. За ними шагах в десяти пойдет группа захвата: сам Яровой с Юратовым и Бабаниным. Зинченко со своими достигнет проволочных заграждений, разбросает колючую проволоку, что ночью была срезана саперами и аккуратно поставлена на место, и

займет там боевую позицию на случай, если потребуется прикрыть огнем группу захвата. А Яровой с Юратовым и Бабаниным, не останавливаясь, устремятся через проделанный проход прямо к пулеметной точке врага.

Самое главное в этом поиске - как поведет себя фашистский пулеметчик, когда над его головой полетят снаряды нашей пушки. По расчетам офицеров инстинкт самосохранения заставит его пригнуться. Это произойдет помимо его воли, помимо его желания, в первые секунды по крайней мере. Пригнувшись, он перестанет видеть свой сектор, и тех секунд должно хватить разведчикам, чтобы перебежать луг, ворваться в траншею и схватить пулеметчика. Все решают секунды. Вчера Яровой под руководством майора Егорова и капитана Сахарова трижды водил разведчиков «в поиск». Все было, как и здесь: луг, проволочные заграждения и макет немецкой пулеметной точки. Все получилось как надо, должно и теперь получиться. «Обязательно получится, - думает Яровой. - Ну, а если что и пойдет не так, как задумано, то ведь за нами будут наблюдать майор Егоров и капитан Сахаров, они не оставят в беде, помогут. Недаром же целый артиллерийский дивизион стоит на временных огневых позициях в готовности немедленно открыть ураганный огонь, прикрыть нас».

- Товарищ старший сержант! Сигналят, - вполголоса проговорил один из разведчиков, наблюдавший за сигналами. Яровой оглянулся. Из-за рыжего ствола огромной сосны, там, где кончается хвойный лес и начинается осинник, помахивали красным флажком. Яровой хрипло скомандовал:

- Приготовиться! Сейчас пойдем!

* * *

Обер-ефрейтор Шнайдер заступил на свой пост всего лишь два часа назад, однако от неподвижного стояния в узком окопе у него уже начали затекать ноги. Окоп обер-ефрейтора находится чуть впереди траншеи и соединен с нею коротким, всего в один шаг, проходом. В окопе тесно, большую его часть занимает прочно сколоченная деревянная станина, на которой, широко расставив сошки, распластался начищенный до блеска, прилежно смазанный станковый

пулемет. По глубине окоп не так уж велик, меньше человеческого роста, но мешки с песком, уложенные полукольцом по брустверу, хорошо защищают обер-ефрейтора от пуль. Узкие щели между мешками позволяют надежно просматривать местность и при надобности вести огонь в любую сторону.

Шнайдер внимательно оглядывал зеленый луг, ряды проволочных заграждений, осинник, темнеющий слева, опушку хвойного леса, стеной стоявшего в трехстах метрах от окопа. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом и припекало всюду, даже развесистый куст бузины, маскирующий окоп, не спасал от его лучей. Шнайдеру стало жарко, однако он и не подумал расстегнуть воротник суконного мундира или снять с головы нагревшуюся стальную каску, он был образцовым солдатом и даже в мелочах никогда не нарушал дисциплины.

Дежурство проходило спокойно, русские ничем не тревожили, и обер-ефрейтор, покуривая, мурлыкал под нос всякие песенки, вспоминал разные случаи жизни. Однако, предаваясь воспоминаниям, он не переставал выполнять свои обязанности, ни на секунду не прерывал наблюдения и потому сразу же заметил едва приметное шевеление на опушке темневшего впереди леса.

Выплюнув окурок сигареты, обер-ефрейтор машинально схватился за ручки пулемета, напряг зрение, пытаясь рассмотреть, что происходит у русских. Будто молния сверкнула на опушке леса, раскатисто грохнул пушечный выстрел, и в то же мгновение над головой обер-ефрейтора со страшным визгом пролетел снаряд. Теперь он отчетливо разглядел советскую пушку. Она стояла между двух елей у самой кромки леса, и фигурки русских солдат копошились около нее. Приложив пальцы к гашеткам, обер-ефрейтор повел дулом пулемета, лоя на мушку те фигурки, но пушка снова блеснула красно-рыжим пламенем, и визг приближающегося снаряда заставил его отпустить ручки пулемета, присесть на дно окопа. Этот снаряд пролетел еще ниже, чуть не коснувшись мешка с песком, обдав обер-ефрейтора жарким ветром, оглушив пронзительным визгом. Обер-ефрейтор медленно стал подниматься, но тут же снова опустился на дно окопа. Мешки с песком хороши от пуль, а от снаряда они не уберегут. Снаряды летели и летели один за другим у него над головой, обдавали жаром, прижимали к земле.

И вдруг все стихло. Немного переждав, обер-ефрейтор поднялся, вцепился в ручки пулемета, окинул взглядом позиции русских. Пушка стояла на прежнем месте, солдат около нее уже не было. Но опытный глаз обер-ефрейтора заметил и проход, появившийся в ровных рядах проволочных заграждений, и лежавших там людей. Резким движением повернул он свой пулемет в ту сторону, автоматически поправил прицел... И тут же земля ушла из-под ног, стальная каска слетела с головы - кто-то бросил его наземь, сунул в рот вонючую тряпку, быстро и ловко обмотал веревкой. Это произошло в считанные мгновения, и он даже не успел сообразить, что случилось. Страшная догадка мелькнула лишь тогда, когда он увидел высокого парня в лихо сдвинутой на бровь пилотке с красной звездочкой. Парень одним проворным движением вынул замок из пулемета, положил себе в карман и что-то сказал. Сильные руки подхватили обер-ефрейтора, швырнули на бруствер траншеи. Он почувствовал, как натянулась веревка, крепко сдавила грудь, и с ужасом понял, что его поволокли по земле туда, к русским окопам, и ничто уже не спасет его от долгого плена или скорой смерти. Все-таки он закричал, призывая на помощь, но услышал только глухое мычание, потому что кляп во рту мешал крику вырваться наружу.

Дежурный офицер батальона обер-лейтенант Хаузер находился, как и положено, на батальонном командном пункте, в блиндаже, расположенном метрах в четырехстах от передовой траншеи. Поскольку на позициях тихо и ничто не предвещало каких-либо беспокойных событий, Хаузер уселся писать письмо. Недалекий пушечный выстрел заставил его оторваться от письма, поднять голову, прислушаться. Когда один за другим прозвучало еще несколько выстрелов, он, взяв бинокль, направился к амбразуре. На слух он определил без труда: огонь ведет всего одна пушка, к тому же малокалиберная, и, по-видимому, бронебойными снарядами. Стрельба не вызвала у него каких-либо волнений: мало ли выстрелов раздается на позициях в течение дня. Он спокойно поднес бинокль к глазам и сразу заметил небольшую группку советских солдат, бежавших от осиновой рощи через луг. Обер-лейтенант лишь удивленно хмыкнул. Среди бела дня по минному полю к проволочным заграждениям, прямо на пулемет! Сумасшествие какое-то.

С насмешливым любопытством наблюдал он за советскими солдатами, ждал: вот сейчас взорвется мина, вот сейчас у проволоки скосит их пулемет обер-ефрейтора Шнайдера. Но никто из русских не подорвался на минах, а добежав до заграждений, они раскидали проволоку, залегли, трое же устремились дальше к немецкой траншее. Только теперь он, Хаузер, сообразил, что русские проводят какой-то заранее подготовленный тактический маневр. Ироническую усмешку как ветром сдуло с лица обер-лейтенанта.

- Крайс! - гаркнул Хаузер. - Сигнал боевой тревоги! Живо!

- Яволь, герр обер-лейтенант! - откликнулся из-за перегородки бодрый голос, и тотчас же послышались громкие и торопливые удары о рельс.

Хаузер бросился к полевому телефону.

- Батарея? Русские в квадрате семнадцать. Огонь!

Не отрывая телефонной трубки от уха, он взглянул в амбразуру. Трое советских солдат, согнувшись, бежали обратно, волоча за собой какой-то узкий и длинный предмет.

«Язык» в руках разведчиков

...Первые вражеские мины разорвались, когда разведчики, тяжело дыша, взмокшие от усталости и нервного напряжения, подбегали к осиновой роще. За минами последовали беспорядочные винтовочные выстрелы. Однако мины разорвались далеко позади, а пули просвистели высоко над их головами. «Ну, теперь все в порядке, - обрадованно размышлял Максим Яровой. - Здесь, в осиннике, фашисты нас не видят, кидают мины наугад. А главное, наконец-то есть пленный, есть «язык».

Открыл огонь наш дивизион, и огонь немецкой минометной батареи постепенно затих. Последняя фашистская мина ударила в

серый ствол осины и разорвалась неподалеку от разведчиков. Юратов, тянувший вместе с Бабаниным пленного, охнул, пошатнулся. К нему тотчас же подбежали Осадчий и Флорентьев, подхватили под руки, повели к своим траншеям. Яровой подхватил веревку, помог Бабанину тащить пленного.

Вот и сосновый бор. Навстречу разведчикам спешили Егоров, Сахаров и военфельдшер Рябин. Яровой бросил веревку, поправил пилотку и, подойдя к Егорову, доложил:

- Товарищ майор! Задача выполнена, пленный доставлен.

Егоров протянул ему руку.

- Спасибо. Я все видел. Молодцы.

Сахаров подошел к Рябину, который уже перевязывал Юратова:

- Что с ним?

- Ничего серьезного, - ответил военфельдшер, продолжая бинтовать руку Юратова. - Даже без госпиталя обойдемся.

По бледному лицу Юратова пробежала довольная улыбка.

- Чего ухмыляешься, дорогой товарищ, - сказал ему Рябин. - В медсанбат я тебя все равно отправлю недели на две.

- Медсанбат - не госпиталь, - морщась от боли, проговорил Юратов. - Из медсанбата-то я в свою роту уж запросто попаду.

- Ах вот чего ты боишься, герой: как бы не отправили после выздоровления в другую часть.

Майор Егоров покосился на пленного, лежавшего на земле, и жестом приказал развязать его. Бабанин быстро раскрутил веревку, туго обвивавшую тяжелое тело гитлеровца.

- Вставай, фриц, приехали!

Допрос пленного дал много новых сведений, но немало еще требовалось выяснить, уточнить. Не удалось, например, установить стыки между немецкими воинскими частями, а это очень важно знать перед наступлением. Такие данные можно получить лишь от пленных. Поэтому, вернувшись в землянку, Егоров и Сахаров сразу же занялись изысканием нового варианта разведывательного поиска на другом участке.

И вот уже время перевалило далеко за полдень, и старая консервная банка до краев заполнена окурками, и плавает по землянке туманом табачный дым, а у них еще не созрело никакого решения, даже наметки какого-либо конкретного плана. Сахаров сидел у

столика, угрюмо уставившись на топографическую карту, потирал рукой загорелый лоб. Егоров, скрестив руки на груди, медленно расхаживал по единственной свободной полоске земляного пола между столом и топчаном. Иногда он останавливался перед Сахаровым, водил карандашом по карте и произносил - уж который раз за сегодняшний день: - «А что, если»... Начиналось обсуждение очередного варианта, и после недолгих дебатов вариант этот отвергался так же, как и все предыдущие: не подходит, пробовали, нужно что-то поновее. Снова мучительные размышления, искания. Наконец Егоров, устало махнув рукой, сказал:

- Сделаем перерыв. Выйдем на полчаса, подышим свежим воздухом.

- Пожалуй, я останусь, товарищ майор. Посижу здесь, подумаю один.

- Ну-ну, подумай. А я все-таки пойду освежусь, голова трещит дьявольски.

Откинув полог, прикрывавший вход в землянку, Егоров вышел, постоял, вдыхая чистый воздух соснового бора. Пахло нагретой смолой, теплым деревом, горьковатым ароматом хвои. «Загляну-ка к Небылицину, узнаю, как он там», - решил майор.

Много лет Илья Егоров и Алексей Небылицин прослужили в одной воинской части, по-соседски дружили семьями. Перед войной пути их разошлись, политработник Небылицин получил назначение в другой город, забрал жену с ребенком, уехал. Вновь встретились они уже на фронте, в дивизии Саманина, где Небылицин служил инструктором в политотделе. Часто бывая по служебным делам в этой дивизии, Егоров обычно выкраивал хотя бы несколько минут, чтобы повидаться с товарищем.

В землянке, где жили политотдельцы, никого из офицеров не оказалось. Пожилой солдат-ординарец сказал, что майор Небылицин, по-видимому, в Ленинском уголке. Ленинский уголок - это тоже землянка, только намного больше, там проводятся партийные собрания, разные сборы, а когда в дивизию приезжают артисты, то эта землянка превращается в своеобразный фронтовой театр. Небылицин действительно был там. Он что-то записывал в блокнот.

- О-о! Армейское начальство прибыло! - обрадовался он, увидев входящего Егорова. - Здорово, Илья! Какими ветрами?

- К вашим разведчикам в гости.
- Понятно. Стало быть, на помощь Сахарову прислали.
- Живой! - Егоров похлопал товарища по плечу.
- Как видишь. Что нам сделается?

Сели рядом.

Егоров окинул взглядом помещение и только теперь заметил, что они не одни. В дальнем углу землянки на полу лежал на животе солдат и кистью водил по картонному листу. Вокруг него стояли банки с красками, грудой лежали куски фанеры.

- Афишу, что ли, расписывает с приглашением на концерт? - удивился Егоров.

- Почти угадал! - засмеялся Небылицин. - Поручили мне устроить развлечение фашистам, а заодно несколько расширить их политический кругозор. Вот мы и трудимся над этим с нашим художником товарищем Якименко.

- Не понял. Объясни.

- Думаем для фрицев поставить транспарантик с портретом ихнего Адольфа, в соответствующем оформлении конечно. Пусть посмотрят, полюбуются на своего фюрера, может, до кого-нибудь и дойдет правда-матушка, откроет глаза. Только место, где поставить транспарант, еще не выбрали.

- Ага, ясно. Собираешься разить фашистов «шершавым языком плаката». И часто ты устраиваешь им такие вернисажи?

- Транспарант впервые будем ставить. Вот по радио через громкоговорители частенько им объясняем что к чему, а транспарант - первый раз.

- И как они реагируют на твою агитацию по радио? - заинтересовался Егоров.

- Очень болезненно. Тут же начинают из всех пушек и пулеметов палить. Разумеется, наша передающая агитстанция укрыта по всем правилам инженерной науки, ее не так-то легко подбить, гитлеровцы это понимают и стреляют больше для того, чтобы заглушить нас, сорвать агитацию. Слова наши справедливые, правильные, немецкие солдаты наверняка слушают с интересом, ну а генералам и офицерам такое, конечно, не по душе, потому и свирепеют, приказывают открывать огонь, как только услышат первые фразы обращения.

«Транспарант... Впервые... Ведь его можно поставить где нужно», - подумалось Егорову, и в его отяжелевшей от раздумий голове мелькнули первые, пока еще расплывчатые замыслы нового варианта поиска. Он резко поднялся, подошел к художнику и, по привычке скрестив руки на груди, стал внимательно разглядывать разрисованные куски картона. Не понимая, чем вызван такой внезапный интерес к транспаранту, Небылицин с любопытством наблюдал за Егоровым. А тот все стоял и стоял, о чем-то сосредоточенно думал.

Наконец он повернулся к Небылицину, глаза его радостно сияли.

- Слушай, друг мой Алеша! - возбужденно заговорил он. - Наверное, сама судьба привела меня к тебе в этот час. Ты даже не можешь себе представить, как помог мне в решении одной трудной задачи. А место для транспаранта я тебе найду, отменное место. Считай, что оно у тебя уже есть.

- Ты, Илья, какими-то загадками заговорил. Может, объяснишь?

- Конечно, объясню. Пошли скорее к начальству, надо кое-что согласовать. По дороге все и объясню. Идем, Алексей!

Было что-то в сверкающих глазах майора Егорова такое, отчего Небылицин, больше ни о чем не спрашивая, поднялся и молча последовал за товарищем.

...Всю ночь солдаты гренадерского полка простояли в окопах, ожидая ночных действий русских разведчиков. Однако время шло своим чередом, и вот уже порозовел небосклон на востоке, приближался рассвет, а разведчики так и не появились. Хмурые, прозябшие в сырых окопах, гренадеры с нетерпением ожидали смены, когда можно будет обсушиться, лечь на нары, вытянуть затекшие от долгого стояния ноги.

Красный шар солнца показался из-за леса, за клубилась паром земля, не просохшая после короткого ночного дождя, все отчетливее вырисовываются контуры знакомого ландшафта. Но что такое? На «ничейной» полосе, недалеко от окопов, появился какой-то новый предмет, вроде бы большой щит с надписями. Когда же солнце поднялось еще выше и рассеялся туман, гренадеры отчетливо увидели транспарант. Некоторые из них заулыбались, иные зашептались, кое-кто выругался. На транспаранте была изображена голова Гитлера на куче человеческих черепов и надпись: «Немецкие солдаты! Паршивец

Гитлер ведет Германию к пропасти, вас - к гибели. Очнитесь. Пока не поздно, стреляйте по фюреру!».

Прочитав эту надпись, ротный командир капитан Брикман, к которому ближе всех оказался транспарант, побледнел, растерялся, не зная, что предпринять. Стрелять по транспаранту - значит выполнить призыв русских. Оставить транспарант на месте - тоже нельзя, солдаты смотрят. Ничего не решив, Брикман поспешил к командиру батальона, а потом вместе с ним к командиру полка. Полковник Гейтнер, тоже не приняв какого-либо решения, позвонил генералу Штоку, объяснил ситуацию. Несмотря на ранний час, Шток немедленно прибыл в расположение полка, внимательно рассмотрел транспарант в бинокль и напустился на Гейтнера:

- Как вы могли такое допустить! Убрать сейчас же эту агитку, вызвать добровольцев и убрать! Буду лично наблюдать!

- Позвольте доложить, генерал. Со стороны русских местность хорошо просматривается и простреливается, - попытался предостеречь Гейтнер.

- Выполняйте приказ! - отрезал Шток.

Когда добровольцы проползли половину пути, перед ними внезапно встала стена заградительного огня советских минометов и пулеметов. Шток видел в бинокль всплески частых фонтанов земли, беспрерывно возникающих шагах в десяти перед его солдатами. Русские словно предупреждали: остановитесь! дальше не пустим!

Он метнул на Гейтнера свирепый взгляд, спросил:

- Что предлагаете, полковник?

- Подождать до ночи и попытаться...

- Еще чего! - оборвал Гейтнера генерал. - Весь день солдаты будут смотреть и читать большевистскую агитку. Ну нет!

- Тогда, может, дымовую завесу? - предложил полковник.

- Это другой разговор, - сразу оживился Шток. - Какой сегодня ветер?

- Северо-западный, подходящий, - ответил Гейтнер.

- Добровольцев назад! - распорядился Шток. - Подготовить дымовую завесу, под ее прикрытием повторить вылазку, убрать транспарант!

...В густом кустарнике буйно разросшегося орешника, на «ничейной» полосе, между нашими и неприятельскими окопами

лежали в засаде разведчики. Земля еще не просохла после прошедшего ночью дождя, с листьев падали холодные капли, и солдаты поеживались от сырости.

Когда в серой дымке начинающегося рассвета стали вырисовываться местные предметы, старший сержант Максим Яровой придиричиво оглядел каждого разведчика. Он привел их сюда ночью, и вполне могло случиться, что впотьмах кто-нибудь плохо замаскировался. Но, кажется, все в порядке. Даже для него разведчики почти невидимы, хотя лежат рядом. Вон только у Бабанина что-то не совсем ладно, нога торчит как-то несуразно. Конечно, до гитлеровцев далеко, не заметят, но подковка на подошве может заблестеть на солнце и привлечь их внимание.

- Бабанин, - негромко позвал Яровой. - Подтяни правую ногу... Вот так, хорошо!

Багряный диск солнца всплыл над горизонтом, и первые лучи его коснулись верхней части транспаранта, что стоял неподалеку от разведчиков. Взгляд Ярового невольно задержался на нем. Да, пришлось повозиться с этой машиной, прежде чем ее установить. Спасибо, саперы помогли. «А в общем, здорово придумано», - мысленно похвалил политработников Яровой. «Паршивец Гитлер ведет Германию к пропасти». Паршивец и есть. Какую всемирную бойню устроил, гад. «Пока не поздно, стреляйте по фюреру!». Интересно, как фашисты будут реагировать на этот плакат? Яровой посмотрел в сторону немецких позиций. Там тихо, ни малейшего движения. Что ж, так и должно быть, все идет по намеченному плану. По нашим расчетам гитлеровцы не станут стрелять по транспаранту - все-таки там портрет их фюрера, но ночью обязательно полезут его убирать. Вот тогда и вступят в дело разведчики. А пока можно спокойно лежать под этими кустами орешника и любоваться природой. Правда, сыровато, и лежать придется весь день - ни шелохнуться, ни покурить. Но им не привыкать.

Солнце поднималось все выше. Стало теплее. Погожее июньское утро в полном разгаре. Но что это вдруг зарябило вон у того отлогого холмика, где проходят вражеские позиции? Яровой поднимает бинокль - и... не верит своим глазам. Ползут гитлеровцы, ползут кратчайшим путем прямо к транспаранту. Человек двадцать. «С ума спятили, что ли?» - удивляется Яровой.

Когда майор Егоров объяснял разведчикам боевую задачу, высказал он такое предположение: «Едва ли фашисты осмелятся в светлое время подойти к транспаранту. Скорее всего они попытаются сделать это ночью. Но всякое может случиться. Какой-нибудь оголтелый офицер-фашист не посчитается с потерями, чтобы сохранить честь своего обожаемого фюрера, бросит клич: «Желающие отличиться, вперед!» Пообещает награды. Головорезы найдутся среди них. На такой вариант у нас предусмотрен заградительный огонь. Мы их не пустим к транспаранту днем, для нас ночь сподручнее, легче будет взять пленных».

«Как в воду смотрел майор Егоров», - думает Яровой.

- Приготовиться! - подает он команду разведчикам.

Те чуть шевельнулись, поправляя оружие, подтянулись, готовые к следующей команде. Но тут ударили наши минометы, залились длинными очередями станковые пулеметы, специально выдвинутые на временные позиции. Стена разрывов возникла перед гитлеровцами. Они остановились, замерли на месте перед этой огненной преградой.

Гитлеровцы лежали долго, не решаясь двинуться с места, а потом поползли обратно.

- Ну вот, так-то, - проговорил Яровой. - До ночи они больше не сунутся. Теперь можно и перекусить. Только осторожнее, ребята, не шевелиться, не обнаруживать себя.

Прошло часа два. Солнце сильно припекало, и разведчики все чаще прикладывались к флягам с холодным чаем. Яровой тоже снял с пояса алюминиевую флягу и с удовольствием глотнул освежающей влаги. Вдруг он бросил фляжку, схватился за бинокль. Клубы молочно-желтого дыма внезапно появились у позиций противника, слились в общий поток, и этот дымный поток, гонимый легким ветерком, медленно пополз на «ничейную» землю к транспаранту, туда, где сидели в засаде разведчики. «Так... Так. Значит, решили не дожидаться ночи, а подобраться к транспаранту под прикрытием дымовой завесы, - определил Яровой. - Такого маневра мы не предусматривали. А что, собственно, меняется? Нам даже лучше, не надо ждать ночи, скорее управимся, покончим с этим делом. Догадываются ли фашисты о нашей засаде? Может и догадываются, не дураки, вояки опытные. А что, если броском выдвинуться вон к той березке и перехватить их в пути?»

Решение созрело мгновенно. Когда молочно-желтый туман дымовой завесы почти достиг транспаранта, Максим Яровой повел своих людей к березке, одиноко стоявшей впереди на луговине метрах в трехстах.

- Тут мы их и встретим, - сказал Яровой запыхавшимся разведчикам, остановившись у березы. - Первых трех фашистов пропустим. Их поручаю Флорентьеву, Чеканову, Зинченко и Бабанину. Задача: взять живыми. Я действую с вами. Как только мы кинемся на фашистов, свалим их на землю и начнем скручивать, остальным открыть огонь, обеспечить действия группы захвата. Нападение по моей команде. Вопросы есть?

Вопросов не было. Разведчики с полуслова понимали своего командира, не впервые ходили с ним в разведку. И только-только успели занять свои места, как в дымном сумраке завесы появились темные тени гитлеровцев.

- Внимание, подходят! - еле слышно проговорил Яровой.

Разведчики затаили дыхание, приготовились к схватке.

...Волны молочно-желтого дыма клубясь ползли по земле к советским позициям. Дым стлался широкой полосой, медленно рассеивался, превращался в густую непроницаемую пелену, в которой исчезало все, что еще минуту назад хорошо просматривалось. Шток и Гейтнер, стоя в блиндаже у амбразур, видели лишь позиции полка до первой траншеи, где горели расставленные в ряды дымовые шашки, а дальше все в тумане: и кустарники, и деревья, и злосчастный транспарант, и советские окопы. Где-то в этой пелене идут капитан Брикман и двадцать добровольцев с двумя канистрами бензина, чтобы сжечь ненавистный транспарант. Дымовая завеса скрывает их от глаз русских, она же поможет скрыть от немецких солдат тот момент, когда будет гореть портрет фюрера.

Вдруг в блиндаж ворвались звуки яростной автоматной стрельбы, ухнули разрывы ручных гранат, и тут же все стихло. Ни единого звука. Шток и Гейтнер переглянулись, но не сказали друг другу ни слова. Так в молчании и стояли они, вглядываясь в непроницаемый туман дымовой завесы, ожидая результатов «операции», пока резкий звонок полевого телефона не нарушил тягостную тишину, царившую в блиндаже. Гейтнер поспешно схватил трубку. «Так... Так... А Брикман?...»

- С передовой докладывают, - сказал полковник, положив телефонную трубку, - появились первые люди из отряда Брикмана. Выходят поодиночке. Пока вышли только один унтер-офицер и восемь солдат.

- А что с транспарантом? - сверля злыми глазами Гейтнера, спросил Шток.

- Они ничего не знают ни о судьбе Брикмана, ни о транспаранте.

...Прошел час. Шток сидел на скамье, курил сигарету, глубоко затягиваясь табачным дымом. Полковник Гейтнер по-прежнему стоял у амбразуры, ожидая, когда рассеется дым. Время от времени он подходил к телефону, справлялся, не вернулся ли капитан Брикман. В ответ слышалось одно: кроме тех девяти, никто больше не вернулся. Наконец ветер развеял дымную пелену.

- Генерал! - позвал Гейтнер. - Прошу вас посмотреть в амбразуру.

Шток поднялся, поднес бинокль к глазам. Лицо его тут же покрылось красными пятнами, на впалых щеках заиграли тугие желваки. Транспарант стоял на прежнем месте, целый и невредимый. На полпути к нему лежали убитые добровольцы. Шток отложил бинокль, повернулся к Гейтнеру:

- Даю вам полную свободу действий. Используйте любые средства, но чтобы через час этого транспаранта не было! Об исполнении доложите мне в штаб по телефону.

Генерал схватил фуражку, надвинул на самые брови и, не прощаясь, вышел из блиндажа.

Оставшись один, Гейтнер еще несколько минут постоял у амбразуры. Солнце заливало транспарант яркими веселыми лучами, поэтому даже отсюда отчетливо была видна каждая буква. Особенно ярко, будто нарочно, вырисовывались голова Гитлера с челкой на лбу и последние слова надписи «Стреляйте по фюреру!». Гейтнер невесело усмехнулся, поднял трубку полевого телефона.

- Гебер, - сказал он старшему артиллерийскому офицеру своего полка. - Одной батареей огонь по советскому транспаранту. Разбейте его к чертовой матери!

...В те минуты, когда немецкая артиллерийская батарея беглым огнем разносила в щепы фанерный транспарант, на советской стороне в землянке начальника дивизионной разведки майор Егоров звонил в штаб армии подполковнику Вершинину:

- Докладываю: задача выполнена. Взяты в плен офицер и двое солдат Дортмундского гренадерского полка...

- Когда же вы успели? - удивился Вершинин. - Ведь планировалось лишь сегодня ночью.

- Так точно, товарищ подполковник. Ждали гитлеровцев сегодня ночью, но, видно, транспарант настолько влез им в печенки, что, не дожидаясь темноты, они пошли днем под прикрытием дымовой завесы. Мы тоже воспользовались этой завесой. Когда дымовая волна достигла транспаранта, разведчики выдвинулись немного вперед и перехватили гитлеровцев на пути. Все их карты перепутали, застали врасплох.

- Кто командовал разведчиками в засаде?

- Старший сержант Яровой.

- Представьте Ярового и его разведчиков к наградам. Я поддерживаю ходатайство. Передайте политработникам наше спасибо за помощь. Пленных быстрее в штаб.

* * *

В данном очерке приведены два примера боевых действий разведгруппы в условиях, когда противник занимал жесткую оборону, сильно укрепил свои позиции, то есть в обстановке, наиболее сложной для наших разведчиков. В обоих случаях ставилась одна и та же задача: захватить пленных. Однако разведчики решили задачу различными тактическими способами. В первом случае это был дневной поиск, во втором - засада.

Как в дневном поиске, так и в засаде у транспаранта основную роль сыграли точный расчет и умение предвидеть организаторов разведки и четкие действия разведчиков, непосредственных исполнителей. Конечно, выполнять такие сложные задачи, как, например, дневной поиск, где все решают секунды, по плечу лишь воинам с хорошей физической подготовкой и отличной боевой выучкой. Именно такими и были наши войсковые разведчики на войне.

D:\часть2.doc

А. С. Федотов

В ТЫЛУ ВРАЖЕСКИХ ВОЙСК

ПАРАШЮТЫ В НОЧНОМ НЕБЕ

В начале лета 1942 года, сосредоточив огромные массы войск и техники, гитлеровское командование предприняло крупное наступление на южном направлении с далеко идущими целями: разгромить советские армии западнее Дона и овладеть затем нефтеносными районами Кавказа. Обстановка для войск Юго-Западного фронта резко ухудшилась, под напором превосходящих сил врага они вынуждены были перейти к тяжелым оборонительным боям, чтобы выиграть время, измотать противника, подготовить условия для перехода в решительное контрнаступление.

В те горячие дни упорных и кровопролитных сражений, как всегда, активно, с полным напряжением действовала наша войсковая разведка. Полковые и дивизионные разведчики совершали дерзкие поиски и налеты, устраивали засады, захватывали «языков» и штабные документы, выявляли места расположения неприятельских воинских частей и боевой техники - одним словом, всеми способами и

средствами добывали необходимые данные о противостоящем противнике, без которых невозможно верно оценить обстановку и успешно противодействовать врагу.

Разумеется, паша разведка действовала не только на переднем крае, не оставался без внимания и оперативный тыл противника. Ведь враг маневрировал, перебрасывал резервы, где-то скрытно сосредоточивал их для внезапного и неожиданного удара. Следовательно, не менее важным было знать и то, что происходит в глубоком тылу немецко-фашистских войск, по каким дорогам и куда перебрасываются пехота, танки, артиллерия. Да и не только важно узнать об этом, требовалось по возможности сорвать те перевозки или по крайней мере затормозить прибытие немецких эшелонов к месту назначения. Вот почему время от времени с фронтовых аэродромов поднимались по ночам наши одиночные транспортные самолеты с разведчиками на борту и час или два спустя, где-то уже далеко за линией фронта, появлялись в темном ночном небе чуть заметные купола парашютов, приземлялись советские разведчики и шли по вражеским тылам выполнять свои особые боевые задания.

В одну из теплых июньских ночей 1942 года с полевого аэродрома Юго-Западного фронта поднялся в воздух двухмоторный транспортный самолет и, быстро набрав высоту, скрылся во тьме облачного неба. В пассажирской кабине того самолета, на узких скамьях, молча сидели друг против друга обвешанные парашютными укладками и оружием восемь разведчиков. На полу у их ног навалом лежали туго набитые мешки с грузом. Еще час назад, в автобусе на пути к аэродрому, эти молодые ребята непринужденно болтали, шутили. А сейчас притихли, лица их серьезны, озабоченны. С того момента, как самолет поднялся в воздух, для них началось то, к чему они готовились много дней, - выполнение трудного и опасного боевого задания. Теперь не до шуток. Теперь они уже не могли думать ни о чем другом, кроме как о задании, и каждого волновало прежде всего - не подбили бы самолет над линией фронта, не отнесло бы парашют далеко в сторону во время десантирования, не отстать бы от группы. Беспокоила, конечно, и обстановка во вражеском тылу. Как там все сложится?

На краю скамьи, у самого бортового люка, сидел командир разведгруппы политрук Гнидаш, широкоплечий, невысокий человек с

энергичным лицом и открытым взглядом серых глаз. Он тоже волновался, но тщательно скрывал это, обязан был скрывать, потому что отвечал за своих людей и за выполнение боевого задания. Теперь от командира требовались предельная собранность и железное спокойствие. Он внимательно поглядывал на разведчиков, улыбкой или кивком головы подбадривал их: ничего, ребята, все идет нормально, все будет в порядке.

Кузьма Савельевич Гнидаш постарше своих подчиненных, ему уже двадцать семь, он кадровый офицер, жизненного и боевого опыта у него побольше. В армию призван еще в 1936 году, был секретарем ротной комсомольской организации, затем учился в Киевском военно-политическом училище, где вступил в ряды Коммунистической партии. Закончив училище, получил воинское звание политрук и назначение в танковую часть политруком роты, а вскоре стал комиссаром танкового батальона. Этот батальон в июне сорок первого вступил в схватку с ненавистным врагом. В одном из боев был подбит танк комиссара, и сам он получил тогда первое ранение. После госпиталя Гнидаш был назначен на должность инструктора политотдела 26-й армии.

Инструктору политотдела совсем не обязательно ходить в атаку, но Гнидаш считал своим долгом быть там, где обстановка сложнее, где самое пекло сражения, где всего труднее солдатам и командирам. Не раз приходилось ему поднимать людей на штурм вражеских позиций, участвовать в рукопашной. Выйдя из госпиталя после второго ранения, он попал в резервный офицерский полк. В этом полку никто не задерживался подолгу. Каждый день десятки офицеров уходили оттуда с новым назначением в боевые части. Не задержался и политрук Гнидаш. Однажды вызвали его в штаб полка, где произошел у него разговор с глазу на глаз с одним офицером из разведки.

Разговор был долгим. Сначала о второстепенном, потом о главном: в разведку нужны люди с крепкими нервами, отважные, надежные, которые не спасуют ни перед какими трудностями, невзгодами и опасностями. Что мог ответить политрук Гнидаш тому офицеру из разведки? Для него, воспитанника Ленинского комсомола, члена Коммунистической партии, существовал непреложный закон: быть там, где нужно. Все остальное: трудности, невзгоды и опасности - не в счет. Надо, так надо.

Потом была подготовка, ежедневные занятия с раннего утра до позднего вечера. И вот получен боевой приказ: с группой разведчиков высадиться парашютным десантом в районе леса, что юго-западнее города Остер, вести разведку в тылу врага, организовать партизанские отряды из местных жителей для беспощадной борьбы с немецкими оккупантами, всеми доступными средствами разрушать коммуникации противника, связывающие его с фронтом.

...Равномерно гудели моторы самолета. Гнидаш ободряюще поглядывал на притихших разведчиков. Время от времени из пилотской кабины выходил второй пилот майор Мирошников, сообщал: «Проходим над линией фронта!» или «До цели двадцать пять минут!»

Вот он появился снова:

- Приготовиться, ребята, подходим!

Разведчики встали. Первым у люка - командир группы Гнидаш. Самолет стал сбавлять высоту. Мирошников осмотрел парашютные укладки разведчиков, каждого хлопнул по плечу: в порядке, мол.

Под потолком замигала красная лампочка. Мирошников открыл люк, взмахнул рукой: пошел! Гнидаш глубоко вздохнул, шагнул через борт. Когда раскрылся парашют, он посмотрел вниз. Темнота. Где-то очень далеко, на горизонте, чуть мерцает огонек. Кругом тишина, слышен только рокот уходящего на восток самолета. Взглянул вверх: еле белеют два парашюта, остальных не видно. Приготовился к приземлению. Ухватился за стропы, стараясь так держать руки, чтобы они защищали лицо от веток и сучьев: ведь их должны были сбросить на лес. В последнее мгновение увидел, что опускается действительно на верхушки деревьев. Треск ломающихся веток, сильные удары по телу - и он на земле.

Встав на ноги, Гнидаш несколько минут прислушивался. Тихо. Собрал зацепившийся за деревья парашют, пользуясь кинжалом, зарыл в землю. Затем подал сигнал свистком. Все разведчики имели свистки, чтобы опознавать друг друга в условиях плохой видимости, а у командира был свисток особого тона, который отличался от других. На свистки командира откликнулся один разведчик, потом второй, третий.

С рассветом вся группа собралась в одном месте. Пухов и Санин [2] доложили, что не смогли собрать свои парашюты: обрезав стропы, они бросили их на деревьях. Гнидаш не хотел оставлять следов и

поэтому, после того как были найдены мешки с грузом, назначил в помощь Пухову и Санину по одному разведчику и приказал им замаскировать парашюты.

Наступило утро, в лесу стало совсем светло. Защебетали птицы. Разведчики были в хорошем боевом настроении. Первый этап - высадка в тылу противника - благополучно завершён. Если не считать ушибов и царапин, то высадка на лес прошла вполне удачно: все разведчики были вместе, и никто не получил серьезных травм. Теперь следовало как можно быстрее уходить отсюда. Перед тем как начать движение, командир группы с помощью топографической карты и компаса попытался определить свое местонахождение и установить, насколько точно высадили их в заданном районе. Однако сделать это не удалось. Кругом густой лес и никаких предметов, которые позволяли бы ориентироваться. «Если предположить, что мы приземлились в намеченном районе, - подумал Гнидаш, - то в десяти - двенадцати километрах к северу должны быть опушка леса, населенный пункт и речка». Он решил двигаться на север до этой опушки, там уточнить свое местоположение и наметить план дальнейших действий.

Выслав в дозор Туранова и Черепова, Гнидаш с остальными разведчиками двинулся следом, на расстоянии зрительной связи.

Через несколько часов пути лес стал редеть, появились просветы. Гнидаш остановил группу, а сам с двумя разведчиками осторожно направился к опушке. Перед ними предстала освещенная солнцем долина. Впереди, в полутора-двух километрах, на отлогой возвышенности раскинулось большое село, справа протекала речка - она угадывалась по извилистой ленточке высокого густого кустарника, перемежающегося с ивами. Левее села - хлебное поле, которое пересекал ровный строй телеграфных столбов, проходящий вдоль шоссе. На горизонте виднелось еще одно селение.

Сверив карту с местностью, определив, наконец, место своего нахождения, Гнидаш, Черепов и Туранов часа два вели наблюдение. Село казалось безлюдным, лишь кое-где на огородах мелькали кофточки работавших женщин. По шоссе прошли несколько крытых автомашин. Так как задача на этот раз заключалась в том, чтобы сориентироваться и ознакомиться с обстановкой, Гнидаш прекратил наблюдение и присоединился к ожидавшим в лесу разведчикам. Он

показал на карте, где находится группа, и рассказал о результатах наблюдения.

Теперь нужно было подыскать место для временного базирования группы. Гнидаш по карте наметил район для базы, и разведчики снова тронулись в путь, углубляясь в чащу леса. К вечеру они вышли в намеченный район. Выбор оказался удачным: кругом - густой лес, с двух сторон подходы к базе прикрыты болотами, поблизости протекает ручеек - значит, есть питьевая вода.

Вырыли землянки, замаскировали их валежником, уложили свое походное имущество. Немиров развернул радиостанцию, передал в штаб донесение о благополучной высадке группы и ее местонахождении. Выставив охранение из двух человек, Гнидаш разрешил разведчикам отдыхать. Первый день в тылу врага закончился.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Прошло несколько суток. Ежедневно разведчики по одному и по два расходились в различных направлениях. Маршруты были дальние: тридцать - сорок километров. Это нужно было, во-первых, для того, чтобы изучить условия местности, обследовать лес, узнать, где имеются проходы, где можно организовать засаду, а где, в случае необходимости, - оборону, куда уходить от преследования; во-вторых, для того, чтобы выяснить обстановку в прилегающих к лесу районах. Проходя по лесу каждый раз новыми маршрутами, разведчики запоминали места, удобные для тех или иных действий, и вели наблюдение, отмечая, в каких населенных пунктах располагаются немецкие гарнизоны, на каких дорогах наиболее интенсивное движение. На базе оставался только радист Немиров, а иногда и отдыхающая смена разведчиков.

Группа пока не выходила за пределы леса и ограничивалась наблюдением. И это было правильно. Конечно, очень хотелось как можно быстрее приступить к делу - уничтожить врага, однако к этому следовало хорошо подготовиться.

Когда обстановка была достаточно хорошо изучена, Гнидаш выслал разведчиков в ближайшие села для установления связи с местным населением. Разведчики должны были также подобрать людей для партизанских отрядов. Гнидаш решил приступить к

разрушению коммуникаций противника, полагая, что взрывы на дорогах явятся для местного населения одновременно сигналом к началу активной борьбы с гитлеровскими захватчиками. Советские люди поймут, что в районе действуют организованные силы, и сами потянутся к ним.

Ранним июньским утром разведчики вышли на выполнение первых боевых заданий: Гнидаш, Пухов и Черепов - в район станции Бровары под Киевом, Туранов и Дубов - в направлении Чернигова. Обеим группам предстояло подорвать железнодорожное полотно. Кочубей и Санин направились на разведку в села, каждый своим маршрутом.

Гнидаш со своей группой подошел к железной дороге Киев - Нежин на исходе третьего дня. Наблюдение за дорогой показало, что движение здесь интенсивное. Со стороны Киева на восток один за другим двигались эшелоны с танками, пушками и пехотой. Разведчики в нескольких местах заложили мины, потом отошли подальше, замаскировались в кустарнике. Они видели, как шедший к фронту эшелон с гитлеровскими войсками подорвался на mine и свалился под откос. Позже они узнали, что на другой mine, заложенной ими в этом же районе, подорвался еще один воинский эшелон. Много фашистов было убито и ранено, железная дорога не работала двое суток - результат неплохой для первого раза.

Успешно выполнили свою задачу и Туранов с Дубовым. Они подорвали поезд с боеприпасами на перегоне Овруч - Чернигов. Довольные первыми успехами, тем, что открыли боевой счет, возвращались разведчики на свою базу.

Через несколько дней все снова собрались вместе. Не было только Ивана Кочубея. По расчетам он должен был вернуться одним из первых. Разведчики забеспокоились. Подождали сутки. Кочубей не возвращался. Взяв с собой пять человек, Гнидаш вышел по маршруту Кочубея, чтобы узнать о его судьбе, а если он попал в беду - выручить.

В одной небольшой деревне разведчики узнали, что в соседнем селе Ново-Карпиловская Гута пять дней назад полицаями убит неизвестный партизан.

К Ново-Карпиловской Гуте подошли под вечер и залегли в придорожном кустарнике. В селе было спокойно, ни солдат, ни автомашин противника не видно. Когда стемнело, разведчики, держась

на расстоянии двух-трех шагов один от другого, двинулись к селу. Выбрали наугад третий дом от окраины. В доме темнота. Оставив четырех человек на улице для охранения, Гнидаш с Череповым поднялись на крыльцо. Дверь была заперта изнутри. Гнидаш тихо постучал.

- Кто там? - спросил женский голос за дверью.

- Свои, откройте.

Щелкнула задвижка. Разведчики вошли. Женщина охнула от неожиданности.

- Тише! - предупредил Гнидаш. - Не пугайтесь нас, мы свои. Есть еще кто-нибудь в доме?

- Нет, никого нет.

- Тогда идите в комнату, занавесьте окна.

Хозяйка молча повиновалась. Войдя вслед за ней в избу, Гнидаш осветил комнату карманным фонарем. Перед ним стояла пожилая женщина с усталым исхудавшим лицом. Испуганно и настороженно смотрела она на разведчиков.

- Не бойтесь нас. Мы советские партизаны и хотим только расспросить вас кое о чем.

Какое-то время женщина молча смотрела на них. Но вот лицо ее оживилось: то ли по глазам разведчиков, то ли по их одежде она поняла, а может быть, просто своим женским сердцем почувствовала, что перед ней действительно свои, родные советские люди. И она рассказала все, что знала. От нее разведчики узнали и некоторые подробности гибели неизвестного партизана. Вот что произошло.

Несколько дней назад, в полдень, в хату к соседке зашел прохожий. Он попросил дать ему напиток и стал о чем-то расспрашивать. Неожиданно распахнулась дверь, и в хату ворвались три полица с винтовками. Один остался у двери, а двое шагнули к прохожему: они видели, как незнакомый человек вошел в село и из окна следили за ним.

- Кто таков? Предъяви документы! - обратился к незнакомцу один из полицаев.

- Документы? - секунду помедлив, переспросил тот. - Пожалуйста!

С этими словами он оттолкнул обоих полицаев, сшиб ногой третьего, стоявшего в дверях, выскочил во двор и побежал к лесу. Все

произошло в течение нескольких секунд. От неожиданности полицейские растерялись, но, придя в себя, с криками «Партизан! Партизан!» кинулись за ним. Они бежали, часто приостанавливаясь, чтобы сделать прицельный выстрел. Одна пуля попала партизану в спину, вторая перебила ногу. Он упал, выхватил из кармана пистолет и повернулся лицом к приближающимся врагам. Силы оставляли его. Видимо, чувствуя, что теряет сознание, последним усилием воли он поднес пистолет к виску и выстрелил, не захотел попасть живым в руки врагов.

Два дня полицейские не давали хоронить его и все допытывались у селян - не опознает ли кто-нибудь убитого. Так ничего и не добившись, они зарыли труп за селом.

Разведчики подробно расспросили хозяйку, как был одет и как выглядел убитый партизан. Сомнений больше не оставалось - это был Кочубей.

С болью в сердце выслушали разведчики рассказ пожилой женщины о последних минутах жизни своего боевого товарища. Она рассказала им, где находится его могила. От нее же разведчики узнали, что один из полицейских, стрелявших в Кочубея, живет здесь же в селе. Он дезертировал из Советской Армии и теперь рьяно служит гитлеровцам. Сейчас он остался один, а два других полицейских вчера отправились куда-то. Женщина показала разведчикам дом, в котором жил полицейский. Поблагодарив хозяйку, они тепло простились с ней.

Гнидаш решил воспользоваться благоприятной обстановкой и отомстить за смерть Кочубея. Действовать надо было немедленно: приближался рассвет, Разведчики подошли к дому. Гнидаш громко постучал в дверь. Послышались шаги, и мужской голос спросил:

- Кого надо?

Гнидаш сердито выкрикнул несколько немецких слов.

- Господин гауптмап требует к себе полицейский, - «перевел» разведчик Санин.

- Слушаюсь! - ответил тот и открыл дверь.

В глаза ему ударил яркий свет электрического фонарика, и он невольно зажмурился. Мгновение - и руки его крепко скручены.

- Иди, предатель, - подтолкнул его Гнидаш, - если пикнешь - пристрелю.

Полицай шел, низко опустив голову. На северной окраине деревни разведчики остановились у свеженасыпанного холмика. Здесь, у могилы Кочубея, Гнидаш произнес приговор:

- Властью, данной мне советским командованием, предатель Родины, гитлеровский прислужник, убивший нашего товарища, приговаривается к расстрелу.

Полицай упал на колени, ползал у ног разведчиков, молил о пощаде.

Прозвучал одинокий выстрел. Труп предателя оттащили подальше от могилы, чтобы он не осквернял ее. Потом разведчики положили на могилу Кочубея большой белый камень и, сняв шапки, безмолвно постояли перед ней.

- Пусть этот камень служит пока нашему товарищу памятником, - сказал Гнидаш. - Придет час освобождения, мы вернемся и поставим ему настоящий памятник, на котором золотыми буквами напишем: «Здесь похоронен Кочубей Иван Никифорович, советский солдат, разведчик, отдавший жизнь за честь и независимость нашей Родины. Вечная слава тебе, советский солдат».

Гибель товарища послужила суровым уроком для разведчиков. Гнидаш детально проанализировал работу группы, обсудил с разведчиками методы действий в тылу противника. Были сделаны соответствующие выводы.

Прежде всего смелость надо обязательно сочетать с осторожностью. Если обстановка в селе, которое нужно разведать, неизвестна, то сначала в светлое время следует провести наблюдение, наметить план и лишь с наступлением темноты приступать к действиям. В некоторых случаях в незнакомый населенный пункт следует идти не одному, а двум-трем разведчикам. Идя в разведку, нужно заранее продумать и подготовить ответ на возможный вопрос - кто ты такой и почему оказался в данном районе?

* * *

Когда в июне 1942 года группа Гнидаша была сброшена на парашютах в район города Остер, удаление ее от линии фронта составляло примерно 350 километров. В ноябре, в разгар битвы на

Волге, действуя все в том же районе, она оказалась в более глубоком тылу противника, в 650 километрах от линии фронта. Несмотря на это, радиосвязь разведчиков с командованием не прерывалась. Самолеты регулярно сбрасывали для них продовольствие, боеприпасы, обмундирование. Значительно расширился район действий группы, а вместе с этим и круг ее задач.

Число разведчиков Гнидаша увеличилось с восьми до ста. Несколько человек было переброшено с Большой земли, в том числе и радистка Клара Давидюк. Однако в основном группа пополнялась советскими патриотами, по тем или иным причинам оказавшимися на оккупированной врагом территории. Под руководством Гнидаша в Остерском и Дубечанском районах разведчики создали четыре партизанских отряда из местных жителей: имени Щорса, имени Чапаева, имени Буденного и отряд под названием «Победа». Вначале отряды были небольшие. Но очень скоро они выросли и вместо десяти - двадцати включали уже по сто партизан и более. Разведчики Гнидаша и партизанские отряды стали хозяевами в Остерском и Дубечанском районах: громили полицейские участки и вражеские гарнизоны, уничтожали воинские склады. Они имели также своих людей в Киеве, Чернигове, Нежине, Прилуках, на железнодорожных станциях Тетерево, Фастов и в других местах.

В глубоком тылу противника командир группы теперь уже опирался на десятки надежных людей, держал под своим контролем значительную территорию и по радио систематически докладывал командованию о воинских перевозках врага, об его гарнизонах, расположенных в городах и селах, о базах, складах и других военных объектах. По указанию командования разведчики совершали налеты на различные объекты, нарушая работу вражеского тыла и тем самым помогая нашим войскам, действовавшим на берегах Волги. Часто эти операции проводились совместно с партизанскими отрядами.

В городе Остер под руководством Гнидаша была организована подпольная боевая группа из местных комсомольцев. Она героически действовала вплоть до самого освобождения города Советской Армией.

Однажды комсомольцы обнаружили на южной окраине города склад горючего. Они составили подробную, как им казалось, схему этого склада и через связного передали ее Гнидашу. Однако схема

оказалась малопригодной для использования, в ней было много просчетов. Гнидаш проинструктировал комсомольцев и поставил перед ними дополнительные задачи. В частности, он потребовал, чтобы они составили более подробный план в масштабе и нанесли на него все: цистерны, караульное помещение, посты с секторами наблюдения, проволочный забор. Следовало также выяснить часы смены постов, состав караула и его вооружение. Выполняя это задание, комсомольцы в течение пяти дней наблюдали за складом, уточнили все, что было нужно, и составили подробный план-схему. Гнидаш похвалил их за проделанную работу и вместе с ними наметил план уничтожения этого объекта.

Темной январской ночью группа разведчиков во главе с Гнидашем подошла к складу. Часть комсомольцев присоединилась к разведчикам в городе и приняла непосредственное участие в этой операции, другие охраняли подступы к складу. Бесшумно сняв часового, разведчики подложили мины с часовым механизмом к цистернам. Вскоре последовал взрыв. Было уничтожено 140 тонн бензина.

На железнодорожной станции Нежин Гнидаш установил связь со стрелочником, потомственным железнодорожником. Война застала его в должности дежурного по станции. На своем посту он должен был оставаться до последнего момента. Эвакуироваться не успел, так как станцию неожиданно захватил противник. Некоторое время железнодорожник скрывался. Гитлеровцы об этом дознались, пригрозили расстрелом, заставили работать стрелочником.

Когда к железнодорожнику пришли люди Гнидаша, он воспрянул духом. Разведчики начали получать от него сведения обо всех эшелонах, проходящих через железнодорожный узел. По заданию Гнидаша стрелочник лично взорвал семь вагонов с боеприпасами. До самого прихода советских войск патриот помогал разведчикам добывать нужные сведения. После освобождения города его назначили заместителем начальника железнодорожной станции Нежин.

В самом Нежине с сентября 1942 года по сентябрь 1943 года действовала боевая группа, созданная из местных комсомольцев. Некоторые члены этой группы по заданию Гнидаша поступили на работу в различные немецкие учреждения, а один сумел устроиться на аэродром. Благодаря этим людям советское командование получало сведения о количестве и типах самолетов, находящихся на аэродроме,

о том, что хранится на воинских складах и каковы координаты этих объектов. Пользуясь полученными данными, советская авиация неоднократно наносила бомбовые удары, в результате которых десятки фашистских самолетов, базировавшихся на Нежинском аэродроме, были выведены из строя, а три немецких воинских склада боеприпасов полностью уничтожены.

Эту подпольную комсомольскую организацию возглавлял двадцатичетырехлетний житель Нежина Яков Батюк. Активно помогала Якову его сестра, Евгения Батюк, семнадцатилетняя комсомолка. Имена других участников организации неизвестны. Сам Батюк был слепым от рождения, и в течение года его деятельность не вызывала подозрений. Однако в сентябре 1943 года гестаповцы схватили брата и сестру. Их зверски пытали, требовали, чтобы они назвали всех лиц, связанных с подпольной организацией. Так ничего и не добившись, гестаповцы расстреляли патриотов за три дня до освобождения Нежина нашими войсками. Советские комсомольцы Яков и Евгения Батюк, перенеся нечеловеческие пытки, погибли, но не склонились перед врагом, не выдали товарищей.

Когда советский народ отмечал двадцатилетие победы в Великой Отечественной войне, Я.П. Батюку за особые заслуги, мужество и героизм, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 года было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

В начале февраля 1943 года Советская Армия, одержав выдающуюся победу на берегах Волги, захватила инициативу и развернула наступление на огромном пространстве. Линия фронта приблизилась к Черниговской области, где действовала группа Гнидаша. Теперь его группа перешла в подчинение штаба Центрального фронта, войска которого сосредоточились под Курском и в дальнейшем должны были наступать на черниговском направлении.

В один из мартовских дней 1943 года Гнидашу сообщили, что в Остерский район прибыла воинская часть противника, укомплектованная бывшими советскими военнопленными. Немцы

именовали эту часть 121-м казачьим батальоном. Гнидаш поставил задачу Санину и еще нескольким разведчикам установить, откуда и с какой целью прибыл батальон и какова в нем обстановка.

Санин решил прикинуться одноруким. Ему крепко прибинтовали левую руку к телу, так что снаружи висел пустой рукав полушубка. Опираясь на палку, «инвалид» направился в село, где был расквартирован этот батальон. «Казачки» сидели на крылечках, балагурили. Санин подошел к одной группе, попросил закурить. Разговорились. Большие, опущенные по-украински усы, добродушное лицо, пустой рукав внушали доверие и располагали к душевному разговору. Санин пробыл среди «казаков» несколько часов, узнал много интересного и благополучно вернулся на базу.

Отправляясь в тыл врага под видом инвалида, Санин, безусловно, рисковал. Даже незначительная, на первый взгляд, оплошность, какое-либо непредвиденное обстоятельство могли привести к гибели. Но после трагического случая с Кочубеем разведчики стали осмотрительнее. Направляя Санина на разведку в село, занятое противником, Гнидаш тщательно проинструктировал разведчика, особое внимание обратил на его внешний вид. Санин мог ответить на любой вопрос и хорошо помнил свою легенду. Личность его удостоверяла справка, выданная самим старостой (этот староста «по совместительству» работал у партизан).

Предусмотрели разведчики и возможный арест Санина. Ведь в случае задержания сразу выяснилось бы, что он вовсе не инвалид. Санин объяснил бы тогда, что занимается попрошайничеством, а так как инвалиду подают лучше, он и придумал весь этот маскарад. В подтверждение он мог показать холщовую сумку, прикрепленную к поясу, в которой лежало несколько кусков черствого хлеба. Словом, все было продумано и учтено.

Санин успешно справился с заданием. Выполнили свою задачу и другие разведчики, которые, правда, не ходили сами в расположение батальона, но беседовали с местными жителями, в домах которых квартировали «казаки».

Вскоре Гнидаш имел довольно полную информацию. Действительно, батальон состоял почти из одних советских военнопленных. Вначале пленные содержались в специальных лагерях, режим которых был особенно тяжелым. Людей морили

голодом, заставляли выполнять непосильную работу, в зимнюю стужу держали в неотопливаемых палатках, без одеял, на голых нарах. Ежедневно умирали десятки людей. После изощренных пыток и издевательств пленным предлагали вступить в батальон. Отказ означал смерть.

В батальоне было 400 человек, он состоял из трех конных рот и пулеметного взвода. Командовали им немецкие офицеры - гауптман Шмидт и лейтенант Хольст, начальником штаба был бывший старший лейтенант Советской Армии Леонидов. Батальон прибыл в Остерский район из Киева. С какой задачей его перебросили сюда - солдаты не знали.

Получив эти данные, Гнидаш решил заняться батальоном. Прежде всего следовало встретиться с Леонидовым и выяснить его настоящее лицо.

Он поручил Санину подбросить Леонидову записку, в которой говорилось, что командир партизанского отряда предлагает ему встретиться для переговоров. Указывались также время и место встречи и условие: Леонидов должен явиться один, без сопровождающих. Неприкосновенность ему гарантировали. Встреча была назначена близ села, в котором разместился батальон, на опушке леса, что позволяло разведчикам просматривать все подступы со стороны села.

За сутки до встречи Гнидаш направил в намеченный район группу для наблюдения, сам же прибыл туда с пятью разведчиками перед самой встречей. Замаскировались и стали ждать. «Придет или не придет? - думал Гнидаш. - Если придет, то с чем, с какими намерениями?» За несколько минут до назначенного срока появился Леонидов. Он шел медленно, осторожно, оглядываясь по сторонам. Разведчики зорко следили за ним, но ничего подозрительного не заметили. В селе было тихо.

Леонидов подошел к старой березе, резко выделявшейся на фоне других деревьев, остановился, достал портсигар и закурил. Гнидаш и двое разведчиков вышли из укрытия и направились к нему.

- Вы - Леонидов?

- Да.

- Я - представитель советского командования и командир партизанского отряда. Садитесь сюда, - Гнидаш указал на пень. -

Сначала хочу задать вам несколько вопросов.

- Спрашивайте, - Леонидов присел на пень.

Из его ответов разведчики узнали, что он - бывший командир роты Советской Армии, старший лейтенант. Под Харьковом полк, в котором служил Леонидов, попал в окружение и был разбит. Офицер с группой солдат с боем пробивался на восток. Их осталось несколько человек, когда, израсходовав все патроны, они наткнулись на засаду противника и были захвачены в плен. Леонидов, как и другие из «казачьего» батальона, вынес все ужасы специальных лагерей.

- Прошу вас, верьте мне, - сказал он. - Я вынужден был надеть вражеские погоны с единственной целью - получить оружие и при первой же возможности снова начать борьбу с фашистами. Я ждал только удобного случая, чтобы перейти на сторону партизан или Советской Армии. Знаю, что многие в батальоне думают так же, как и я.

Затем Леонидов рассказал разведчикам, что «казачий» батальон направлен в Остерский район для борьбы с партизанами, что через день-два из Киева прибудет на автомобилях гитлеровский батальон СС и тогда начнутся карательные действия против партизан.

Эти сведения были очень важны для разведчиков. Теперь они могли предупредить командиров партизанских отрядов о том, что гитлеровцы готовят карательную экспедицию в этом районе. Уточнив маршрут движения эсэсовского батальона, Гнидаш сказал Леонидову:

- Мы вам верим. С этой минуты вы поступаете в мое распоряжение. Ваше первое боевое задание будет такое...

Выполняя задание Гнидаша, Леонидов пытался арестовать немецких офицеров - командира батальона и его заместителя. Те оказали сопротивление и были убиты. Ликвидировав сельский полицейский участок и нескольких гитлеровских приспешников, Леонидов построил батальон на площади. Прибывший сюда Гнидаш объявил перед строем, что батальон поступает в распоряжение партизанского командования, командиром назначается Леонидов, все остальные командиры остаются на своих местах, а в помощь им назначаются комиссар и политруки рот - все из разведывательной группы Гнидаша. Разведчики тут же встали в строй и приступили к исполнению своих новых обязанностей.

Приказав всем оставаться пока на прежнем месте, Гнидаш направился на одну из партизанских баз, чтобы договориться о принятии батальона Леонидова. Было бы более правильным не оставлять его на месте, а отвести в лес. Но для этого требовалось срочно подготовить в лесу какую-нибудь базу, обеспечить батальон хотя бы на первые дни продовольствием. Без помощи же местных партизан сделать это Гнидаш не мог. Вот и пришлось пока оставить батальон на месте.

Гнидаш рассчитывал, что успеет увести его до прибытия эсэсовцев. Однако гитлеровцы каким-то образом узнали о восстании в «казачьем» батальоне. Подразделения СС прибыли не через день-два, как предполагалось, а через несколько часов, и не один батальон, а два. Развернувшись перед селом в боевой порядок, эсэсовцы с двух сторон атаковали батальон. Леонидов занял круговую оборону. Бой был жестоким, часто переходил в рукопашную схватку. Через четыре часа эсэсовцам удалось окружить восставших. Положение было критическим. И если бы не случай, то неизвестно, чем бы закончился этот бой.

В нескольких километрах от места боя проходил крупный партизанский отряд. Командир, услышав перестрелку, выслал разведку и, оценив обстановку, атаковал фашистов с тыла. Удар оказался настолько неожиданным, что гитлеровцы не выдержали и отступили. На поле боя осталось около ста убитых эсэсовцев. Значительные потери понес и батальон Леонидова.

Задуманная гитлеровцами карательная операция против местных партизан была сорвана. Батальон Леонидова после боя с эсэсовцами присоединился к одному из партизанских отрядов и действовал в его составе вплоть до освобождения Черниговской области советскими войсками. Сразу после освобождения батальон влился в ряды Советской Армии.

* * *

5 июля 1943 года началась Курская битва. Еще в период подготовки к ней командование Центрального фронта организовало непрерывную разведку как на переднем крае, так и в тылу противника.

В дни битвы под Курском разведчики Гнидаша не знали ни сна, ни отдыха. Это были дни самой напряженной работы за все время их пребывания в тылу врага. Командованию фронта важно было знать расположение оперативных резервов противника, состояние оборонительных рубежей, тыловых баз снабжения и многое-многое другое. К Гнидашу шли донесения с различных концов Черниговской и Киевской областей, а от него по радио передавались в штаб фронта. Верные люди круглые сутки следили за прохождением вражеских эшелонов на таких маршрутах, как Киев - Бахмач - Конотоп (основная магистраль, идущая на Курск), Киев - Чернигов, Киев - Прилуки. Наши разведчики и партизаны разбирали железнодорожное полотно, подкладывали под рельсы мины, взрывали мосты. В результате далеко не все поезда с фашистскими войсками, спешившими к месту сражения, приходили вовремя к станции назначения, а некоторые вообще не дошли.

Когда фашистское командование почувствовало надвигающуюся катастрофу под Курском, оно срочно приняло меры к строительству оборонительных полос и укреплений в прифронтовом тылу, надеясь задержать наступление советских войск. О строительстве вражеских оборонительных сооружений в своем районе действий Гнидаш узнавал быстро: гитлеровцы сгоняли на строительство местное население, а Гнидаш всюду имел своих людей. Труднее было выяснить подробности, например прочность сооружений, точное расположение оборонительных рубежей. Гнидаш рассылал разведчиков в районы строительства. Сами и через местных жителей они выясняли начертание линий траншей, расположение огневых точек, противотанковых рвов и других заграждений и тщательно наносили их на схемы. Гнидаш ежедневно докладывал об этом командованию по радио, а с самолетом, отправлявшимся с одного из партизанских аэродромов, посылал в штаб Центрального фронта подробные схемы немецких оборонительных сооружений, построенных вокруг Чернигова, Нежина, Остера и по западному берегу Десны.

Близ города Нежина гитлеровское командование оборудовало большой полевой аэродром. На нем базировалась главным образом бомбардировочная авиация (120 самолетов Ю-87 и Ю-88), наносившая удары по войскам Центрального фронта, оборонявшим Курский выступ. Кроме того, здесь постоянно находились 20-25 истребителей.

Гнидаш сообщил в штаб фронта подробные данные об этом аэродроме, которые явились ценным дополнением к сведениям, полученным командованием из других источников, в частности от воздушной разведки.

Однажды Гнидаш получил задание уточнить систему противовоздушной обороны аэродрома противника, а затем, после бомбардировки его нашей авиацией, донести о результатах. Через день он сообщил штабу, что аэродром прикрывается одной зенитной батареей из шести орудий.

Налет нашей авиации на Нежинский аэродром был совершен в ночное время. К рассвету Гнидаш с группой разведчиков прибыл в район аэродрома, чтобы определить результаты бомбежки. В бинокль хорошо просматривалось летное поле. Гнидаш внимательно, квадрат за квадратом, осмотрел его. Но что это? На аэродроме по-прежнему стояли ряды самолетов, спокойно расхаживали люди. Часть самолетов зачехлена, прикрыта маскировочными сетями и ветками кустарника. Он увидел лишь три-четыре свежие воронки, да в самом дальнем углу аэродрома, в его северо-восточной части, догорала какая-то небольшая постройка, вокруг которой суетились немцы. Гнидаш забеспокоился: «Неужели наши летчики так ошиблись и сбросили бомбы далеко в стороне?»

Целые сутки провели разведчики в районе аэродрома, стремясь установить причину ошибки летчиков, и их труды не пропали даром. Когда стемнело, они увидели, что примерно в трех километрах северо-восточнее аэродрома появилась слабо освещенная полоса. Все стало ясно: гитлеровцы устроили ложный аэродром, который ночью умышленно оставляли плохо замаскированным. Наши летчики приняли его за действительный... Гнидаш, взяв за ориентир ложный аэродром, уточнил фактическое расположение самолетов противника и передал в штаб фронта подробное донесение об этом.

Гитлеровцы так полагались на свою хитрость, что не подумали перебазировать или хотя бы рассредоточить находившиеся на аэродроме самолеты. Получив уточненные данные, авиация Центрального фронта снова нанесла бомбовый удар. На этот раз бомбы легли точно на цель: сорок три самолета противника были уничтожены, а летное поле сильно повреждено.

* * *

Как-то Гнидаш прибыл в партизанский отряд имени Щорса, чтобы согласовать очередную операцию по разгрому немецкого гарнизона. Он сидел с командиром отряда в лесной землянке за самодельным столом, обсуждал план предстоящего боя, когда вошел высокий партизан и доложил:

- Товарищи командиры! Задержаны двое подозрительных: русская девушка и немецкий солдат. Приехали на грузовой автомашине, говорят, что разыскивают партизан.

- Стало быть, ездили по лесу на грузовике, покрикивали: «Эй, партизаны! Где вы?» -спросил Гнидаш.

- Вроде того, - усмехнулся партизан. - Задержаны постом дальнего охранения. Девушка требует провести ее к Киму.

- Вот как! - удивился Гнидаш (Ким - это псевдоним Гнидаша, присвоенный ему в разведотделе перед отправкой на задание; подлинную его фамилию знали очень немногие).

- Провокаторы, наверно, - проговорил командир отряда. - Очередная проделка гестапо.

- Сейчас разберемся. Давайте сюда дивчину, - распорядился Гнидаш.

Высокий партизан ввел за руку тоненькую девушку в цветастом платье. Верхняя половина ее лица была перетянута широкой повязкой из темной материи, поэтому она крепко держалась за руку поводыря, шагала медленно и осторожно, будто слепая. Увидев повязку на глазах девушки, Гнидаш удовлетворенно сказал:

- А твои люди службу знают, командир, - и повернулся к партизану. - Снимите повязку.

Девушка тряхнула головой, подняла большие черные ресницы, тихо произнесла:

- Здравствуйте!

Гнидаш нахмурился:

- Так это ты, Ира?

- Я, товарищ Ким.

Ира - местная, жила в Чернигове и по заданию Гнидаша вела наблюдение за немецкими воинскими частями, находившимися в

городе.

- Кто тебе разрешил оставить город и явиться в лес, да еще с немцем?

- И вовсе он не немец, а бельгиец Август и верный парень...

То, что услышал Гнидаш от Иры, не на шутку встревожило его. Оказывается, Ира по собственной инициативе познакомилась с Августом, бельгийцем по национальности, мобилизованным в германскую армию и служившим шофером в одной воинской части, расположенной в городе Чернигове, и задалась целью уговорить его перейти на сторону партизан. Тот с готовностью согласился. И Ира, не дождавшись связного от разведчиков, сгорая от желания сделать, как ей казалось, большое и важное дело, решила сама доставить бельгийца к партизанам. Где искать партизан, Ира точно не знала, но кое о чем была наслышана, недаром среди ее родственников и друзей многие давно сражались с врагом в партизанских отрядах. Выбрав подходящий момент, прихватив немного продуктов, она с Августом на его грузовике выехала из Чернигова искать партизан. Надо отдать должное Августу, он хороший шофер, отменно провел тяжелый грузовик по заброшенным, ухабистым лесным дорогам. Они долго плутали по лесу, пока не наткнулись на партизанский пост. Разумеется, их задержали, завязали глаза и уже на телеге доставили в штаб отряда, а грузовик пока оставили в лесу, тщательно замаскировав.

Гнидаш с нескрываемой досадой посматривал на девушку, пока она рассказывала о том, как «провернула это дело». В разведке вовсе не отрицается инициатива, если она исходит от опытного, знающего разведчика, способного правильно взвесить и предусмотреть возможные последствия. А у Иры совсем еще мало опыта, поэтому и не подозревает она, какие коварные ловушки для советских разведчиков расставляет фашистская контрразведка. А то, что гестапо всеми силами стремится внедрить своих агентов в партизанские отряды, Гнидашу хорошо известно. Немало провокаторов уже разоблачено. Конечно, юная патриотка действовала из самых лучших побуждений, исходила из желания принести побольше пользы для Родины. Однако эта инициатива могла дорого обойтись и самой Ире, и разведчикам, и партизанам. Кто его знает, этого бельгийца Августа. Может, специально подослан гестапо? Хорошо хоть, что догадались глаза завязать, не позволили разглядеть подходы к базе.

А Ира, не замечая досады Кима, продолжала рассказывать:

- Ведь это поважнее того, что мне поручили: ходить по городу и запоминать, где размещаются гитлеровцы, какие эмблемы на их мундирах и автомашинах. У немцев теперь на одного солдата будет меньше. Это - раз! Грузовик - тоже потеря для них немалая. Это - два! Вам ведь нужна автомашина - три!...

- Послушай, Ира, - прервал ее Гнидаш. - Если бы вы не нашли партизан, как бы тогда поступили?

- Вернулись бы обратно в Чернигов, - уверенно ответила девушка. - Такой случай был нами предусмотрен.

- Но ваше длительное отсутствие могло быть замечено и вызвало бы подозрения.

- Не думаю. Сегодня я выходная, а завтра вышла бы на работу как ни в чем не бывало. А у Августа путевка в дальний рейс: мог объяснить, что испортился мотор, задержался.

- Уточни-ка, сколько же времени ты знаешь Августа.

- Ну, недельки две. Да вы не беспокойтесь, товарищ Ким, Август парень верный, - повторила Ира.

- Ну, вот что, - сказал Гнидаш. - Ты останешься у партизан, а Августу придется вернуться в Чернигов. Мы все-таки проверим твоего «верного парня». Давайте его сюда.

Перед присутствующими предстал щуплый малый лет двадцати, далеко не бравого вида, в немецкой форме, сидевшей на его узком теле помятым мешком. Однако он бодро щелкнул каблуками, лихо вытянул руки по швам, слегка расставив локти, как это принято в германской армии, и произнес по-русски, изрядно коверкая слова:

- Прибыл в ваше распоряжение!

- Что ж, поговорим, - сказал Гнидаш и указал на табуретку. - Садитесь.

Август плохо владел русским языком, пришлось позвать переводчика и вести разговор на немецком, который бельгиец знал в совершенстве. Дело серьезное, и следовало внимательно во всем разобраться. К тому же и проверочное задание для Августа, задуманное Гнидашем, тоже требовало детального обсуждения. В тот же день бельгиец вернулся на грузовике в Чернигов в свою воинскую часть.

А через несколько дней произошло вот что.

Грузовая автомашина на бешеной скорости подкатила к зданию немецкой фельдкомендатуры, особняком стоявшему у дороги недалеко от поселка Церковщина. Шофер стремглав взбежал по скрипучим ступенькам крыльца и сообщил дежурному фельдфебелю, что своими глазами видел, как в Максимовку зашли четверо советских партизан, из которых двое раненых. Они укрылись в сарае на окраине села. Дежурный поднял тревогу. Трое фельджандармов и шестеро полицаев мигом забрались в кузов грузовика, а эсэсовский офицер занял место в кабине рядом с шофером. Грузовик развернулся и, вздымая пыль, помчался по проселочной дороге в направлении Максимовки. В густом осиннике грузовику пришлось резко затормозить и остановиться перед небольшим деревянным мостом, оказавшимся слегка поврежденным. Шофер вылез из кабины, осмотрел повреждение и спустился под мост, чтобы взять валявшиеся там доски. В этот момент из кустов выскочили советские разведчики, окружили машину. В короткой схватке эсэсовский офицер и фельджандармы были убиты, а полицаи обезоружены и взяты в плен. Когда все кончилось, из-под моста появился Август и, вынув из кармана листок бумаги, протянул его Гнидашу. В том листке были ценнейшие данные: список всех немецких воинских частей, находящихся в Чернигове.

Так Август выполнил проверочное задание офицера советской разведки. Позднее по заданию Гнидаша он побывал во многих городах и селах, где, пользуясь знанием языка и немецкой военной формой, добывал важные сведения о гитлеровских войсках. Не раз он также участвовал в дерзких налетах на вражеские гарнизоны и показал себя отважным воином. Интуиция молодой разведчицы Иры не подвела, он действительно оказался верным парнем, этот бельгиец Август.

* * *

В июле и августе 1943 года продолжались ожесточенные бои под Курском. Войска Центрального фронта, отбив атаки противника, 26 августа перешли в контрнаступление. 9 сентября они освободили Бахмач, 15 сентября - Нежин. 21 сентября войска Центрального фронта овладели Черниговом и вышли к Днепру.

Вскоре разведывательная группа Гнидаша соединилась с войсками Советской Армии. Боевые итоги группы Гнидаша - это сотни убитых гитлеровцев, десятки уничтоженных машин, железнодорожных эшелонов с военным имуществом. Разведчики держали под своим наблюдением значительную территорию, на которой располагались крупные войсковые соединения и штабы, проходили важные тыловые коммуникации врага. Сотни донесений, переданных командованию, помогали правильно оценить обстановку, а в ряде случаев точнее наносить удары фронтовой авиацией по скоплениям живой силы и техники, по аэродромам и тыловым базам врага. Много славных дел совершили и созданные Гнидашем четыре партизанских отряда.

За отличное выполнение заданий командования и проявленное при этом мужество все разведчики были удостоены правительственных наград, а политрук Гнидаш - ордена Красного Знамени. Орденами и медалями были награждены многие местные жители, которые помогали разведчикам, а также бельгиец Август.

После освобождения Черниговской области были расформированы партизанские отряды, вышли из подполья местные партийные и комсомольские организации. Жители приступили к восстановлению разрушенного оккупантами народного хозяйства.

СНОВА ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

Наступил декабрь 1943 года. Капитан Гнидаш (ему было присвоено это звание вскоре после возвращения с задания) готовил своих разведчиков к выполнению новых боевых задач. Программа подготовки была напряженной.

Однажды посыльный передал капитану приказ явиться к полковнику Романовскому, и Гнидаш тотчас же направился по вызову.

Полковник предложил ему сесть рядом, вынул из ящика стола топографическую карту, развернул ее.

- Слушайте ваше новое боевое задание. Линия обороны противника проходит по рубежу...

- Все ясно, - сказал Гнидаш, внимательно выслушав полковника.

- Ну, если ясно, то пройдемте к генералу Чекмазову.

Навстречу вошедшим из-за письменного стола поднялся моложавый генерал с живыми карими глазами, приветливо

поздоровался.

- Боевую задачу уяснили, Кузьма Савельевич? - запросто обратился он к Гнидашу, когда все уселись около его стола.

- Так точно! Уяснил, товарищ генерал.

- Вопросы имеются?

- Нет!

- Готовность группы - через два дня. Успеете?

- Надо, так надо, товарищ генерал, успею.

Срок был поставлен жесткий. За два дня предстояло многое сделать: проинструктировать разведчиков, получить необходимое снаряжение, обмундирование, продовольствие и решить массу других вопросов.

Как и в первый раз взволнованный полученным заданием, Гнидаш быстро подошел к дому, в котором жили разведчики. Они с нетерпением ожидали командира, понимали: предстоит новое задание.

* * *

Ночью был небольшой мороз, непрерывно шел снег. К утру температура повысилась до нуля, по низинам пополз туман, снег перешел в морозящий дождь. День выдался пасмурный, такой, какие часто бывают зимой в этом районе Полесья.

Землянки штаба 37-й гвардейской Речинской стрелковой дивизии сильно занесло снегом. Солдаты из комендантского взвода лопатами расчищали проходы. В одной из штабных землянок над картой, разостланной на столе, склонились три офицера: представитель штаба Белорусского фронта майор Бондарев, командир разведывательной группы капитан Гнидаш и хозяин землянки - начальник разведки дивизии капитан Каширин. Офицеры внимательно рассматривали нанесенный на карте передний край обороны противника. Сегодня, в ночь на 19 декабря, группа разведчиков во главе с капитаном Гнидашем должна перейти линию фронта для выполнения боевого задания в тылу врага. Гнидаш уже более суток находился в дивизии и все это время провел на передовом наблюдательном пункте, изучая место прохода группы через передний край вражеской обороны.

Сейчас он вместе с майором Бондаревым и капитаном Кашириным в последний раз уточнял детали перехода.

Решили, что переходить линию фронта разведчики будут ровно в полночь. Если противник обнаружит их, они вернутся обратно. В этом случае отход группы на исходный рубеж будет прикрываться огнем одного артиллерийского дивизиона и двух минометных батарей. Установили сигналы вызова огня. Для сопровождения группы через передний край обороны противника были выделены два сержанта из дивизионной разведывательной роты - опытные разведчики, не раз переходившие в этом месте линию фронта.

Участок 37-й гвардейской Речинской стрелковой дивизии был выбран для перехода линии фронта не случайно. Оборона немецко-фашистских войск здесь была сильно укреплена, располагала долговременными огневыми точками, глубокими траншеями, минными полями и проволочными заграждениями. Но в одном месте ее передний край перерезало труднопроходимое болото, покрытое густым кустарником и уходившее далеко в глубину обороны противника. Здесь не было сплошной оборонительной линии, и дивизионные разведчики пользовались этим, чтобы проникать в тыл противника.

Гнидаш детально изучил по карте маршрут следования. Путь предстоял трудный. Нужно пройти по тылам врага более 250 километров. Маршрут движения - Карпиловка, озеро Червонное, Лунинец - проходил севернее реки Припять, в центральной части Полесья, представляющей собой заболоченную низменность, покрытую хвойным лесом и пересеченную многочисленными реками и озерами.

Разведчики знали об ожидавших их трудностях: о том, что придется иметь дело с сильным и коварным врагом, что предстоит провести много недель в заболоченном лесу под леденящим ветром, долгими дождями и мокрым снегом, без горячей пищи, а то и вовсе без пищи - день, два, неделю. Знали - и шли на это трудное дело, шли добровольно, потому что были патриотами своей Родины.

С наступлением вечера разведчики стали готовиться к выходу: проверяли оружие, прикрепляли к поясам патронные диски и сумки с ручными гранатами, укладывали рюкзаки. Гнидаш придирчиво осмотрел укладку каждого.

Группа состояла из четырнадцати человек, среди них одна девушка - радистка старший сержант Клара Давидюк.

До войны Клара жила с родителями в Москве, на Ново-Басманной улице, в доме 12. Училась, вступила в комсомол, стала членом школьного комитета комсомола, мечтала поехать куда-нибудь на большую стройку. Но началась Великая Отечественная война, и юная комсомолка загорелась страстным желанием попасть на фронт, с оружием в руках защищать свою Родину, так же как защищал ее Трофим Степанович Давидюк, отец Клары, коммунист, активный участник гражданской войны. Однако в райкоме комсомола и в военкомате ей отказали: не исполнилось еще восемнадцати.

Клара училась в 10-м классе и старательно занималась в осоавиахимовском радиокружке, а в мае 1942 года снова пришла в военкомат. «Мне уже восемнадцать», - сказала она военному. И на этот раз добилась своего: ее зачислили в 40-й отдельный радиобатальон, а затем направили в радиошколу.

Природные способности и трудолюбие позволили Кларе досрочно с отличием закончить радиошколу, и уже в марте 1943 года эта красивая стройная девушка с задумчивыми глазами была впервые направлена в тыл фашистских войск, в разведывательную группу Гнидаша. Ее портативная радиостанция работала бесперебойно, передавая командованию сотни донесений с важнейшими разведывательными сведениями. За успешное выполнение задания старший сержант Клара Давидюк была награждена орденом Красной Звезды.

Теперь девятнадцатилетняя москвичка снова шла во вражеский тыл со своими боевыми товарищами.

До позиции боевого охранения разведчиков сопровождали майор Бондарев и капитан Каширин. На передовом наблюдательном пункте им доложили, что последние несколько часов на стороне противника спокойно, никаких изменений не обнаружено. Находившийся здесь же артиллерийский наблюдатель сообщил, что дивизион и минометные батареи готовы к открытию огня по первому сигналу группы.

Некоторое время все оставались в траншее, чутко прислушиваясь к доносившимся звукам и всматриваясь в сторону противника. Потом майор тихо сказал: «Можно двигаться». Крепкое солдатское рукопожатие. Гнидаш подал команду «Вперед». Первыми перешагнули бруствер окопа проводники - дивизионные разведчики сержанты Скорынин и Прохоренко, за ними - Гнидаш и остальные разведчики. Ночь была темная, и вскоре майор Бондарев и капитан Каширин, наблюдавшие за разведчиками, потеряли их из виду.

Долго не уходил с передового наблюдательного пункта майор Бондарев, прислушивался и вглядывался в темноту. Кругом стояла тишина. Лишь изредка, где-то далеко, то справа, то слева вдруг нарушит ее пулеметная очередь или одиночные выстрелы, и снова наступит тишина. Со стороны болота, куда ушли разведчики, не доносилось ни звука.

К утру вернулись проводники. Они доложили, что группа благополучно прошла наиболее опасные участки и двинулась дальше на запад.

* * *

...Шло время. Подходил к концу май 1944 года. В штабе 1-го Белорусского фронта кипела напряженная работа: готовилась крупная наступательная операция по освобождению Белоруссии. Перед войсками фронта оборонялись две немецкие армии - 2-я и 9-я, входившие в состав группы армий «Центр». Командование этой группы, возводя оборонительные рубежи, всячески старалось использовать лесисто-болотистую и озерную местность Полесья для создания сильной обороны.

Изучение противника перед наступлением было одной из важнейших задач наших войск и штабов всех степеней. Поэтому при подготовке операции большое внимание уделялось тщательной разведке противника, детальному изучению его обороны, группировки его сил и средств.

Группа Гнидаша, пройдя по тылам врага свыше 250 километров, за полгода успела сделать многое. За отличное выполнение заданий и умелое руководство разведывательной группой командование 1-го

Белорусского фронта присвоило Гнидашу воинское звание майор. Как и в период боевых действий на оккупированной Украине, его группа все время увеличивалась. Теперь она состояла уже из восьмидесяти человек. Майор Гнидаш имел неутомимых и бесстрашных помощников на многих железнодорожных станциях и в населенных пунктах, где располагались крупные немецкие гарнизоны, в том числе в Слониме, Барановичах, Слуцке, Лунинце, Пинске, Бресте. Такие важные железнодорожные магистрали, как Брест - Барановичи - Минск, Брест - Пинск - Лунинец, Лунинец - Барановичи, находились под неослабным наблюдением разведчиков Гнидаша.

В Белоруссии действовало множество партизанских отрядов и соединений. Партизаны и разведчики часто приходили на помощь друг другу. Неоднократно они проводили совместные операции по заранее разработанному плану. За успешные боевые действия совместно с партизанами майор Гнидаш по представлению партизанских командиров в марте 1944 года был награжден медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Гитлеровское командование, опасаясь наступления советских войск, создало в Белоруссии плотную оборону на большую глубину. Особенно сильно укреплялись населенные пункты и берега крупных рек и озер. Командованию 1-го Белорусского фронта важно было вскрыть эту систему обороны не только на переднем крае и в тактической зоне, но и в оперативной глубине. Группе майора Гнидаша предстояло выявить оборонительные объекты на тыловых рубежах 2-й и 9-й немецких армий. Разведчики успешно выполнили эту задачу, особенно подробно составили схему обороны противника в районе городов Лунинец, Пинск, Барановичи, Житковичи, Давид-Городок и на реке Лань.

Еще в декабре 1943 года в Лунинце Гнидаш создал подпольную группу из семи человек, большинство членов которой являлись местными жителями и хорошо знала свой город. Один из разведчиков по заданию майора устроился работать на железной дороге.

Как-то в апреле, проходя вдоль железнодорожных путей, он увидел прибывший на станцию Лунинец эшелон с танками. Подсчитал танки - шестнадцать. Сообщил об этом товарищам. В тот же день Гнидаш, получив эти сведения, приказал своим разведчикам проследить, куда будет направлен эшелон. Разведчики выяснили, что

это были не танки, а самоходные артиллерийские установки с разбитой ходовой частью. Они проследили, как гитлеровцы погрузили эти установки на специальные автоплатформы и повезли в город. На восточной окраине Лунинца самоходки сгрузили, расставили с интервалами в 20-30 метров и наполовину зарыли в землю. Стало очевидным: гитлеровцы предполагают использовать их как неподвижные артиллерийские огневые точки. Фашисты сильно укрепили восточную и юго-восточную окраины города: установили противотанковые надолбы, вырыли траншеи, оборудовали доты и дзоты.

Разведчики детально изучили все оборонительные сооружения противника и нанесли их на план города, который переправили в штаб фронта. Благодаря этому город Лунинец был взят советскими войсками с меньшими потерями.

В Барановичах действовала другая группа разведчиков. Гитлеровское командование уделяло большое внимание укреплению Барановичей. Вокруг города был сооружен оборонительный обвод, состоявший из трех-четырёх рядов траншей полного профиля, с проволочными заграждениями перед каждой траншеей и минными полями. На подходах к городу устраивались противотанковые рвы, в самом городе сооружались доты и дзоты, многие городские постройки использовались для укрытия огневых средств. Разведчики наносили на схему каждое оборонительное сооружение с краткой его характеристикой. Постепенно на схеме вырисовывалось подробное и точное начертание немецкой обороны города Барановичи и других больших и малых населенных пунктов, расположенных в тылу 2-й и 9-й немецких армий.

Гнидаш стремился вскрыть также места расположения оперативных резервов противника. С этой целью разведчики вели систематическое наблюдение, устраивали налеты, поиски, засады, при этом старались захватить пленных. Из их показаний Гнидаш узнавал номера частей и соединений противника, их боевой состав, дислокацию, моральное состояние. И эти важные сведения немедленно передавались в штаб радисткой Давидюк.

Так, например, получив сообщение о том, что в районе Лунинца появились новые части противника, Гнидаш немедленно приказал захватить «языка». Взятый в плен гитлеровец рассказал, что в район

Лунинца из Гомеля прибыла 35-я пехотная дивизия, ее 7-й пехотный полк расположился в Сильковичи, 8-й полк - в Лахве, 9-й полк и штаб дивизии - в Лунинце. Он рассказал также все, что знал, о своей дивизии. Таким образом, уже на второй день после того, как 35-я пехотная дивизия противника передислоцировалась из Гомеля в район Лунинца, штаб фронта знал об этом.

В плен были взяты солдаты и офицеры из 4-й танковой дивизии северо-восточнее Капоткевичи, из дивизии СС «Гиммлер» и 7-й пехотной дивизии в районе Лунинца, из 8-й мадьярской пехотной дивизии в районе Пинска, а также из других соединений противника.

Особенно внимательно Гнидаш и его разведчики следили за дислокацией штаба 2-й немецкой армии и стремились захватить в плен офицеров и солдат штаба. Однако это было трудным делом, так как штаб усиленно охранялся, часто менял свое месторасположение, поскольку подвергался налетам нашей авиации (Гнидаш неоднократно доносил о месте дислокации штаба). Кроме того, размещался он большей частью в деревнях либо в селах, из которых предварительно выселялось поголовно все население, вследствие чего разведчики не могли проникать в эти населенные пункты. И все-таки, несмотря на эти трудности, благодаря военной хитрости и смекалке разведчикам удавалось захватывать в плен солдат и офицеров из штаба 2-й немецкой армии.

Когда Гнидаш узнавал, что из какого-то населенного пункта выселяются все местные жители (а вести о таком событии распространялись быстро), он уже догадывался, что туда прибудет важное учреждение или высокопоставленное лицо. Поскольку проникнуть в этот населенный пункт разведчики не могли, они устраивали засады на ведущих к нему дорогах.

Так, однажды Гнидашу сообщили, что из деревни Люденевичи (в 10 километрах северо-западнее станции Житковичи) выселены все местные жители и туда прибыло много немецких солдат и офицеров. Он решил проверить, какие части заняли деревню, и с группой разведчиков вышел в направлении Люденевичи. В 10-12 километрах от деревни остановились в лесу и сделали короткий привал. Потом, взяв с собой Санина и Черепова, Гнидаш направился к лесной дороге, которая по его расчетам должна была проходить в двух-трех

километрах от места привала. Он хотел провести рекогносцировку и выбрать удобное для засады место.

Было еще светло, когда они подошли к дороге, на которой ясно виднелись следы танковых гусениц и автомобильных шин. Гнидаш наметил место для засады и послал Санина за остальными разведчиками. Когда они прибыли, он коротко объяснил задачу, каждому указал место. Движение на дороге началось с рассветом. Сначала прошли небольшие, в 5-10 автомашин, колонны с различным военным имуществом, потом проследовала батарея зенитной артиллерии.

Гнидаш лежал в кустах, в пяти метрах от дороги, и выжидал. Рядом справа и чуть сзади под прикрытием кустарника и деревьев лежали разведчики в маскировочных халатах с автоматами в руках, готовые в любую секунду по команде командира броситься вперед.

На дороге показалась бронемашина, за ней, на дистанции 10-15 метров, шел штабной автобус, потом еще одна бронемашина и грузовик с солдатами. «Вероятно, везут что-нибудь важное, если такая сильная охрана, - подумал Гнидаш. - Эх, если бы не броневики!» Головная бронемашина поравнялась с разведчиками. Люк открыт, из него выглядывает гитлеровец. Автобус полон офицеров. Машины прошли мимо на большой скорости. Гнидаш с сожалением проводил их взглядом, руки крепче сжали автомат: так и хотелось разрядить магазин.

Но открывать огонь сейчас было неразумно: сил для разгрома такой колонны у разведчиков явно не хватало.

Улеглась пыль, снова наступила тишина. За полтора часа разведчики не увидели ни одной машины, ни одного человека. Но вот показалась камуфлированная легковая машина.

- Приготовиться! - тихо подал команду Гнидаш. - Вперед!

Разведчики бросились на дорогу. Это были мастера своего дела. Короткие автоматные очереди по шинам и по моторной части - и автомашина, вильнув раз-другой, уткнулась в обочину. Обе дверцы передней кабины открылись почти одновременно. Из машины выскочили два гитлеровца. Один успел вытащить пистолет и сделать выстрел. Промахнулся. Разведчик Черепов ударил его прикладом автомата по шее, и он свалился на дорогу. Другого гитлеровца скрутили, заткнули рот кляпом.

- Взять пленных, следовать за мной, - приказал Гнидаш.

Разведчики углубились в лес. Одного гитлеровца пришлось вскоре оставить: умер от нанесенного ему удара. Забрав документы, разведчики спрятали труп в кустах. Шли быстрым шагом. Надо было поскорее уйти от места засады. Ведь разведчики находились в нескольких километрах от штаба 2-й немецкой армии, который имел сильную охрану, а вокруг располагались немецкие гарнизоны: части резерва, эсэсовские полки, охранные части. Уходили, петляя и периодически посыпая свои следы нюхательным табаком на случай преследования с собаками.

После четырех часов пути Гнидаш объявил привал. Приказал вытащить кляп и развязать пленному руки. Задал несколько вопросов. Пленный оказался офицером штаба 2-й немецкой армии. Когда разведчики пришли на свою базу, гитлеровца допросили. Он дал очень важные сведения о состоянии войск 2-й армии, о дислокации ее основных соединений и даже сообщил о некоторых планах командования на ближайшее будущее. Эти сведения были немедленно переданы в штаб 1-го Белорусского фронта.

В плен захвачен гитлеровский офицер

В другой раз разведчики захватили унтер-офицера, служившего писарем в штабе 2-й армии, только что разместившемся в селе Петриково. Унтер-офицер был захвачен из засады на подходе к селу. В третий раз взяли в плен офицера того же штаба в Лунинце, где в то время находился штаб армии. Оба пленных также сообщили много ценных сведений.

* * *

В белорусские леса пришло лето. Наступил июнь - самая благодатная пора. Обычно в это время года лес тих и светел. Но не было тишины в белорусских лесах в июне 1944 года. Кружили над лесами самолеты с черными крестами, рушились от авиабомб лесные исполины - стройные сосны и столетние дубы, разрывали лесную тишину длинные пулеметные очереди. Гитлеровские оккупанты проводили одну за другой карательные операции против белорусских партизан. Для этой цели они стянули крупные силы: части, находившиеся в оперативном резерве, охранные дивизии и эсэсовские полки. Партизаны маневрировали, уходили из-под ударов, принимали бой, если позволяла обстановка, или пробивались из окружения и выходили в другие районы.

17 июня немецко-фашистские войска начали карательную операцию в районе Слонима. Майор Гнидаш с небольшой группой разведчиков находился в одном из партизанских отрядов в лесах юго-восточнее города Слоним. 18 июня эта часть леса была окружена карателями. Командир партизанского отряда решил пробиваться на юго-восток, в направлении Липска. Он предложил разведчикам идти вместе с отрядом. Но Гнидаш не мог принять этого предложения: ему нужно было двигаться на Слоним, где предстояло выполнить важное задание штаба фронта. Он полагал, что с небольшой группой разведчиков сумеет проскользнуть через цепи карателей. Распрощавшись, разведчики двинулись на север, партизаны - на юг.

На следующее утро недалеко от Слонима при попытке перейти небольшую речку группа наткнулась на эсэсовское подразделение. Эсэсовцы и разведчики заметили друг друга почти одновременно. По команде Гнидаша разведчики, отстреливаясь, стали отходить в глубину леса. Эсэсовцев было много. Широким фронтом начали они обходить наших воинов, стремясь их окружить.

Разведчики, прикрывая друг друга огнем автоматов, пригибаясь почти к самой земле, перебежками выходили из боя. И им удалось несколько оторваться от противника, но тут Гнидаш был ранен в обе ноги. Разведчики подхватили командира, понесли на руках. Гнидаш приказал отходить к землянке № 8, которая находилась километрах в трех от места боя. Она была построена еще зимой, и разведчики

неоднократно пользовались ею для отдыха, укрывались там от стужи и дождя.

Землянка представляла собой довольно большую яму, глубиной чуть меньше человеческого роста. Сверху она была покрыта бревнами, замаскирована кустами и валежником. Со всех сторон имелись амбразуры для наблюдения и ведения огня. Вход маскировали большой пень и валежник. Неосведомленному человеку обнаружить землянку было трудно.

Когда разведчики подошли к землянке, Гнидаш сказал:

- Я остаюсь здесь. Со мной будет Давидюк с радиостанцией. Остальным, не задерживаясь, двигаться на Слоним, выполнять поставленную задачу. Командиром группы назначаю Санина.

Разведчикам не хотелось оставлять своего командира. Они пробовали возражать, но майор потребовал беспрекословного выполнения приказа.

Вдали уже слышались голоса эсэсовцев. Разведчики уложили Гнидаша в землянке, простились с ним и с Кларой, проверили наружную маскировку и двинулись дальше. Отойдя метров триста - четыреста, они сделали несколько выстрелов, чтобы привлечь внимание эсэсовцев к себе, увести их в сторону от землянки. И действительно, эсэсовцы бросились за ними. Вокруг землянки все стихло. Давидюк помогла Гнидашу снять сапоги и перевязала его раны. Гнидаш прислушался, не застрочат ли автоматы в той стороне, куда ушли разведчики. Но ничто не нарушало лесной тишины.

Прошло часа два. Неожиданно неподалеку раздались голоса. Превозмогая сильную боль в ногах, Гнидаш поднялся и встал у одной амбразуры, Давидюк - у другой. Широкой цепью по лесу шли гитлеровские солдаты. Это была вторая волна карателей, прочесывавших лес. Гнидаш и Давидюк молча наблюдали за ними. Несколько карателей прошли совсем близко от землянки, не заметив ее. Но вот один гитлеровец остановился. Очевидно, что-то привлекло его внимание, он подозвал других. Переговорив между собой, они направились прямо к землянке, держа автоматы наготове. Подпустив их шагов на двадцать, разведчики открыли огонь. Четверо гитлеровцев упали как подкошенные, остальные бросились врассыпную. Послышались свистки и слова команд. Гитлеровцы перестроились и ползком стали приближаться к землянке. Когда до нее осталось 20-30

метров, их встретил огонь автоматов. Фашисты отошли назад, открыли частую стрельбу, забросали землянку ручными гранатами и снова поползли к ней. И снова их встретил огонь автоматов. Так повторялось несколько раз.

Неравный бой двух советских разведчиков с сотней гитлеровцев длился больше часа. Шестнадцать фашистов лежали близ землянки. Истекая кровью, упала Клара Давидюк. Гнидаш остался один.

Отбросив в сторону автомат - в магазинах не осталось ни одного патрона, - он вытащил из кобуры пистолет. Еще два гитлеровца остались неподвижно лежать на земле. Вскоре опустела и обойма пистолета. Тогда мужественный разведчик взял противотанковую гранату - последнее, что у него осталось.

Гитлеровцы приближались к землянке. Один из них громко закричал:

- Рус, сдавайсь! Рус, сдавайсь!

Землянка молчала.

Фашисты подошли вплотную. Постояли, посмотрели вокруг, разбросали валежник, обнаружили вход. Один гитлеровец, дал длинную очередь из автомата и бросился в землянку. Еще двое последовали за ним. И вдруг раздался оглушительный взрыв. Это майор Гнидаш взорвал себя и ворвавшихся в землянку гитлеровцев противотанковой гранатой.

О чем думал Гнидаш в последние минуты жизни, неизвестно. Может быть, досадовал на то, что кончились патроны, может быть, вспомнил своих близких и пожалел, что не доживет до прихода Советской Армии... Но несомненно одно: Гнидаш поступил так, как должен был поступить советский солдат - он выполнил до конца свой воинский долг, бился с врагом до последнего патрона.

А разведчики, которые должны были пробиваться в Слоним, как и рассчитывал Гнидаш, ускользнули от преследователей, успешно выполнили боевое задание и через три дня вернулись за командиром и радисткой.

Им открылась страшная картина. В развороченной взрывом землянке лежали изуродованные тела Гнидаша и Клары Давидюк, вокруг следы крови и множество автоматных гильз. Немного в стороне ровными рядами стояли двадцать два наспех сколоченных деревянных креста с немецкими фамилиями. Все говорило о жестоком бое,

который недавно здесь произошел, о том, что смерть их товарищей дорого обошлась гитлеровцам.

Подробности этого боя разведчики узнали позднее, когда захватили в плен одного из карателей, участвовавшего в штурме землянки.

* * *

В архиве автору удалось разыскать два письма, имеющие отношение к майору Гнидашу. Без них рассказ о разведчике был бы неполным. В первом письме, адресованном командиру одной из частей 1-го Белорусского фронта, говорится следующее:

«Слонимский райком партии просит Вас сообщить данные о погибшем 19 июня 1944 года в районе села Деревная, Барановичской области подполковнике Шевченко. Этот отважный офицер Советской Армии был известен нам под такой фамилией в период немецкой оккупации района как один из организаторов борьбы с фашистскими захватчиками. По-видимому, Шевченко - его псевдоним, и звание у него, вероятно, другое.

В одной могиле с ним похоронена военная радистка Клара Давидюк, погибшая вместе с Шевченко.

Мы хотим увековечить имена этих героев, но не располагаем их биографическими данными...

Райком партии надеется, что Вы откликнетесь на нашу просьбу, тем самым мы вместе с Вами выполним свой долг перед погибшими воинами, увековечим память о них.

С ком. приветом.

Секретарь Слонимского РК КП(б) Попова,
г. Слоним, 23 июня 1945 года».

Второе письмо - ответ полковника Романовского на запрос Слонимского райкома. В нем сообщалось, что подполковник Шевченко в действительности - майор Гнидаш Кузьма Савельевич. Вместе со старшим сержантом Давидюк Кларой Трофимовной он погиб 19 июня 1944 года, выполняя задание командования. Письмо заканчивалось такими словами: «За героизм, проявленный в борьбе с гитлеровскими захватчиками, за умелые боевые действия в тылу врага офицеру-

разведчику майору Гнидашу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза (Указ Президиума Верховного Совета СССР опубликован в газете «Правда» за 25 марта 1945 года), радистка-разведчица старший сержант Давидюк награждена орденом Отечественной войны I степени. Боевые товарищи павших героев приносят вам глубокую благодарность за заботу об увековечении их памяти».

Много подвигов совершили разведчики в период Великой Отечественной войны. И о каждом из них можно сказать словами поэта Суркова:

С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса.
Такие молча входят в пекло схватки
И молча совершают чудеса.

Люди смелые, отважные, они умело и настойчиво делали свое благородное дело, презирая опасность, презирая смерть. Разные задачи выполняли разведчики, по-разному складывались их военные судьбы. Одним пришлось действовать на переднем крае обороны противника, проникать в его расположение через непреодолимые препятствия или, идя впереди своих войск, первыми обнаруживать врага, первыми вступать с ним в бой; другие, как майор Гнидаш, сражались в глубоком вражеском тылу. Но где бы ни находились разведчики, какие бы задачи ни выполняли, цель у них была всегда одна - своевременно добывать нужные для командования сведения, всеми силами содействовать быстрейшему разгрому ненавистного врага. Поэтому в каждом бою или в сражении, будь то оборона или наступление, впереди всегда шла разведка.

D:\часть3.doc

С. П. Колдашев

РАЗВЕДГРУППА В ТЫЛУ ВРАГА

НА ПУТИ К ЦЕЛИ

В ночь на 6 сентября 1943 года часовой пропустил на летное поле небольшой темно-зеленый автобус. Метрах в пятидесяти от самолета машина резко затормозила и остановилась. Первым из нее вышел офицер разведки капитан Бугаев, затем, протянув руку к двери, он помог сойти маленькой, тоненькой, с глазами как чернослив, девушке. За ней один за другим быстро вышли десять молодых мужчин, одетых в штатское, с парашютами и вещевыми мешками за спиной.

- Ну вот и приехали, скоро посадка, - широко улыбаясь и поглядывая на большие наручные часы, проговорил капитан. - Осталось сесть в самолет - и вы на пути к цели.

- Только бы не испортилась погода, - вздохнула девушка, разглядывая темное звездное небо.

- Не думаю, чтобы сводка подвела. И сегодня и завтра здесь у нас и там в Крыму должна быть сухая и ясная погода, без осадков. Как вы себя чувствуете? - спросил Бугаев девушку.

- Хорошо, - бодро ответила она.

Затем он повернулся к мужчинам:

- Друзья, еще раз очень прошу: берегите Сашу, она вам заменит сестру и будет верным другом. Ведь в ее руках - рация, связь с нашим командованием.

- Можете на нас положиться, с нами не пропадет, - дружно ответили разведчики.

- Итак, запомните, Федор, - обратился Бугаев к командиру разведгруппы Илюхину, - главное - это сохранить жизнь и боеспособность людей. Перед прыжком еще раз проверьте, хорошо ли все помнят сигналы. Как только приземлитесь и соберетесь в одном месте, разыщите грузовые мешки и спрячьте их в надежном месте. Постарайтесь на связь выйти завтра же.

Капитан посмотрел на часы.

- Пора на посадку, - тихим от волнения голосом произнес он и обвел всех взглядом.

Несколько секунд все стояли молча, потом стали прощаться с капитаном. Бугаев каждому крепко пожал руку и пожелал счастливого пути.

Разведчики заняли свои места в самолете. Заревели моторы, стрелок-радист закрыл люк и дал знак пилоту. Самолет дрогнул, как живой, гул перешел в оглушительный рев. Машина раз-другой подскочила и будто повисла в воздухе, затем набрала высоту и взяла курс к цели. Вскоре самолет уже летел в ночной мгле над территорией, оккупированной немцами.

Федор Илюхин, под командованием которого следовала в тыл врага группа разведчиков, был старше других и еще до войны отслужил действительную. После демобилизации работал в народном хозяйстве. Когда началась Отечественная война, ушел в партизаны, затем сражался с врагом в регулярных частях Советской Армии.

Саша Поплавская поправила темную прядь, упавшую из-под синей косынки на высокий лоб. Теперь, когда самолет уносил ее все дальше и дальше от родных мест, от близких и дорогих ей людей, она думала: кто знает, вернусь ли снова домой? Невольно вспомнила о маме, с которой до сих пор никогда не разлучалась: «Милая, родная мама, сегодня она тоже не спит всю ночь». Саша ясно представила себе: в сером пуховом платке, мама стоит и смотрит на семейную

фотографию, где Саша, семилетняя смеющаяся девочка, сидит на коленях у отца, а мама, молодая, в белом платье стоит рядом. Саша вспомнила похороны отца, зверски убитого кулаками. Вспомнила начало войны, варварские налеты «юнкеров» на родной город, стоны раненых и плач детей. Вместе с товарищами она добровольно вступила в армию.

Мама осталась далеко-далеко. И теперь близкими и родными стали вот эти сидящие с ней в самолете люди. Особенно полюбился ей Толя Добровольский, с которым она познакомилась две недели назад после окончания курсов подготовки и с тех пор была неразлучна.

Саша с нежностью посмотрела на его доброе лицо с чуть опущенной правой бровью, на каштановые волосы, гладко зачесанные назад, на большие сильные руки, свободно лежащие на коленях, и подумала: «С таким человеком ничего не страшно».

Владимир Пропастин вошел в состав группы разведчиков лишь за три дня до вылета в тыл врага, считал себя новичком и поэтому был немного взволнован.

Рядом с ним, не отрывая лица от иллюминатора, сидел широкоплечий, добродушный весельчак Иван Анненко с черным чубом, нависшим над темными глазами. С первого взгляда было видно: это твердый и решительный человек.

Напротив него молчаливый, сосредоточенный, голубоглазый, с копной золотых волос Петр Бондаренко.

Иван Иванович Мотузко - типичный украинец, чернобровый, с большими карими глазами, высокий и смуглый. Он смотрел в иллюминатор и тихонько напевал какую-то песню.

А внизу иногда вспыхивали неясные огоньки.

Наконец Анненко увидел: кончилась земля, самолет летит вдоль берега моря.

- Вижу море, - крикнул он, обращаясь к командиру группы, давно смотревшему на стрелку часов.

Прошли секунды - и вдруг зажглась контрольная лампочка, раздалась команда Илюхина: «Встать, приготовиться!»

Люк открылся, и в самолет с силой ворвался холодный ветер. Поочередно разведчики исчезали в темноте.

Они приземлились на кукурузном поле близ какой-то деревни, метрах в 200-250 друг от друга.

Каждый осмотрелся по сторонам и прислушался. Кругом темно, лишь сереет высокая, в рост человека, кукуруза. Кроме шороха кукурузной листвы, ничего не слышно. Освободившись от парашютов, разведчики спрятали их в наскоро вырытые ямки и стали разыскивать друг друга. Условным сигналом служил крик филина.

На сигнал, поданный командиром, вначале никто не отвечал. Но вот послышалось тихое уханье этой ночной птицы. Раздвинув стебли кукурузы, Илюхин увидел силуэты двух людей. Это были Бондаренко и Мотузко. Разведчики обнялись, поздравили друг друга с благополучным приземлением и пошли искать остальных. Недалеко обнаружили капитана Тимофеева. Он лежал на земле и тихо стонал. Оказывается, в результате сильного рывка при раскрытии парашюта он вывихнул руку в плечевом суставе. Сильная боль беспокоила капитана. Товарищи помогли ему снять парашют, освободиться от груза.

Вскоре вся группа была в сборе. Не найдены были парашюты с грузами. Видимо, ветер отнес их куда-то, а найти их надо во что бы то ни стало, ведь в них запасное питание для рации, продовольствие, боеприпасы. Если гитлеровцы обнаружат мешки, обязательно начнут искать и преследовать разведчиков, а это - провал.

Все-таки до наступления рассвета решили прекратить поиски -переждать в кукурузе.

В деревне пропели первые петухи, залаяли собаки. С гор повеял предутренний ветерок, ночь посерела, занялся рассвет. Не теряя времени, разведчики отправились на поиски грузовых мешков и вскоре обнаружили их неподалеку от проселочной дороги: хорошо, что никто еще не появился в такую рань на дороге, а то дело было бы совсем худо.

По карте разведчики определили, что находятся у деревни Тубенкое, примерно в двадцати километрах от ближайшего леса. Кругом кукуруза, желтые шапки подсолнуха, цветущий табак, баштаны арбузов и дынь, а совсем рядом были деревенские огороды. Разведчики понимали, что днем за овощами могут прийти местные жители и обнаружить группу, поэтому решили устроить дневку подальше от огородов, под курганом. Здесь, в сером от пыли курае, разведчики были незаметны. Впереди простиралась безмолвная степь, в которой, петляя, терялась проселочная дорога. На горизонте виднелись горы.

Разведчики легли спать, оставив часовых. Солнце пригревало через листву, становилось душно. Появилась новая забота - где достать воду? Во рту пересохло, а вокруг ни ручейка, ни колодца.

Часа через два послышались голоса пришедших на огороды людей, послышался топот копыт, скрип повозок. Прижавшись к земле, разведчики разговаривали шепотом. Особенно беспокоило их то обстоятельство, что пришлось остаться на месте приземления: ночной десант могли заметить и организовать прочесывание. Они не сомневались, что за районом, где ночью пролетел самолет русских, гитлеровцы будут вести тщательное наблюдение и, вероятно, предпримут прочесывание. Поэтому необходимо было как можно быстрее разведать обстановку в деревне, выяснить, много ли в ней вражеских войск, и попутно обследовать вокруг местность: нет ли где поблизости речушки или родника и более подходящего места для временного укрытия.

Выбор пал на Вуколова и Поплавскую. Хотя и не совсем правильно было посылать радистку в разведку, но появление двух молодых людей - парня и девушки - не должно было вызвать подозрения, а Вуколов к тому же хорошо знал татарский язык и при случае мог легко объясниться с местным населением.

Захватив с собой пистолеты и по паре «лимонок», уловив момент, когда на дороге никого не было, они поднялись и зашагали по кукурузе к поселку.

Вдалеке на кургане появилось несколько вооруженных всадников. Один из них смотрел в бинокль, потом показал рукой в сторону огородов. Разведчики прижались к земле и, кажется, перестали дышать. Всадники спустились в лощину и двинулись по дороге вдоль огородов, а тот, что смотрел в бинокль, въехал в кукурузу, оглянулся по сторонам, безнадежно махнул рукой.

Всадники проехали мимо лежавших под курганом разведчиков. Бондаренко приподнялся и, раздвинув перед собой ветки кустарника, промолвил:

- Дело приняло скверный оборот, фашисты поскакали в село, встретят наших - и тогда капут.

Но все обошлось благополучно. Поплавская и Вуколов вернулись в заросли курая, где прятались разведчики, и подробно доложили об обстановке. Во дворе крайней хаты деревни они увидели девушку,

которая посоветовала им быть очень осторожными. Деревня действительно называется Тубенкое. Живут в ней татары и несколько эвакуированных семей, к их числу принадлежит и она. Девушка сообщила, что полицаи подняты по тревоге и с утра рыщут по огородам и в деревне в поисках каких-то парашютистов, которые якобы этой ночью приземлились где-то поблизости.

Время шло. Перевалило за полдень, но ничего подозрительного не было заметно. Движение на дороге замерло, огородники разошлись по домам. Стало тихо. Только низко над степью пролетел вражеский разведывательный самолет. Когда совсем стемнело, разведчики наполнили вещевые мешки продуктами, боеприпасами и взрывчаткой. В надежном месте вырыли яму, спрятали все запасы и тщательно замаскировали землей, ветками, листвой.

А в это время за сотни километров от них, в штабе армии с нетерпением ждали первых позывных от разведчиков. Капитан Бугаев, проводив группу, просидел до утра в радиоузле, не снимая наушников. Но радиостанция разведчиков молчала. Она молчала и в течение дня.

В ПОИСКАХ БАЗЫ

Прежде всего необходимо было подыскать место для базы. В условиях открытой степной местности сделать это будет нелегко. Наметив на карте место, показавшееся удобным, разведчики с наступлением темноты двинулись в путь. Впереди шли дозорные. Шли осторожно, избегали встреч с людьми, обходили населенные пункты. У Тимофеева все сильнее болел поврежденный сустав, ему тяжело было двигаться, и товарищи помогали чем только могли - по очереди несли его автомат и рюкзак.

За сутки ни одного глотка воды, мучила жажда. На рассвете в лощине, поросшей густым кустарником, наткнулись на заболоченную канаву. Здесь и сделали привал. Вволю напились холодной воды, плотно поели и хорошо отдохнули на мягкой траве, а как только солнце зашло за горизонт и ночь окутала землю, снова двинулись в путь. Подошли к шоссе, увидели яркий свет фар автомашин, залегли в зарослях кустарников.

Выждав, когда автоколонна скрылась, по двое перебежали шоссе на дорогу. К середине ночи, утомленные и голодные, прибыли к месту будущей базы. Здесь их ждало полное разочарование.

Это оказалась всего лишь невысокая горка, покрытая низкорослым кустарником. К тому же поблизости никаких источников воды. Снова посмотрели карту, сверили по компасу и двинулись дальше. К рассвету разведчики вошли в табачное поле и расположились здесь на отдых.

Рано утром в поле, где отдыхали разведчики, появилась немолодая женщина с девятилетним мальчиком.

Ее заметил стоявший часовым Бондаренко. Навстречу ей вышли командир группы Илюхин и Анненко.

Женщина назвала себя Корецкой Валентиной Евгеньевной. Она подробно рассказала об обстановке в поселке Зуя, где проживала. Из ее рассказа разведчики узнали о фашистском гарнизоне в Зуе, о месте расположения немецкой комендатуры. Она рассказала также о тяжелой жизни советских людей, оказавшихся на оккупированной врагом территории, о зверствах гитлеровцев, о систематических облавах, которые проводят фашисты в поселках и в лесах, и предупредила партизан, чтобы они были осторожны.

Тем временем Поплавская вышла на связь с командованием, сообщила о благополучном приземлении всей группы, о полученной капитаном Тимофеевым травме.

Несмотря на то что Корецкая обещала никому не говорить об этой встрече, оставаться на месте было опасно: мог выдать ребенок. Разведчики быстро собрались и отошли на западные скаты Зуйской горы, а вечером тронулись в направлении села Барабановка. Дорога была очень тяжелой. Прошел сильный дождь. Грунт раскис, прилипал к ногам, разведчики передвигались с трудом.

В углублениях, выбоинах камней удалось собрать немного воды и утолить жажду.

Под утро вышли к реке Бурульче. Здесь и решили пока остановиться. Два небольших гребня, усыпанные известковыми камнями, тянулись с востока на запад и обрывались крутыми скатами, образуя впадину. Между гребнями рос кустарник, где в случае опасности можно было укрыться.

За обрывом проходила узкая проселочная дорога, а за ней на вспаханном поле работал трактор. В бинокль был хорошо виден молодой тракторист в белой рубашке и кепке, надетой козырьком назад. За полем, на пригорке, виднелся небольшой поселок Бочалы, утопающий в зелени фруктовых садов.

Наступило время очередного выхода на связь. Илюхин сообщил командованию местонахождение группы и результаты ночного наблюдения за противником. От командования поступил приказ начать активные действия на участках железных дорог Джанкой - Симферополь и Джанкой - Феодосия.

Все мысли разведчиков теперь были заняты выполнением боевого приказа. По карте они наметили подходы к железной дороге. Настроение у всех было приподнятое.

* * *

Ярко светило солнце. На небе ни облачка. Часовой, охранявший разведчиков, сидел в кустарнике и в бинокль вел наблюдение. Как будто нигде ничего подозрительного не было. Тракторист пахал целину. По дороге проскрипела повозка.

Однако в это время гитлеровцы, выехавшие из села на двух подводах с другой стороны, видимо, заметили кого-то из разведчиков. Им показалось очень подозрительным, что какой-то человек на холме внимательно смотрит в бинокль, и они, свернув с дороги, галопом погнали лошадей в сторону холма. Разведчики хотя и слышали стук колес, но не обратили на это внимания, зная, что на посту стоит часовой.

Оставив подводы, пять гитлеровцев обошли холм и увидели разведчиков. Началась перестрелка. Фашисты, отстреливаясь, возвратились в поселок, решив, что это партизаны.

Разведчикам ничего не оставалось делать, как в спешном порядке собрать свои вещи, оставить место стоянки и двинуться на восток в поисках новой базы. Не прошли они и километра, как услышали нарастающий гул самолета - это летел в их сторону вражеский, вероятно разведывательный, самолет. Не дожидаясь команды, все бросились в копны свежескошенного сена, а когда гул затих, снова быстрым шагом пошли по степи. С места, оставленного разведчиками, была слышна стрельба из автоматов. К ночи подошли к поселку Тереклы-Шейх-Эли, недалеко от которого находился поселок Таку-Эли. Между ними, в степи, решили остановиться. Здесь рос бурьян, а

посреди него были небольшие заросли сирени. Разведчики назвали это место «сиреневым островком».

«Сиреневый островок» занимал площадь шириной до десяти и длиной около пятнадцати метров. Западнее него тянулось высохшее за лето русло реки Бурульчи. За рекой, метрах в 150, проходила грунтовая дорога на Тереклы-Шейх-Эли и Таку-Эли. Восточнее «островка» в те же поселки вела другая грунтовая дорога. С северной стороны этот участок окаймляла низкорослая трава, а с южной, в десяти - пятнадцати метрах от него, начинался небольшой массив курая. С дороги редкий, безлистый кустарник казался низкорослой полынью, и никому в голову не приходило, что здесь кто-то может прятаться.

Место базирования было выбрано удачно. Дороги были сравнительно безлюдны, так как для передвижения по ним требовалось специальное разрешение оккупационных властей, а за передвижение вне дорог грозил расстрел. Во время дождя русло реки наполнялось водой, которую разведчики могли использовать для питья. Опасность заключалась только в том, что их мог обнаружить пастух, который часто прогонял скот мимо сиреневых кустов. Однажды его собака даже подошла к сирени. Увидев разведчиков, она взъерошила шерсть, зарычала и медленно отошла.

Помимо «сиреневого островка» разведчики наметили вторую базу - в излучине Бурульчи. Собственно говоря, никакой второй базы не было. Просто в случае опасности они могли встретиться в другом месте. Разведчики решили, что, несмотря на отсутствие достаточно безопасной базы, пора переходить к активным действиям. От мысли найти подходящее место в крымских лесах они давно отказались, потому что там шли непрерывные бои партизан с оккупантами.

Однако разведчикам пришлось в тот же день спешно покинуть и это место стоянки, так как проезжавшие на повозке гитлеровцы заметили бы их и могли бы поднять тревогу. Разведчики отошли подальше в степь, где в густом бурьяне, под кустом сирени решили рыть землянку. Место для базы не очень подходящее, но ничего другого не оставалось. Им приказано действовать именно в этом районе и надо приспособиваться к условиям местности, приступить к выполнению боевого задания. Да, трудно найти безопасное место для базы разведгруппы, когда кругом на многие километры голая безлесная местность. Базироваться можно только в землянках,

построенных среди бурьяна, в лощинах, в руслах пересохших рек или в заброшенных домах и сараях. В первые дни по крайней мере, а дальше видно будет.

ПЕРВЫЕ ВЫЛАЗКИ

В первую вылазку было решено послать две группы разведчиков. За ночь им предстояло пройти около тридцати километров, затем днем где-то укрыться, отдохнуть, а на следующую ночь заминировать железнодорожное полотно, взорвать проходящий поезд и успеть отойти в безопасное место.

Шестеро разведчиков ушли на боевое задание. Примерно с километр они шагали вместе, а потом, разбившись по трое, разошлись.

Анненко, Мотузко и Щукин отправились в район станции Сейтлер, а Добровольский, Бондаренко и Вуколов - в район станции Киличи.

Около 10 часов вечера группа Анненко подошла к полотну железной дороги в трех километрах от станции Сейтлер и в ста метрах от сторожевой будки, в которой находилась вражеская охрана. Через каждые 10-15 минут вдоль полотна проходили патрули. Действовать надо было быстро и смело. Рассвет был уже близок.

Иван Анненко ползком приблизился к самому полотну железной дороги и подготовил мину. Жалко, очень жалко было ему, недавнему железнодорожнику, разрушать то, что создали своим трудом советские люди. Но враг не должен, не имеет права пользоваться тем, что является нашим достоянием. Он поставил мину и стремительно отполз к товарищам. Через две-три минуты показался поезд.

С затаенным дыханием разведчики ждали, когда состав взлетит на воздух. Вот уже место минирования прошел паровоз, за ним простучали по рельсам колеса вагонов, а взрыва так и не последовало. Трудно сказать, почему: то ли потому, что была плохо заряжена мина, то ли неправильно установлена, только она не взорвалась. Проверить мину было уже нельзя.

- Да, первый блин комом, - сказал с горечью Анненко и, помолчав, добавил: - Ну, ничего, ребята, завтра сделаем удачнее.

Возвращаться на базу, не выполнив задания, было просто невозможно. Группа Анненко осталась на месте до следующего дня. Укрывшись в стоге соломы, разведчики внимательно наблюдали за

движением противника по шоссейной и железной дорогам. Обдумывали причины неудачи.

«Как лучше подготовить мину, чтобы увеличить ее мощность и чтобы она обязательно взорвалась при проходе поезда? Может быть, поставить мину с взрывателем натяжного действия? - размышлял Анненко. - Для разведчиков это опаснее и труднее, но зато больше уверенности, что мина взорвется в нужный момент». На этом варианте и остановились.

С наступлением темноты Анненко и Щукин подползли к полотну и поставили мину, хорошо ее замаскировав.

Примерно часа через два показался воинский эшелон с боевой техникой и вооружением противника, следовавший на Джанкой. На этот раз мина сработала, как и рассчитывали, вовремя, состав пошел под откос, от вагонов остались лишь обломки и, как впоследствии выяснилось, движение на этом участке было приостановлено на 6- 8 часов.

Между тем группа Добровольского вторую ночь пробиралась к намеченному месту. Проходя вечером мимо поселка, разведчики обратили внимание на ярко освещенные окна длинного одноэтажного здания, откуда доносились шум мотора и лязганье железа. «Наверняка какие-то немецкие мастерские», - решили разведчики. Обычно они обходили стороной населенные пункты, но на этот раз решили подойти к поселку и узнать, что же находится в освещенном здании. Двое залегли в кустах полыни, а Петр Бондаренко подполз к плетеной изгороди крайнего строения и прислушался. Во дворе залаяла собака, и тут же открылась дверь дома, на крыльце появилась женщина с миской в руках:

- Чего лаешь? Несу, несу.

Бондаренко тихо окликнул хозяйку. Женщина остановилась, не решаясь спуститься с крыльца.

- Не пугайтесь, я от партизан...

- Да я не за себя боюсь, а за вас - деревня переполнена фашистами.

Из короткой беседы с ней Петр выяснил, что в поселке расквартировано вражеское подразделение технического обслуживания, а в освещенном здании - мастерские по ремонту танков

и стрелкового оружия, поступающих со станции Киличи. Такие сведения тоже важны, и разведчики взяли их на заметку.

Не доходя до железнодорожного полотна с километр, между разъездами Киличи и Грамматиково, разведчики остановились на дневку у небольшой речки Индолы. Отдыхали поочередно. Укрывшись в зарослях камышей у самого берега, они вели наблюдение за железной дорогой и будкой (в ней была охрана из четырех человек), а также за проселком, по которому двигались колонны автомашин.

- Обратите внимание, - сказал Добровольский, - в сторону Грамматиково из Феодосии везут боеприпасы и вооружение, а обратно машины идут порожняком. Наверно, боеприпасы в Феодосию доставляются морем, а в Грамматиково расположены склады. Да и поезда в сторону Феодосии тоже следуют порожняком, а обратно - с грузом. Значит, взрывать нужно поезд, идущий из Феодосии, - уверенно произнес он.

Под покровом темноты, соблюдая большую осторожность, разведчики перешли речку и по заболоченному участку доползли до крутой насыпи железнодорожного полотна. Здесь, в топком болоте, и притаились. Мимо по шпалам прошел вражеский патруль, освещая путь карманным фонариком, и скрылся в будке. Бондаренко и Добровольский поднялись на насыпь и заложили под рельсом, вблизи моста, мину. Вуколов прикрывал их и обеспечивал отход. Из будки вышли двое часовых и стали по обе стороны моста.

Вражеский эшелон пошел под откос

Поезда не пришлось долго ждать. Его яркие огни осветили железнодорожное полотно. В этот момент часовой обнаружил разведчиков. Гитлеровцы открыли стрельбу и пустили в небо ракеты. Но было уже поздно. Бондаренко быстро сбежал с насыпи, разматывая

шнур от взрывателя, и, когда паровоз наехал на заряд, рванул шнур. Раздался оглушительный взрыв, в разные стороны полетели обломки металла и разбитых вагонов, послышались крики и беспорядочная стрельба. Паровоз и 14 вагонов с техникой и живой силой противника были уничтожены. Движение железнодорожных составов на участке между станциями Грамматиково - Киличи прекратилось на 10-12 часов.

Гитлеровцы были в смятении. Не успели оправиться от одного взрыва, как последовал другой и, по всей вероятности, не последний.

Возвращаясь с боевого задания, разведчики группы Добровольского случайно встретились с жительницей поселка Тереклы-Шейх-Эли Симой Кляцкой. Ясные глаза женщины, ее сердечность располагали к себе. Прощаясь с разведчиками, она сказала:

- Мы с нетерпением ждем наших спасителей - советских воинов. А я готова помогать им чем могу.

Когда Добровольский доложил об этой встрече командиру, тот решил встретиться с Симой, поговорить с ней более обстоятельно.

Через несколько дней группа Анненко вновь отправилась на боевое задание.

Неподалеку от станции Сейтлер Анненко установил наблюдение за железнодорожным полотном, внимательно осмотрелся, выяснил, где находится охрана и по какому маршруту следуют патрули, подготовил заряд. Операцию пришлось проводить в трудных условиях, так как охрана находилась почти рядом с намеченным для взрыва участком. Он решил поставить заряд сам, быстро подполз к полотну, поставил мину с взрывателем натяжного действия и отполз к товарищам. Как только патрули услышали шум приближающегося поезда, они пошли в обход и, пользуясь специально приспособленными искателями, неожиданно обнаружили мину. Патрульных было четверо. Они остановились около заряда и, размахивая руками, начали ставить красный сигнал. Анненко приказал взорвать мину. Щукин потянул шнур. Четверо гитлеровцев и большой кусок рельса со шпалами взлетели в воздух. И снова движение поездов было прервано на несколько часов.

Разведчики накапливали опыт. Командование получало все новые и новые сообщения о взорванных железнодорожных эшелонах

противника:

23 сентября в 20 часов южнее станции Сейтлер взорван эшелон с автотранспортом, шедший на Джанкой; уничтожено 10 вагонов, паровоз, большое количество автомашин, движение приостановлено на 15 часов.

Через два дня взорван эшелон, шедший также на Джанкой; уничтожено 17 вагонов с живой силой и боевой техникой противника, движение прервано на сутки.

5 октября в четырех километрах севернее станции Сарабуз группа Ивана Анненко взорвала эшелон, уничтожив паровоз, 16 вагонов, много живой силы и боевой техники врага; движение прервано на 20 часов.

31 октября Добровольский, Щукин и Вуколов, опираясь на помощь патриотов, взорвали крупную Зуйскую МТС, обслуживавшую немцев; было уничтожено большое количество тракторов, запасных частей и инструмента, приготовленных к отправке в Германию.

20 ноября в 20 часов в двух километрах южнее станции Китай взорван эшелон, шедший на Симферополь: уничтожены паровоз и 13 вагонов с военной техникой противника; движение приостановлено на 14 часов.

Гитлеровское командование и жандармерия были в смятении. Карательные отряды свирепствовали. Проводились поголовная проверка населения и обмен документов. Был издан специальный приказ, предписывавший сжигать в степях кукурузу, ковыль, кустарники, усилить охрану железных и шоссейных дорог, приложить все силы к вылавливанию и уничтожению советских партизан, разведчиков и тех, кто помогает им.

Остаться в землянке на «сиреневом островке» было опасно. Нужно было искать новое место базирования. Перед группой стояла задача не только взрывать железные дороги, склады и уничтожать живую силу и технику противника, но и вести разведку, добывать сведения о дислокации и численности его войск, вооружении и боевой технике.

Для выполнения этих задач разведгруппа нуждалась в помощи советских патриотов из местного населения. Поэтому разведчики начали искать себе верных помощников, внимательно приглядывались

к жителям соседних сел, а также решили встретиться и с Симой Кляцкой, о которой рассказывал Добровольский.

ПОМОЩЬ ПАТРИОТОВ

Сима Кляцкая жила на северной окраине поселка Тереклы-Шейх-Эли в маленьком домике, построенном под одной крышей с сараем.

Когда совсем стемнело, Добровольский, Илюхин и Вуколов подошли к ее дому. Вуколов залег с автоматом у изгороди для наблюдения, а Добровольский и Илюхин перелезли через плетень, пересекли небольшой двор и подошли к крыльцу. Окна были закрыты ставнями. Сквозь щели пробивался свет. Добровольский поднялся по ступенькам крыльца, прислушался и постучал. Ответа не было. Постучал еще раз. Скрипнула дверь, и из сеней послышался голос:

- Кто там?

Разведчик сразу узнал голос Симы.

- Это я. Помните, был у вас в пятницу? - тихо ответил он.

Женщина молчала и не открывала дверь, видимо, вспоминала.

- Помните, меня зовут Толя, Анатолий? - повторил он еще раз.

- А, Толя! - воскликнула она.

Женщина вытащила железный засов и открыла дверь. Илюхин окинул глазами простую обстановку низенькой комнаты.

- Я не один, я со своим другом, вы не бойтесь, - успокоил ее Добровольский.

- Проходите, - пригласила хозяйка.

Как только разведчики вошли в дом, Сима закрыла дверь на крючок и прошла к столу. На вид ей было лет двадцать с небольшим. Невысокая, стройная, красивая женщина, с большими черными глазами и русой косой. На крепких загорелых ногах - мужские галоши.

- Я укладывала спать дочурку Валюшу, да и сама задремала, - проговорила Сима. - Садитесь, пожалуйста, муж на работе. Он - тракторист МТС, сегодня не придет, останется там ночевать. Вы можете говорить со мной обо всем. Кроме меня и моей малютки Валюши, никого дома нет, так что можете не опасаться.

Сказав все это на одном дыхании, женщина опустилась на стул. Разведчики сели рядом.

- Что же это я! - спохватилась вдруг Сима. - Борщ у меня еще совсем горячий. Наверное, есть хотите. - И она поспешила к печи.

- Не беспокойтесь, не нужно, спасибо. Борщ мы попробуем как-нибудь в другой раз, - сказал Илюхин. - Мы к вам по очень важному делу.

Женщина повернулась к ним, держа в руках горячий горшок. Лицо ее выражало обиду. Илюхин решил, что зря обижает женщину, и, улыбаясь, согласился поужинать.

За ужином разведчики узнали, что до войны Сима работала комбайнером и о ее бригаде не раз писала газета «Красный Крым». Сейчас она также работает в МТС. Механизаторам часто приходится ремонтировать машины гитлеровцев. Пока и она, и муж находятся вне подозрения у местной полиции.

Илюхин внимательно наблюдал за женщиной. Она внушала ему доверие.

Федор, глядя ей прямо в глаза, спросил:

- Хотели бы вы, Сима, помочь Родине?

- Да конечно же! Я сделаю все, что в моих силах. И за мужа вы не беспокойтесь! Он хороший человек.

На следующий день Федор и Анатолий опять пришли к Кляцкой. За чашкой чая снова шла непринужденная беседа. Однако Сима чувствовала, что разведчики держат себя настороженно. Простая и бесхитростная, она не знала, как убедить их в своей честности и преданности, и потому сказала прямо:

- Вы не бойтесь, доверяйте мне. И прошу, поручите какое-нибудь задание, я его выполню, вот увидите.

Илюхин начал с малого. Он дал Симе денег и попросил купить для разведчиков продукты и достать медикаменты, в первую очередь йод. Это задание Сима успешно выполнила. Тогда Федор поручил ей добыть некоторые сведения о гарнизонах противника в близлежащих районах. Сима и с этим заданием справилась.

Выполняя задания, Сима лично и через других советских патриотов добывала сведения о противнике, которые немедленно передавались командованию. Так, например, 19 сентября в штаб сообщалось: «Симферополь минируется, население срочно эвакуируют, базары закрыты, по городу облавы, задержанных увозят в неизвестном направлении»; «С 3.00 15.9 по 5.00 16.9 в сторону Джанкоя прошли 16 эшелонов с войсками и техникой противника, в сторону Керчи - 6 эшелонов. По шоссе на Джанкой прошли около 200

крытых груженых автомашин. Скот эвакуируется на север. Охрана железных дорог усилена».

20 сентября разведчики передали: «Идет эвакуация населения из Симферополя в Николаев. Поезда до отказа забиты машинами, и все это следует на Джанкой».

Для срыва эвакуации немецких войск из Джанкоя, Зуи, Симферополя командование приказало разведгруппе усилить наблюдение за противником и активизировать действия по выводу из строя железнодорожных путей.

В маленькой землянке на «сиреневом островке» едва уместилось десять человек. Приходилось спать вплотную друг к другу. Состояние Тимофеева резко ухудшилось. Плечевой сустав распух и сильно болел. Ныла вся рука. Начались головные боли, жар. По вечерам его знобило. Больной ослаб, почти ничего не ел, не спал. Его судьба беспокоила разведчиков. «Что делать? Отправить капитана на Большую землю пока нет никакой возможности. А что если устроить его у Симы?» - к этой мысли они возвращались уже не один раз. Однако имеют ли они право доверить жизнь товарища, офицера-разведчика малознакомой женщине, о которой они знают только то, что она сама рассказала о себе. А что если она подведет разведчиков, вольно или невольно выдаст их? Ведь тогда погибнет не только Тимофеев, но и вся группа. Анатолий и Федор вспоминали до мельчайших подробностей все встречи с Симой, все разговоры с ней, ее поведение, лицо, глаза. Нет, ничего подозрительного в этой спокойной, выдержанной и ласковой женщине не было.

Прошел еще день. Вечером, когда разведчики ушли на выполнение боевого задания, Добровольский и Илюхин привели Тимофеева в дом Симы. Семья Кляцких еще не спала. Сима купала дочурку, Алексей, ее муж, ужинал. Увидев больного человека, Сима забеспокоилась. Быстро домыв девочку, она уложила ее спать и занялась Тимофеевым. Разведчики не стали терять времени даром.

- Можете ли вы, Сима и Алексей, - обратились они к супругам, - взять к себе в дом больного? Положение у нас тяжелое, поэтому мы пришли к вам за помощью. Мы доверяем вам не только Тимофеева, но и свою жизнь.

Кляцкие ответили не сразу. Сима вспомнила, как не один раз приходилось выручать ей из беды своих товарищей еще до войны,

когда она работала комбайнером в МТС, как однажды в детских яслях вспыхнул пожар и они с Алексеем, рискуя жизнью, борясь с огнем, спасали детей.

Алексей Кляцкий был тоже взволнован. Глядя на сидящих перед ним разведчиков, он думал о том, что там, на Большой земле, у них остались, наверное, матери, жены и дети. Пригладив рукой волосы, он встал и с волнением произнес:

- Мы с Симой комсомольцы. Любое ваше задание выполним с честью.

А Сима, глядя на разведчиков ясными, влажными глазами, проговорила:

- Спасибо вам за доверие.

Разведчики оставались в доме Кляцких до утра. Хозяйка накормила их горячими галушками, устроила на печи за занавеской удобную постель для Тимофеева. На случай опасности разведчики сделали для капитана небольшую нишу в стене погреба и заложили ее досками. Прощаясь с Тимофеевым и Кляцкими, они обещали навещаться, но не часто, чтобы не привлекать внимания.

Как-то на рассвете в конце сентября группа разведчиков вышла на очередное задание. В это время невдалеке проходило стадо коров. Пастух заметил разведчиков, остановился и долго всматривался в «сиреневый островок». Теперь уже оставаться на этом месте было нельзя. Вечером разведчики по одному и по два перешли в дом к Кляцким.

Дом Кляцких отличался от других построек небольшими размерами. Тот, кто ехал по дороге из Таку-Эли в Тереклы-Шейх-Эли, не мог и предположить, что в таком маленьком домике могло разместиться более десяти человек.

Для большей безопасности разведчики вместе с Алексеем Кляцким сделали в доме небольшую перестройку. За кухней, в маленькой комнатке, служившей раньше кладовой, разведчики отгородили для себя помещение, в которое можно было попасть только через отверстие, сделанное внизу, под стеной. Свет проникал туда через щель между соломенной стеной и потолочной балкой. Когда в селе появлялись гитлеровцы или полицейские, разведчики перебирались в это укрытие и затыкали отверстие снопом соломы. Сима и Алексей вместе с разведчиками поочередно вели наблюдение.

В кухне имелось маленькое окошечко, которое использовалось как сигнальное. Если свет от коптилки освещал все окошко, то это означало, что чужих в доме нет, и разведчики, возвращавшиеся с задания могли свободно войти. Если окошко было закрыто наполовину, значит, в доме посторонние и входить нельзя. Если окошко совсем закрыто и света в кухне нет, разведчики не должны были не только входить в дом, но даже близко подходить к нему. В этом случае следовало немедленно искать для себя другое укрытие.

С первых же дней Сима проявила себя бесстрашной патриоткой, активно помогала разведчикам. Она подробно рассказала им о тех, кого в поселке нужно опасаться и кто может предать. В первую очередь Сима назвала тех, кто враждебно настроен к Советской власти, продался гитлеровцам, защищает фашистский «новый порядок», всюду выслеживает партизан, разведчиков и бежавших из плена советских людей.

ЗАХВАТ «ЯЗЫКА»

В конце сентября перед разведгруппой была поставлена задача захватить «языка» с целью уточнения имеющихся данных о противнике и получения новых сведений. Разведчики понимали, что не любой «язык» нужен командованию. Речь шла о таком пленном, который мог бы дать ценные сведения. Кроме того, провести эту операцию следовало настолько осторожно, чтобы разведчики могли по-прежнему действовать в том же районе.

Сначала возникли два варианта захвата «языка». Один из них заключался в том, чтобы устроить засаду на шоссе недалеко от Зуи, совершить нападение на легковую машину и захватить пленного. По второму варианту одному разведчику надо было переодеться в форму фашистского регулировщика и задержать нужную машину. Оба варианта предполагали открытый бой с гитлеровцами, что являлось большим минусом, так как привело бы к обнаружению разведчиков и прекращению на неопределенное время их работы, поэтому после тщательного обсуждения они отказались от обоих вариантов.

Они считали, и не без основания, что для выполнения этой задачи нужна помощь кого-либо из местных жителей. Однако привлекать посторонних к столь серьезному делу также небезопасно. А что если они окажутся нечестными, завлекут разведчиков в ловушку? Долго

думали, прикидывали и наконец решили, что главную роль в операции по захвату «языка» должна сыграть Сима. В преданности ее они не сомневались. Возможности у нее имелись.

В дом к Симе иногда заезжали гитлеровцы, а некоторые даже относились к ней с доверием. И уж кто-кто, а она-то теперь хорошо понимала, какого «языка» следовало захватить. Сима согласилась помочь разведчикам. Илюхин совместно с Симой разработал подробный план действий. После этого она отнесла в соседнюю деревню к матери свою дочку, сказав, что уезжает в Симферополь за продуктами.

Наступило 30 сентября 1943 года. Над поселком Тереклы-Шейх-Эли ползли низкие темные облака. Моросил дождь. Дорогу развезло так, что и на подводе едва проедешь.

Под вечер к колодцу, что стоял за плетнем Кляцких, подъехали две повозки. Разведчики и Сима увидели в окно четырех гитлеровцев. Они вылезли из повозок и принялись поить лошадей. Медлить было нельзя. Сима быстро набросила на себя белую шаль с красными цветами, которую до войны носила по праздникам, натянула на ноги новые резиновые сапожки и, захватив два ведра, побежала к колодцу.

По предусмотренному плану Сима должна была сначала выяснить, откуда и куда они едут, не следует ли кто за ними, предполагают ли они сделать в поселке остановку, а если так, то на какое время.

Вскоре Сима возвратилась с полными ведрами воды. Оказывается, гитлеровцы из штаба одной воинской части, расположенной в Зуе, следуют в сторону Кемальчи, отстали от колонны, очень устали и хотели бы отдохнуть в поселке.

- Милая, дорогая Сима! - воскликнул Илюхин. - Да ведь это как раз то, что нам нужно! Беги снова за водой. Ты - молодая, красивая женщина, постарайся зазвать немцев в дом. Они не должны уйти отсюда. Поняла меня, Сима?

- Поняла, поняла и все сделаю, как договорились. Сима выплеснула воду в бочонок.

Едва за ней закрылась дверь, разведчики стали по своим местам в полной боевой готовности, а Иван Мотузко и Федор Илюхин спрятались в сарае на случай, если кто-нибудь из гитлеровцев

попытается бежать через окно или дверь. Действовать следовало по условному сигналу, который должна была подать Сима.

Успевшая подружиться с Симой радистка Саша Поплавская тем временем навела в доме порядок: поправила постель, взбила подушки и накрыла стол скатертью. Посередине стола она поставила кувшин с последними осенними цветами - подарком Толи, оглядела комнату и убедилась, что теперь все в порядке.

Как только Сима подошла к колодцу, гитлеровцы заулыбались.

- Русская девушка очень мила, - сказал, слезая с повозки, светлоглазый офицер, одетый в кожаное пальто.

- Здесь можно где-нибудь хорошо отдохнуть? - спросил он, сильно коверкая русские слова.

- А почему же нет? Конечно можно.

- А партизаны? Их не бывает здесь?

- Село у нас тихое. Видите, маленькое, на открытом месте. Они все в лесах да около больших сел.

- Ты замужем?

- Нет.

- А с кем ты живешь?

- С подругой, с Сашей. Она тоже одинокая.

- Мы хотели бы отдохнуть в твоём доме. Можно нам заехать к тебе переночевать?

Сима молчала. Он повторил вопрос.

- Ну как, можно?

После некоторого колебания Сима кивнула:

- Хорошо, заводите лошадей во двор.

Гитлеровцы вошли в хату. Саша, улыбаясь, поздоровалась.

Уютная домашняя обстановка и поведение девушек расположили гитлеровцев. Они даже не выставили у дома часового. Разделись в кухне и поставили у печки винтовки.

Саша достала чистое полотенце и предложила немцам умыться теплой водой.

- Хорошо, очень хорошо, - то и дело повторяли они.

Сима накрыла на стол. Подала горячую картошку, огурцы и помидоры, гитлеровцы открыли консервы. Когда все уселись за стол и стаканы были наполнены водкой, Саша сказала:

- Камрады, выпьем за быстрейшую победу, выпьем за здоровье!

Видимо, гитлеровцы давно не ели. Выпив водки, они с жадностью набросились на еду, и в комнате стало тихо. Сима понимала, что обстановка в любую минуту может измениться к худшему. Затягивать нельзя. Она налила им по второму стакану, встала и отчетливо и громко произнесла:

- Пусть будет не последняя. За ваше здоровье. За наш успех!

Это был сигнал к действию. Разведчики ворвались в комнату.

- Руки вверх! - скомандовал Добровольский.

Застигнутые врасплох, перепуганные и растерянные, гитлеровцы сдались.

В ту же ночь, в тех же повозках Бондаренко и Вуколов доставили пленных к Ченгравской балке. Оттуда в ночь на 2 октября их переправили самолетом в Краснодар, где располагался штаб командования. С этим же самолетом был отправлен больной капитан Тимофеев.

Пленные гитлеровцы при допросе дали важные сведения. Командование поздравило группу с успехом.

«Пленные, добытые вами, очень ценные, - сообщалось в радиограмме. - Поздравляем с победой. Желаем дальнейших успехов».

В числе сведений, полученных от пленных, была информация о том, что на станции Сарабуз скопилось несколько эшелонов с войсками и техникой. Наша авиация немедленно использовала эти сведения для нанесения бомбовых ударов по ним.

8 октября Саша Поплавская передала в штаб: «При налете на станцию Сарабуз уничтожено большое количество вагонов, живой силы и техники противника, склад с автомоторами срочно переведен из Ново-Сергеевки в Бучурки. В городе паника, местное население бежит в лес. Склад боеприпасов, видимо дивизионного значения, размещен в пятистах метрах южнее станции Ислам-Терек».

Результатам этой бомбежки радовались патриоты Сарабуза, Симферополя, Феодосии, Джанкоя и Зуи. Радовалась вместе с ними и Сима - ее работа не пропала даром.

Немало ценных сведений о противнике сообщала славная русская женщина Сима Кляцкая. Так, например, 23 сентября она подсчитала, что в течение нескольких часов в направлении на Джанкой прошло 350 автомашин, 750 повозок с войсками и техникой противника; 25 сентября выяснила, что в Симферополе, на Ново-Садовой улице в доме

№ 14 размещается штаб немецкой дивизии СС. В тот же день Сима узнала, что на восточной окраине Симферополя, в Ново-Сергеевском саду размещен склад с авиационными бомбами, а город буквально забит вражескими войсками и техникой. По шоссе на Симферополь непрерывно идут автомашины с грузом.

Вовремя переданные сведения помогли советскому командованию нанести новые удары по противнику.

После операции по захвату пленных Сима не только сама выполняла задания, связанные с разведкой, но и помогала разведчикам привлечь к этой рискованной и опасной работе знакомых ей патриотов. Среди них были механик МТС Николай Кравцов и шофер Владимир Рыбовалов.

Николай Кравцов вместе с разведчиками участвовал в боевых вылазках: взрывал железнодорожные составы, склады и другие важные объекты противника.

Волевым и бесстрашным показал себя Владимир Рыбовалов. Часто по ночам он привозил в Симферополь разведчиков на «охоту за языками», участвовал в дерзких налетах на вражеские объекты, помогал добывать продовольствие.

Штаб армии держал постоянную связь по радио со своими разведгруппами, снабжал их оружием, боеприпасами и продовольствием. Для оказания помощи в эти группы периодически высылались представители штаба армии - опытные разведчики.

Так, например, в октябре 1943 года вылетал в район действия групп «Саши», «Верного» и «Николая» капитан Николай Леонтьевич Бугаев. Находясь в группе «Саши», Бугаев своим личным примером вдохновлял разведчиков, учил их работе в сложных условиях вражеского тыла. Вместе с ними он участвовал в проведении диверсий на железных дорогах, устанавливал связи с местными патриотами и через них добывал ценные разведывательные сведения о противнике, умело организовывал вылазки против гитлеровских карателей.

* * *

Уже несколько дней шла тщательная и напряженная подготовка к очередной боевой операции. На этот раз решено было провести ее в

поселке Зуя, точнее, в бывшей МТС, где ремонтировались автомашины, тягачи, тракторы, танки и другая вражеская боевая техника. Задача состояла в том, чтобы уничтожить этот объект и тем самым лишить гитлеровцев крупной ремонтной мастерской.

Выполнение этой задачи было делом нелегким. В Зуе находились гитлеровская комендатура, жандармерия, улицы патрулировались, здание МТС охранялось. Правда, к несению караульной службы привлекались и гражданские лица, в основном из числа предателей и изменников Родины. Но среди них находились и те, кто работал по принуждению. Об одном из таких сторожей положительно отзывалась Сима Кляцкая. Через него она установила места наибольшего скопления вражеской техники в цехах бывшей МТС.

Провести операцию поручили Анатолию Добровольскому, Алексею Щукину и Александру Вуколову, которые приобрели достаточный опыт в совершении подобных налетов.

Три дня они изучали различные маршруты и возможности скрытного проникновения в Зую и на МТС, приемы минирования и взрыва. И когда все было обдумано и опробовано, группа разведчиков тронулась в путь. Темной осенней ночью они скрытно, огородными тропами подошли с тыльной стороны к забору бывшей МТС.

Оставив Щукина и Вуколова для прикрытия, Добровольский подошел к проходной и постучал в дверь.

- Кто это? - спросил сторож.

- Я от Симы Кляцкой. К вам просьба, откройте, - ответил Добровольский.

Сторож, открыв дверь проходной будки, впустил к себе Добровольского.

- Так вот что, дорогой охранник, - начал Добровольский. - Запри калитку, будку и ворота. Ключи дай мне, а сам немедленно уходи.

Разведчик указал сторожу, как пройти к проделанному в заборе проходу. Как только сторож пролез через щель забора, где его встретил Вуколов, Щукин с мешком, в котором находились мины и приспособления для взрыва, быстро подбежал к Добровольскому.

Открыв дверь главного, самого большого цеха, разведчики увидели десятки боевых машин и тракторов и, не теряя времени, начали минирование. Установив пять толовых связок с взрывателями натяжного действия и протаскив через окно бикфордов шнур, они

быстро пересекли двор и через ту же щель в заборе направились к Вуколову.

Едва разведчики успели отойти в лощину, как услышали шум мотоциклов, шедших по шоссе в сторону МТС.

- Что это, неужели нас обнаружили? - спросил с тревогой Анатолий.

- Нет, это просто очередной объезд гитлеровской караульной службы по объектам, они ночью всегда проверяют, - ответил сторож.

- Ну, пусть проверяют, это будет их последняя проверка, - произнес Анатолий.

Вскоре послышался сильный стук в дверь проходной: прибывший наряд гитлеровцев из шести человек во главе с офицером вызывал сторожа. Но сторож так и не появился. Тогда гитлеровцы взломали дверь проходной, вошли на территорию ремонтной базы и стали что-то кричать, по-видимому, разыскивая сторожа. Не найдя его, они взломали дверь в главный цех и вошли внутрь.

Разведчик Вуколов, наблюдавший за ними через щель забора, увидел, что последний гитлеровец вошел в помещение, и подал сигнал Добровольскому, а сам бросился в лощину. Последовал оглушительный взрыв. Полетели в стороны стекла и кирпичи, внутри цеха начался пожар.

Взрыв был настолько сильным, что его услышали не только в ближайших домах, но и в центре Зуи, где размещалась комендатура. Весь Зуйский гарнизон был поднят по тревоге. По улицам забегали солдаты, полицейские со сторожевыми собаками.

Но они опоздали. Разведчики были уже далеко, а мастерская с десятками отремонтированных боевых машин взлетела на воздух, и только языки пламени напоминали о ее существовании.

Разведчики понимали: нужно ждать ответных мер со стороны фашистов. Остаться в поселке и подвергать излишней опасности семью Кляцких они не хотели и потому вернулись в землянку на «сиреневом острове». По ближайшим поселкам и городкам прокатилась волна облав и карательных экспедиций. Были произведены обыски и в поселке Тереклы-Шейх-Эли. Из раскрытых настежь окон гитлеровцы выбрасывали на улицу матрасы, белье, подушки, чемоданы. Все более или менее пригодное грузили на

машины и увозили. Такому же разорению подвергся и домик Симы Кляцкой.

* * *

Илюхин, положив руки на стол и нахмутив брови, о чем-то глубоко задумался. Анненко, только что вернувшийся с задания и промокший до нитки, отогревался у самодельной печурки. Саша Поплавская сушила перед открытой дверцей печи белье разведчиков. Остальные крепко спали перед предстоящим выходом на задание.

- Слушай, Ваня, - нарушил тишину командир, - а ведь наши дела неважные. Хлеб и сало завтра доедим. Где достать продукты? С командованием связаться не можем. Сегодня Саша доложила, что радиостанция не работает: нет питания. Куда принять самолет? Где ожидать грузы? Большая земля ничем не сможет нам помочь, пока мы не наладим радиостанцию и не установим с нею связь.

- Соли тоже нет. Да и обувь у ребят совсем износилась, - добавила Саша.

- Нашу землянку гитлеровцы могут обнаружить, нужно уйти из степи в надежное место, - продолжал командир.

Внимательно выслушав командира, Анненко предложил ему смелый и, с его точки зрения, единственно осуществимый план.

- Я вот что думаю, - начал он, - перейти из степи к кому-нибудь из патриотов в село и тем более достать у местного населения продовольствие сейчас просто невозможно и опасно и для нас, и для них. Всюду облавы, население запугано. Нам нужно опереться на кого-либо из представителей местной «власти», с симпатией относящегося к Советской Армии. Надо найти и убедить такого человека, а если нужно, то и силой заставить его помочь нам.

- Пожалуй, ты прав! - воскликнул командир, вспомнив недавний разговор с Симой. - Есть такой человек.

В ту же ночь командир встретился с Кляцкой:

- Я опять к тебе за помощью. Ты как-то говорила, что в вашем селе есть полицейский, кажется Никитюк, который может помочь нам.

- Как же, обязательно поможет. Вчера он опять спрашивал меня, скоро ли придут наши и что он сможет сделать, чтобы помочь

Советской Армии, - ответила Сима.

- Так вот, прошу тебя передать Никитюку, что представитель Советской Армии желает с ним завтра вечером встретиться для переговоров, но предупреди, что, если он об этом кому-нибудь скажет, его постигнет суровая кара.

- Хорошо. Я сама приведу его.

Местом встречи с Никитюком Илюхин выбрал лозняк вблизи русла речки Бурульчи.

Привлекать Никитюка к разведывательной работе, конечно, рискованно, можно попасть в ловушку. Подвергалась опасности и семья Симы. Но иного выхода у разведчиков не было.

На следующий день, с наступлением сумерек, Федор Илюхин, Иван Анненко и Петр Бондаренко прибыли за несколько минут к назначенному месту. Внимательно осмотревшись кругом и не обнаружив ничего подозрительного, командир приказал товарищам спрятаться в кустах, а сам, поправив кобуру, сел на небольшой пенек. Вскоре вдали он увидел Симу с незнакомым человеком. Федор поднялся и быстро пошел навстречу, поздоровался сначала с Симой, потом с полицейским.

Никитюк дрогнувшим голосом ответил на приветствие.

- Садитесь, Никитюк, - указал Федор на большой камень, а сам сел напротив.

Сима отошла в сторону, но слышала весь разговор. Никитюк был очень взволнован и в первую минуту даже заикался.

- Успокойтесь, Никитюк, держите себя просто, мы не каратели и не жандармы. Я представитель Советской Армии, которая борется за освобождение Родины. Я хочу спросить вас: можете ли вы честно и от всего сердца помочь нашей армии, помочь мне и моим товарищам в этой справедливой борьбе и облегчить нашу жизнь в тылу врага?

- Конечно, могу, - поспешил ответить Никитюк, - я давно об этом говорил Симе. Ведь правда, Сима? - оглядываясь на женщину, спросил он.

- Правда, - ответила, подходя, Сима.

- Только запомните, Никитюк, еще раз повторяю вам: помогать надо искренне.

- Знаю, - тихо ответил Никитюк. - Я все сделаю, поверьте мне.

Перед Никитюком были поставлены задачи: добыть питание для радиостанции, доставать продукты для разведчиков, сообщать через Симу сведения о противнике, предупреждать о намечающихся облавах и карательных экспедициях против партизан и разведчиков, рассказывать обо всех распространяющихся в поселке слухах и разговорах о Советской Армии и советских разведчиках и, самое главное, подыскать безопасное место в поселке для базирования группы.

Выслушав Илюхина, Никитюк взволнованно произнес: «Спасибо за доверие, постараюсь выполнить ваше задание».

На другой же день Никитюк через Симу передал разведчикам крупу, сало, соль, хлеб и попросил встречи с командиром.

В беседе с Илюхиным Никитюк сообщил, что с завтрашнего дня в степях Зуевского района каратели начнут облаву, многие полицейские находятся сейчас на казарменном положении, их обязали внимательно следить за всеми передвижениями в степи.

Никитюк служил полицаем в населенном пункте Тереклечи. Как он сам рассказывал, его заставили там служить силой, даже избивали, прежде чем он согласился. Его младший брат Миша бежал из Судака, где работал на оборонительных сооружениях, и сейчас скрывается на чердаке в доме стариков-родителей. Сам Никитюк женат и живет отдельно в соседнем доме. Симе он жаловался, что работа в немецкой полиции ему противна, он хочет убежать к партизанам. Сима ему этого пока не советовала делать, сказав, что в настоящее время его служба в полиции может очень помочь разведчикам.

Никитюк предложил разведчикам разместиться в его доме, а если не хватит места, укрыться в доме его отца.

Под утро разведчики, оставив «сиреневый островок», по одному перешли к Никитюку и его родителям. Мешки с грузом и взрывчатку спрятали в яму, вырытую во дворе. Вся семья Никитюков доброжелательно встретила разведчиков. Они разместились на чердаках. Там же, вместе с разведчиками, прятался и брат Дмитрия Никитюка - Миша.

Наметив порядок действий на случай опасности, разведчики поочередно вели наблюдение через чердачное окно. На рассвете дежурный разведчик Щукин поднял всех по тревоге, сообщив, что по степи, в направлении поселка, цепью идет большая группа карателей.

Навстречу карателям вышел Никитюк. Он доложил начальству, что в поселке никого чужих нет. Тем не менее каратели начали проверку.

Обойдя все село, заглянув в каждый уголок и ничего не обнаружив, фашистский командир и его подчиненные зашли в дом Никитюка-старшего, где их гостеприимно встретили и накормили обедом с водкой. Захмелевшее начальство в знак уважения не стало проверять дом хозяев. Да и кто мог подумать, что на чердаке у полицейского скрываются советские разведчики?

...Сима заметила, что за ней и мужем следят. Вчера утром, когда они вышли за калитку, Алексей - чтобы идти на работу, Сима - чтобы проводить мужа, мимо проходил знакомый местный житель, подозреваемый в связях с полицией. Поравнявшись с супругами, он как будто смутился, спрятал лицо в поднятый воротник и ускорил шаг.

«Чего ему здесь надо? Прошел и не поздоровался», - подумали оба. Кляцкие решили быть осторожными и несколько дней не встречаться с разведчиками.

Они слышали также, что ими интересуется и староста села Бочалы.

Обычно Алексей приходил с работы в 8 часов вечера. Но вот уже на часах одиннадцать, а мужа все нет. Сима, прислушиваясь, сидела у окна и при малейшем шорохе, доносившемся с улицы, вздрагивала и доставала из печи горшок с ужином. Несколько раз она набрасывала на плечи шаль и выбегала в сени, чтобы встретить Алексея. Он никогда не возвращался так поздно. Может быть, с ним случилась беда? Пойти искать его? Но куда? Да и выйти нельзя. С десяти часов вечера ходят эсэсовцы с собаками, задерживают каждого гражданского, оказавшегося на улице.

Сима остановила маятник часов, нарушавший тишину в доме, задула свечу и, сдвинув в сторону занавеску, прильнула к стеклу. Из-за прозрачного облака выглянула огромная луна и осветила улицу, двор, комнату.

До слуха женщины донесся хруст снега, и во двор вбежал Алексей.

- Хорошо, что наша хата крайняя, долго лежал в низине, ждал, пока фашисты уйдут на другой конец села. Надо немедленно уходить в лес к партизанам. У нас сегодня на работе была поголовная проверка.

Чудом мне удалось бежать. Завтра фашисты будут прочесывать поселок, нас могут арестовать.

Сима быстро собрала нужные вещи, взяла продукты питания, и они незаметно покинули дом.

К утру Сима и Алексей были в партизанском отряде.

РАЗВЕДГРУППА ПРОДОЛЖАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Оставаться в поселке, пусть даже у самого «представителя власти», было слишком опасно для разведчиков, и группа перебазировалась в пещеры каменоломен, туда, где в мирное время добывался камень для стройки. Вместе с ними ушел и Дмитрий Никитюк с братом Михаилом. А чтобы его исчезновение не вызвало подозрений у немцев, жена Никитюка стала высказывать опасение, что с ее мужем расправились партизаны, и обратилась в полицию с просьбой разыскать его.

Разведгруппа крайне нуждалась в установлении связи с командованием: вновь кончилось питание для рации и она бездействовала.

Анатолий Добровольский вместе с Алексеем Щукиным и Александром Вуколовым, рискуя жизнью, пробрались в Зуйский лес к партизанам и вернулись оттуда с батареями для рации. Связь с командованием была восстановлена. Но недолго радовались разведчики: через три дня связь с Большой землей снова прервалась - вышел из строя передатчик, и Саша Поплавская, как ни билась, не смогла отремонтировать рацию. Кончались боеприпасы, взрывчатка, было на исходе и продовольствие.

Наступила холодная осень. К прежним трудностям и опасностям в работе разведчиков теперь добавились дожди, слякоть, гололедица, туманы, снегопады. Условия жизни в каменоломнях стали невыносимыми: кругом холодные, мокрые камни. Следы на снегу могли выдать разведчиков. Решили временно уйти в лес к партизанам.

Иван Анненко, Анатолий Добровольский, Дмитрий Никитюк остались на несколько дней в каменоломнях, чтобы раздобыть в ближайших селах продовольствие и затем доставить его к разведчикам в лес.

Разведчики при помощи патриота шофера Владимира Рыбовалова угнали из МТС грузовую машину и поздним вечером 29 ноября

подъехали к вражескому продовольственному складу. После недолгого разговора Никитюка, одетого в форму полицейского, со сторожем ворота склада раскрылись и разведчики погрузили на машину шесть мешков муки и пшена, 20 килограммов сала, мешок соли и 20 литров бензина.

На выезде из деревни Новая Бурульча разведчики заметили гитлеровцев, шедших по дороге им навстречу. Что делать? Повернуть обратно? Но это значит провалить все дело. И они решили проехать мимо немцев с песнями, со свистом. Увидев веселую компанию, немцы и не пытались ее останавливать. По-видимому, они приняли их за добровольцев немецкой армии или за возвращавшуюся с гулянья молодежь.

...Илюхин с другими разведчиками шли всю ночь, а на рассвете у опушки леса, засыпанной снегом, их остановил партизанский патруль.

- Стой! Кто идет? - спросил спрыгнувший с дерева часовой.

- Свои. Проводите нас к командиру.

С соседних деревьев спрыгнули еще двое.

Илюхин в сопровождении охраны спустился в землянку, в которой размещался штаб партизанского соединения.

За столом склонился над небольшой картой пожилой мужчина в темном пиджаке, наброшенном на плечи. Это был командир партизанского соединения Ямпольский. Рядом с ним сидели комиссар соединения Луговой и другие работники штаба.

Разведчик представился командиру. Ямпольский вышел из-за стола и, приветливо улыбаясь, крепко пожал ему руку.

Между разведчиками и командованием сразу установился деловой контакт. Ямпольский внимательно выслушал разведчиков, узнал об их трудностях, о преследовании карателями, о патриотах, которые им помогали, а также их просьбы.

Затем Ямпольский заявил, что все собранные разведчиками сведения о противнике он немедленно передаст по радию на Большую землю.

- Сообщу также о вашем тяжелом положении и передам просьбу о присылке вам боеприпасов, взрывчатки, продовольствия и новой радиации.

Так началась для разведчиков партизанская жизнь.

На другой день прибыли в лес и Добровольский с товарищами на грузовой машине, наполненной продуктами.

В районе расположения 24-го партизанского отряда, командиром которого был Мозговой, разведчики выстроили себе шалаши и быстро освоились с жизнью партизан. Последние относились к ним с уважением и доверием.

Через несколько дней Ямпольский вызвал к себе всю группу разведчиков.

- В ближайшие дни мы готовим налет на фашистский гарнизон в Зуе, - начал он. - Его численность - около 600 человек, подступы к населенному пункту сильно укреплены и заминированы. Я прошу вас принять участие в этом бою. Народ вы смелый, опытный, и ваша помощь очень нужна. Все подробности узнаете от Мозгового, в составе отряда которого будете действовать, - закончил Ямпольский.

Мозговой тщательно проинструктировал разведчиков, выделенных для участия в операции. Старшим их группы был назначен Иван Анненко.

В ночь на 8 декабря партизанский отряд и разведчики, разбившись на группы, вышли из леса в направлении поселка Зуя. Опасаясь нападения партизан, гитлеровцы особенно тщательно охраняли Зую со стороны леса. Здесь стояли усиленные немецкие посты и подступы освещались ракетами.

Скрытно приблизившись, по команде Мозгового партизаны ворвались на окраину поселка, ведя огонь из автоматов и винтовок. Враг ввел в бой крупнокалиберные пулеметы и артиллерию. Загорелись скирды соломы, ближайшие дома, сараи. Яркое пламя осветило партизан и разведчиков. Бойцы Мозгового залегли в укрытии и оттуда продолжали вести огонь. Противник не давал поднять головы, так как превосходил партизан по численности и вооружению; отряду пришлось отойти на исходные позиции у леса. Гитлеровцы решили, что партизаны ушли в лес, и прекратили огонь.

После небольшой передышки командир отряда приказал разведгруппе Анненко с десятью партизанами скрытно подойти к немецкой заставе и уничтожить ее. Среди партизан был боец Романенко, довольно хорошо владеющий немецким.

За группой Анненко двигались основные силы Мозгового. Бойцы Анненко приближались бесшумно. Но когда до фашистской заставы

оставалось 30-40 метров, они слышали окрик немецких часовых: «Кто идет? Пароль!»

Романенко начал по-немецки ругать часовых и объяснять им, что он возвращается с боевой операции по уничтожению партизан в лесу. Однако гитлеровцы не поверили ему и продолжали кричать: «Пароль! Кто идет?» Тогда Романенко поднял руки и пошел к ним, а вся группа по команде Анненко следовала за ним по-пластунски.

- Стой! Кто идет? Пароль! - кричали солдаты из-за бруствера. А партизаны приближались к заставе.

- Какой пароль? - с возмущением отвечал им Романенко. - Мы несколько дней воевали с партизанами в лесу! Может, тебе надо предъявить документы?

Кто-то из фашистов выстрелил в Романенко, но промахнулся. Поднявшись во весь рост, Анненко скомандовал: «За мной!» - и побежал вперед, увлекая за собой партизан.

Фашисты дрогнули. Гитлеровская застава была разгромлена.

Бойцы 24-го отряда пробивались к окраине Зуи с юга и востока, другие отряды соединения Ямпольского ударили с тыла. Партизаны и разведчики, перебегая от строения к строению, теснили фашистов к центру поселка.

Но здесь их встретил сильный огонь автоматов, а из ближайшего дома застрочил пулемет. Романенко с двумя бойцами проникли в дом и убили пулеметчика, а ручные гранаты заставили замолчать и вражеский миномет. Гитлеровцы не ожидали такого сильного и внезапного удара партизан и бежали, оставив в поселке 17 автомашин, около двухсот убитых солдат, полицейских и жандармов. Полностью была уничтожена комендатура, а из подвалов гестапо освобождены советские граждане, которым угрожала смерть.

В бою за Зую многие партизаны и разведчики показали высокие образцы мужества. Так, партизан Петр Владимирович Помошник, в прошлом черноморский моряк, вместе с группой отважных бойцов забросал гранатами гитлеровский штаб, перебил охрану и захватил ценные документы.

После операции в Зуе разведчики проводили на партизанский аэродром Петра Бондаренко. Партизаны обещали отправить его самолетом на Большую землю вместе с группой раненых бойцов. Разведчикам нужна была новая рация, без которой они не могли

вернуться в степь для продолжения своей работы по добыванию сведений о противнике. Доставить радиостанцию и поручили разведчику Бондаренко.

* * *

Находясь в партизанском отряде, Сима и Алексей Кляцкие вместе с другими разведчиками продолжали периодически выполнять отдельные задания и поручения командования отряда.

Фашисты уже длительное время осаждали партизан в лесу. Патриоты мужественно отражали атаки врага, рвущегося к единственному партизанскому аэродрому в Баксанах. Аэродром несколько раз переходил из рук в руки. Тогда гитлеровцы блокировали лес. Но партизаны прорывались через их заслоны и продолжали свои действия.

В одной из таких вылазок приняли участие Сима и Алексей. Они покинули лагерь, добрались до села Бочалы и вместе с тремя товарищами-партизанами остановились на отдых в пустой школе. Партизаны надеялись утром достать в деревне продукты.

Староста поселка выследил их и донес в гестапо.

Ночью раздался стук в дверь.

- Откройте, - потребовал староста.

- А что вам надо? - спросила Сима.

- Открывай быстрее! - послышалось в ответ.

Сима посмотрела в окошко и увидела около школы прибывших карателей. Она спешно подняла остальных своих товарищей, которые немедленно открыли стрельбу по фашистам.

Бой был долгим и неравным. Фашисты вели стрельбу по окнам школы, партизаны отстреливались.

Вскоре были убиты два партизана, тяжело ранен третий... Фашистская пуля пробила грудь Алексею. Невредимой осталась только Сима. Она посылала в гитлеровцев пулю за пулей, не подпуская их близко к дому.

Тогда каратели притащили из сарая солому, разложили ее вокруг школы и подожгли. Языки пламени охватили здание.

У Симы и тяжело раненного Алексея кончились патроны, осталась одна граната. От дыма стало нечем дышать.

Стрельба, крики эсэсовцев разбудили сельчан. Фашисты согнали всех жителей к горящей школе. Люди подходили и стояли молча.

Собрав все силы, Сима помогла Алексею встать на ноги. Они обняли друг друга и так вышли на крыльцо. На них тлела одежда.

Раздался крикливый возглас старшего карателя: «Не стрелять! Взять их живыми!»

Фашисты бросились к крыльцу, но в это время раздался взрыв: не желая сдаться врагу, Сима взорвала себя и мужа последней гранатой. Вместе с ними осколки поразили и тех, кто пытался пленить героев-разведчиков.

* * *

Тихим вечером разведчики вышли на очередное задание. Саша Поплавская провожала их. Там, где кончался мелкий кустарник, увитый диким виноградом, Анатолий Добровольский и Саша остановились, Толя смял в руке горящую папиросу. Помолчав немного, почти шепотом сказал:

- Ребята давно замечают, что мы дружим с тобой, и они недовольны. Не думай, что здесь ревность или мужская зависть, нет. Они считают, что сейчас просто не время. А я, Саша, даже в самые трудные минуты не забываю тебя.

Девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами, и сердце ее радостно билось. Она давно ждала, когда Толя, наконец, скажет о своей любви. И наконец это произошло легко и просто. Она разглядывала сейчас Толю, его волосы, растрепанные ветром, упавшие на лоб, его милое лицо, освещенное луной. Осторожно, как бы поправляя прическу, Саша нежно погладила Толину голову.

- Ну что же ты молчишь? - спросил Толя. - Скажи хоть что-нибудь на прощание.

- Что тут говорить, сам видишь, как все нехорошо получается.

- Не горюй, Сашенька, все уладится.

- Желаю тебе полной удачи, - проговорила Саша дрогнувшим голосом. - Я буду ждать вас всех, а тебя в особенности. Знай, что я

рядом с тобой и всю жизнь буду рядом.

Он взял ее за плечи, крепко прижал к груди.

- Пора, Толя, иди, а то потеряешь ребят.

Вернувшись в шалаш, Саша принялась стирать белье разведчиков. За работой она мечтала, вспоминала все, что произошло за день. Теперь она знала, что Толя ее любит, ведь он прямо сказал ей об этом. Она перебирала в памяти его привычки, представляла себе его лицо, походку.

Толя всегда спал на спине, подложив под голову руки, хотя Саша и сделала ему небольшую подушку из мягкого сена.

Проснувшись утром, он обязательно брился, хотя иногда этого и не нужно было делать. Он ходил бесшумно, мягко. Лицо его чаще всего было озабоченным, но при виде Саши он радостно улыбался. Без него Саша чувствовала себя одинокой. С появлением Толи все менялось: ее жизнь наполнялась счастьем, ей ничего не было страшно.

Прошло несколько часов. В шалаше ровно горел огонек. Саша давно выстирала белье и теперь чинила чью-то куртку.

Открылась дверь шалаша, и вошел Илюхин. Он был угрюм и, не раздеваясь, лег на нары лицом к стене.

- Случилось что-то? - тихо спросила девушка.

- Нет, все хорошо, Сашенька. Я просто устал, - не поворачиваясь, ответил Илюхин. - Ребята вернулись с задания, я встретил их по дороге. Они здесь у шалаша, остались покурить.

Саша взяла таз с мокрым бельем и вышла на воздух. Было тихо-тихо. Девушка натянула между деревьями веревку, развесила белье и хотела возвращаться в шалаш, когда до ее слуха донесся чей-то разговор. Она отчетливо услышала свое имя. Разведчики говорили о ней. Незаметно Саша подошла к ним, прислушалась. Они сидели один возле другого на сваленном бурей дереве, и только Анатолий стоял, прислонившись спиной к сосне.

- Ну что тут плохого, что я полюбил Сашу? - спокойно спрашивал Анатолий. - Ну что? Почему вы решили, что наша любовь помешает работе?

- Разведчик на таком боевом задании не должен влюбляться, - резко сказал Алексей Щукин.

- А по-моему, разведчик и на ответственном задании может любить, - перебил его Ваня Анненко. - Может! Но только он не должен

этого никому показывать и говорить об этом, даже любимой девушке. Никто о его любви не должен знать.

- В общем, все ясно, не маленькие. Фашисты под носом. Каждую минуту нас подстерегает опасность, - продолжал с прежней твердостью Алексей, - тебе Родина оказала доверие, дала в руки оружие. Любить сейчас - это значит изменить товарищам, изменить делу! Какие теперь будут из вас разведчики, сам подумай. Я считаю, Саша не может больше находиться с нами, мы должны ее отправить к партизанам.

- Правильно, - поддержали Щукина несколько человек.

Саша поняла, что ей сейчас, сию минуту нужно что-то сделать, что-то сказать. Она вышла из своего укрытия. Разведчики замолчали от неожиданности, кто-то поднялся.

- Я все слышала. Да, я люблю Толю. Я давно его люблю, но никогда и никому не говорила об этом. Я понимаю, что сейчас наша любовь действительно некстати и может, как вы говорите, помешать делу, ради которого мы находимся здесь.

Саша остановилась, думая, что же сказать дальше, и долго не могла найти нужные слова.

- Я обещаю вам, - собравшись с мыслями, волнуясь, продолжала она. - Я отказываюсь от Толи, от его любви, пока не кончится война. Толя сделает то же, мы даем вам слово. Но к партизанам я не пойду, останусь с вами,

И она заплакала. Все молчали. Саша повернулась и медленно пошла к шалашу. Ей было мучительно больно за себя, за Толю, за их любовь...

«Ребята поступили правильно, - думала девушка. - Не они, а проклятые враги, навязавшие нам войну, отнимают от сердца мою любовь, мое счастье!»

Илюхин сидел на нарах и считал ручные гранаты и патроны. Саша поставила на стол большую, отбитую по краям, эмалированную миску с пшенной кашей, разрежала хлеб на девять равных кусочков и разложила ложки. Один за другим в шалаш вошли разведчики. Последним, нахмурившись, вошел Толя. За стол сели молча и молча принялись за еду. После ужина сразу легли спать, будто ничего не произошло. Все быстро уснули. Уснул и Толя.

Убирая со стола, Саша слышала его ровное дыхание. «Спи! Спи спокойно, родной ты мой! Лишь бы ты был рядом. Лишь бы я видела тебя».

Саша укрылась телогрейкой, свернувшись клубочком, но не могла уснуть, думала о Толе, о товарищах. «Я должна обращаться со всеми одинаково ласково, - решила она, - тогда никаких ссор не будет».

...С каждым днем обстановка в лесу усложнялась. Гитлеровцы активизировали свои действия. Почти ежедневно между ними и партизанами происходили стычки. Продукты у разведчиков кончились, добыть их было почти невозможно, и Саша варила теперь какие-то травы вместе с горстью овсянки.

Под вечер к разведчикам пришел командир партизанского отряда Мозговой и сообщил им радостную весть:

- Бондаренко благополучно прибыл в штаб армии и скоро вернется обратно, об этом только что получена радиограмма.

Разведчики обрадовались: значит, скоро вновь можно приступить к самостоятельным действиям.

Для изучения обстановки в район прежнего базирования у Бурульчи близ Тереклы-Шейх-Эли по приказу Илюхина направились Добровольский, Щукин, Вуколов и братья Никитюки. Им была также поставлена задача выяснить, кто остался в поселке из местных патриотов, помогавших разведчикам, и проверить, уцелели ли продукты, спрятанные на участке Никитюка.

Всю ночь группа Добровольского шла по глубокому снегу, обходя населенные пункты, и к рассвету подошла к поселку Тереклечи. Мороз крепчал. Окоченевшие и утомленные, разведчики решили остановиться на отдых в доме Дмитрия Никитюка.

Открыли забитый дом, затопили печку. В погребе Дмитрий нашел картошку, капусту и сало, зарытые в землю.

После ужина легли спать. Добровольский лег на печи и вскоре, согревшись от ровного тепла кирпичей, крепко уснул. Уснул и Вуколов, накрывшись с головой хозяйским полушубком, уснули и братья Никитюки. Не спал лишь Алексей Щукин - он охранял разведчиков.

А в это время предатель, заметивший, как они проходили поселком, сообщил в жандармерию. На рассвете в поселок прибыли каратели и первым обыскали дом Потапкиных и соседний дом. Как только они ушли в другие дома, Лина Потапкина, рискуя жизнью, незаметно пробежала свой двор и тихонько постучала в окошко к Никитюкам, предупредив об опасности.

Разведчики выбежали из комнаты, через сени поднялись на чердак, залегли за бровку печной трубы и приготовились к бою.

Вскоре раздался стук в дверь. Разведчики молчали. Каратели взломали дверь и ворвались в дом, где перевернули все вверх дном: подняли каждую половицу, простучали стены и потолок, проверили дымоход, рассыпали в сенях сложенные початки кукурузы, но ничего не нашли.

Здоровенный эсэсовец медленно и осторожно поднялся по лестнице на чердак и заорал во все горло:

- Кто здесь? Вылезай! - Ответа не последовало.

Он огляделся по сторонам: справа чердак завален соломой, прямо - печная труба, слева - сложенный в кучу табак и хворост. Между ними гитлеровец увидел небольшое отверстие, через которое разведчики могли уйти к Ченгравской балке.

Судя по всему, и другие фашисты поверили, что разведчики уже ушли из дома. Это чувствовалось и по характеру обыска. Он проводился только несколькими гитлеровцами, а остальные сидели на улице в машинах.

По-видимому, каратель так и решил, но на всякий случай дал из автомата в солому и хворост две длинные очереди. Если бы Анатолий Добровольский знал это, он, конечно, не ответил бы на стрельбу. Но он и его друзья решили, что гитлеровец их заметил. Анатолий выпустил из автомата очередь по карателю. Сраженный пулей, тот покатился вниз по лестнице.

Находившиеся на улице солдаты соскочили с машин и бросились в дом. Разведчики встретили их огнем автоматов, винтовок и гранатами. Фашисты поливали огнем из автоматов окна и двери дома.

Поняв, что разведчики не собираются сдаваться, они подожгли дом. Пришлось по крыше перебраться в сарай и оттуда продолжать отстреливаться. Уйти в поле не было никакой возможности: гитлеровцы обстреливали весь двор и все дороги от дома.

Загорелся сарай, стало трудно дышать. И тогда Добровольский решил пробиваться. Он приказал Щукину вести огонь по фашистам, а остальным быстро следовать за ним. Они выбежали из охваченного пламенем сарая, забросали гитлеровцев гранатами. Те на мгновение растерялись, кое-кто даже бросился бежать. Однако, увидев, что разведчиков только пятеро, они остановились и открыли по смельчакам стрельбу. Алексей Щукин и Дмитрий Никитюк были убиты. Добровольский, Вуколов и Миша Никитюк скрылись за углом горящего сарая. Высокий забор преградил им дорогу. Секунда - и они по ту сторону забора. Неожиданно на Добровольского навалился притаившийся здесь гитлеровец. Толя перебросил его через себя и кинулся в соседний огород. Гитлеровец вслед ему послал несколько очередей из автомата, но разведчик успел залечь и бросить в гитлеровца гранату.

Отстреливаясь, перебегая от строения к строению, от дерева к дереву, через огороды и сады, все трое выбежали на окраину поселка.

И здесь Анатолий Добровольский, бежавший последним, был сражен вражескими пулями.

Тяжело раненный в грудь и ногу, Толя упал и несколько секунд лежал неподвижно. Затем поднялся и, преодолевая боль, попытался идти.

С большим трудом прошел с сотню шагов, присел, попытался остановить кровь - безуспешно. Преодолевая боль в груди, тяжело дыша, он поднялся на ноги и попытался идти дальше, но тут же упал лицом в снег.

Долго боролся со смертью разведчик Анатолий Добровольский, но потеря крови была слишком значительной, и ранение в грудь оказалось смертельным.

Вуколов и Миша Никитюк перебежали от дома к дому. Наступившие сумерки и сильный снегопад помогли разведчикам уйти от карателей. Они спрятались в пустом полуразрушенном сарае на окраине поселка Тереклечи. Ночью, когда каратели уехали из поселка и наступила тишина, Вуколов и Михаил Никитюк, оба окоченевшие от холода, постучали в крайний дом поселка. Напуганные карателями, жители не открывали им дверей. Тогда они отправились в соседнее село Ени-Крымчак. Там их укрыла семья патриота Михаила Яковлевича Костромина. Мать Костромина натопила жарко печь, отогрела и накормила их, дала белье и одежду. Отдохнув, разведчики направились на поиски своей группы.

Опасаясь карателей, большинство жителей поселка Тереклечи ночью покинули свои дома. Мужчины, способные держать в руках оружие, ушли в лес к партизанам. Женщины и дети нашли приют у родных и друзей в ближайших деревнях.

* * *

Ваня Анненко, охранявший отдыхавших разведчиков, заметил движущуюся в сторону леса цепочку немцев. Он стремглав вбежал в шалаш и скомандовал: «В ружье!» Разведчики знали, что с северной стороны лес кончался крутым обрывом и что только через этот обрыв можно выйти из осажденного леса.

Шли наугад. Дорога была очень тяжелой. Резкий холодный ветер и глубокий снег замедляли движение. К полудню с трудом прошли всего четыре-пять километров. Измученные, продрогшие и голодные, остановились на отдых в кустарнике, засыпанном снегом. Сделав настил из веток и укрывшись плащ-палатками, сбились в кучу, тесно прижавшись друг к другу. Немного согревшись, достали из вещевых мешков хлеб, сало и поели, вместо воды глотали снег, а с наступлением темноты спустились с обрыва и по степи двинулись дальше. Всех волновала мысль о группе Добровольского, выполнявшей задание по подысканию нового места базирования.

Наконец дошли до старой землянки в пяти километрах от поселка Тереклы-Шейх-Эли. Пришлось многое переоборудовать. Доски и бревна принесли от недогоревших домов сожженного поселка. Попасть в землянку можно было, только пройдя несколько метров в ледяной воде Бурульчи до обрыва и, согнувшись, пролезть через узкое отверстие. Маскировка была тщательной. Никто не мог заподозрить, что здесь кто-то укрывается. Разведчики рассчитывали также на то, что вблизи дороги гитлеровцы не станут их разыскивать.

Закончив устройство землянки, командир разведгруппы, которого очень беспокоила судьба Добровольского и его товарищей, ушедших на задание более десяти дней назад, отправил на разведку в ближайшие поселки Анненко и Мотузко.

В эту ночь в землянке никто не спал: ждали возвращения разведчиков. В самодельной печи потрескивали дрова. Саша Поплавская готовила ужин. Прошло часа три, и в землянку, тяжело дыша, быстро влез Иван Анненко.

- Анатолий, Алексей и Дмитрий Никитюк убиты в бою с гитлеровцами.

Весть о гибели товарищей потрясла всех, некоторое время разведчики не могли произнести ни слова. Саша упала на лавку и горько разрыдалась.

Илюхин подошел к девушке, погладил ее по голове:

- Не плачь, Саша, не плачь. Мы все тоже очень любили Анатолия. И мы отомстим за него!

- А Вуколову и Михаилу Никитюку, видимо, удалось бежать, и, наверно, они разыскивают нас, - добавил Анненко.

Разведчики при помощи местного патриота Петра Павловича Потапкина на следующую ночь похоронили погибших товарищей вблизи поселка Шихеля.

А Саша Вуколов и Михаил Никитюк несколько дней скитались по степи, ночевали в заброшенных землянках. Голод и холод привели их в село, где через того же Потапкина им удалось узнать место расположения разведгруппы.

Вернулся с Большой земли Бондаренко. Он привез радиостанцию, новое обмундирование, продовольствие и боеприпасы. Разведчики повеселели. Их радиостанция снова начала действовать. Они сообщили в штаб Приморской армии о гибели своих товарищей, о месте новой дислокации, о карательных экспедициях фашистов, следовавших одна за другой, передали собранные сведения о противнике и доложили свой план установления новых связей в районе Сарабуза. В ответной радиограмме командование приказывало активизировать разведку противника, в особенности в районе железных и шоссейных дорог Симферополь - Зуя и Симферополь - Феодосия.

Для выполнения этого задания нужны были люди. А их в группе стало меньше: погибли Анатолий Добровольский, Алексей Щукин, Сима и Алексей Кляцкие, Дмитрий Никитюк. Многие местные жители, напуганные жестокими репрессиями, покинули свои дома, и связь с ними была утеряна.

Илюхин вместе с разведчиками перебрали в памяти всех знакомых патриотов, о которых им рассказывала Сима, и вспомнили о баянисте Иване Федоровиче Дерюгие. Они знали, что до войны Иван Федорович служил в Советской Армии, а после демобилизации работал баянистом во многих городах Крыма. В 1941 году попал в плен и был направлен в лагерь в Симферополе, откуда бежал в деревню Красная. Там, как неблагонадежный, был арестован гитлеровской полицией, но затем освобожден. Опасаясь нового ареста, Дерюгин перебрался в Сарабуз и начал работать баянистом в местном театре.

Он восстановил связь со своими друзьями - весовщиком на железнодорожной станции Сарабуз Михаилом Бричевским, отец которого был расстрелян гитлеровцами, и бывшим механиком Зульской МТС Николаем Михайловичем Кравцовым.

В сарабузском театре часто давались концерты и спектакли для гитлеровских офицеров и жандармерии. Иван Федорович вошел к некоторым из них в доверие и даже завязал с ними знакомство. Играл для них не только в театре, но и на квартирах в дни именин и праздников. Благодаря этому ему удавалось добывать различные сведения о противнике, получать от них некоторые документы и пропуска для проезда по железной и шоссейной дорогам.

Для связи с Дерюгиным и руководства его работой был выделен Иван Анненко. Через него Дерюгин передавал сведения о группировке и дислокации немецких войск, о вооружении и планах гитлеровцев. Так, например, в начале 1944 года Иван Федорович сообщил разведчикам, что на северо-восточной окраине Симферополя, в Красной горке, фашисты построили оборонительный рубеж, тянущийся с северо-запада на юго-восток. В течение февраля он доставил ряд сведений о количестве и типах вражеских самолетов, базирующихся на Сарабузском аэродроме, о дислокации войск противника в Зуе и Симферополе, о передвижении войск по железным и шоссейным дорогам.

Михаил Бричевский, работая на станции Сарабуз, следил за прибытием и отправлением поездов, сообщал Анненко через Дерюгина о количестве и характере проходящих эшелонов, о передвижении войск и боевой техники противника. Участвовал он и в диверсиях на железных дорогах. В результате только одной из них, проведенной Бричевским у станции Китай, было уничтожено до полусотни вагонов и несколько сот гитлеровцев.

Сведения, добытые разведчиками, помогали советскому командованию наносить по противнику ощутимые удары авиацией. Один из таких ударов был нанесен по Сарабузскому аэродрому 14 апреля 1944 года. В результате этого налета ни один из вражеских самолетов не поднялся в воздух - все они были уничтожены еще на аэродроме.

* * *

В марте 1944 года Советская Армия развернула наступление на широком фронте с целью освобождения Крыма. С Перекопа

доносились артиллерийская канонада.

Весна вступила в свои права. Степь покрылась ярко-зеленой шелковистой травой. Ожила и Бурульча, в любую минуту она могла затопить землянку разведчиков.

Как-то Анненко и Мотузко, возвращаясь с задания, шли вдоль берега реки. Из-за шума воды они не сразу услышали шаги крадущегося за ними человека.

- Стой! Кто идет? - окликнули они незнакомца.

- Я свой, партизан, иду в деревню.

Разведчики задержали «партизана» совсем рядом с землянкой. Осветив незнакомца фонариком, они узнали доносчика гестапо. Мотузко спустился в землянку и доложил командиру, что они задержали предателя.

В начале апреля 1944 года Анненко встретился с Дерюгиным, от которого узнал, что советские войска уже близко от Джанкоя. Из окна квартиры Дерюгина он видел, как много поездов идет в сторону Симферополя. Гитлеровцы спешно отступали и увозили награбленное. В ночь на 11 апреля они начали жечь дома, взрывать предприятия и общественные учреждения. Было видно, как на станции Китай горели вагоны...

Ивану Анненко стало известно, что 12 апреля 51-я дивизия 4-го Украинского фронта уже вступила в Джанкой. Попрощавшись с Дерюгиным, Анненко вернулся на базу и обо всем доложил командиру. Саша Поплавская, настроив радиостанцию, вышла в эфир. Передала сообщение, что наши войска заняли Бююк-Онлар и Сейтлер. Советские танки двигались на Зую и Карасубазар.

13 апреля части Советской Армии освободили Симферополь и Старый Крым.

Народ ликовал. Дни тяжелой неволи кончились.

Разведчики покинули свою землянку и тут же на берегу реки Бурульчи постарались привести себя в надлежащий вид.

Радостные и гордые за нашу Родину, разведчики направились в поселок, чтобы вместе с советскими воинами отпраздновать освобождение Крыма от немецких захватчиков, чтобы еще раз от всей души поблагодарить мужественных патриотов из местных жителей за ту помощь, которую они оказали советским разведчикам в борьбе с

гитлеровцами. Местные жители тепло встретили разведчиков, тех, кто своими действиями в тылу врага приблизил час их освобождения.

За время пребывания в тылу противника разведчики группы Илюхина, проявляя мужество и героизм, совершили 13 диверсий на железных дорогах, в результате которых было уничтожено 13 паровозов, около 130 вагонов с живой силой и техникой противника. Кроме того, они взорвали немецкий склад с боевой техникой, колонну машин с боеприпасами, в нескольких местах подорвали шоссейную дорогу и повредили линию связи. Разведчики захватили также несколько пленных и направили в штаб командования 247 донесений с ценными сведениями о противнике.

В ночь на 18 апреля разведчики получили приказ - прибыть на аэродром во Владиславовку. Там они утром встретились с капитаном Бугаевым. Он поздравил разведчиков с успешным выполнением задания и награждением их правительственными наградами. В 11 часов того же дня капитан Бугаев доставил их на главный аэродром в Краснодар, а оттуда на машине - в штаб командования армии.

Родина высоко оценила работу разведчиков группы Илюхина. За мужество, героизм и стойкость, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, за успешное выполнение задания командования в тылу врага Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 года командир разведгруппы Илюхин Федор Тимофеевич был награжден орденом Ленина. Приказом по Отдельной Приморской армии были награждены Добровольский Анатолий Владимирович, Щукин Алексей Яковлевич, Анненко Иван Кириллович, Бондаренко Петр Маркович, Вуколов Александр Алексеевич, Пропастин Владимир Андреевич - орденом Красного Знамени, Поплавская Александра Ивановна и Мотузко Иван Иванович - орденом Отечественной войны I степени. Правительственных наград были удостоены и патриоты, помогавшие советским разведчикам. Кляцкая Серафима Ивановна была награждена посмертно орденом Отечественной войны I степени.

D:\часть4.doc

С.П. Колдашев Р.М. Пономаренко

С ПОМОЩЬЮ ПАРТИЗАН

Во время Великой Отечественной войны неоценимую помощь нашим войскам оказали советские партизаны и мужественные подпольщики, принимавшие активное участие в боях за освобождение родной земли от немецко-фашистских захватчиков.

Партизанская борьба в тылу врага развернулась с первых же дней войны. Она показала, что героизму и стойкости советских людей нет предела. Партизаны наводили страх на оккупантов и в течение всей войны держали их в постоянном напряжении.

Формирование партизанских отрядов происходило по-разному, в различных условиях обстановки и зависело от многих обстоятельств. Одни из них, например, создавались во время оккупации, то есть на территории, занятой противником, подпольными партийными организациями, кадровыми командирами, попавшими в окружение, или даже по инициативе отдельных советских граждан. Таким отрядам было особенно трудно, поскольку они создавались, вооружались и обучались в обстановке жесточайших фашистских репрессий и зверств, часто не имея необходимого вооружения, которое приходилось добывать почти голыми руками у гитлеровских

оккупантов. Другие партизанские отряды формировались партийными и советскими органами заблаговременно, еще в предоккупационный период, в районах, которым угрожало вражеское вторжение, где эти отряды затем оставались для ведения боевых действий. Так происходило формирование Феодосийского отряда в Крыму, на боевых действиях которого мы остановимся подробнее.

Третьи отряды организовывались руководящими штабами партизанского движения или военным командованием фронтов и армий. Получив, как правило, хорошую специальную подготовку, такие отряды перебрасывались в тыл гитлеровских войск через линию фронта. Так было с хорошо известным читателям партизанским отрядом полковника Д.Н. Медведева, переброшенным во вражеский тыл непосредственно из Москвы. А нередко ядром формирования партизанского отряда или даже соединения становились также разведывательные группы, направляемые в тыл гитлеровских войск военным командованием. Примером может служить разведгруппа майора С.А. Ваупшасова, перешедшая линию фронта в составе тридцати человек и выросшая потом в крупный партизанский отряд, насчитывающий несколько сот бойцов.

Каждое партизанское подразделение или соединение выполняло боевые задачи, применяя тактику партизанской борьбы, которая носила активный, наступательный характер и изменялась в зависимости от обстановки. Искусно маневрируя, партизаны нарушали линии связи и снабжения врага, неожиданно появлялись в самых уязвимых для него местах, внезапными ударами дезорганизовывали тыл гитлеровцев, наносили им значительные потери, отвлекали на себя крупные силы врага и тем самым не давали ему возможности использовать эти части против регулярных войск Советской Армии.

Как и у войсковых разведчиков, когда они выполняли свои задачи на территории, занятой противником, основными способами боевых действий партизан являлись засады и налеты. Внезапность и стремительность действий парализовали гитлеровцев, они теряли способность к организованному сопротивлению, и зачастую их гарнизоны и небольшие колонны подвергались полному разгрому, как мы это увидим дальше, когда будем рассматривать боевые дела Феодосийского партизанского отряда.

Если требовалось, партизаны проводили как наступательные, так и оборонительные бои. Однако к этим видам боевых действий они прибегали лишь в крайних случаях, когда к тому вынуждала сложившаяся обстановка. Наступательный бой против врага, занимающего оборону в полевых условиях, применялся партизанами главным образом при прорыве блокады, а оборонительные бои велись против карательных частей, атаковавших партизанский лагерь или базу. При этом партизаны придерживались обычно тактики маневренной обороны, не стремясь долго удерживать занимаемый район. Примером активной, маневренной обороны может служить бой партизанского отряда полковника Медведева близ села Берестяны в Белоруссии. Отряд насчитывал около семисот пятидесяти человек и состоял из четырех рот и двух отдельных взводов - разведывательного и комендантского.

Получив утром данные от своей разведки о приближении к лагерю двух крупных вражеских колонн, полковник Медведев, оценив обстановку, решил дать гитлеровцам бой, продержаться в лагере до ночи, а затем оставить его, если, конечно, враг не будет разбит. Он направил 1-ю и 4-ю роты навстречу вражеским колоннам, а 2-й роте под командованием Семенова приказал совершить обходный маневр и атаковать с тыла противника, наступающего со стороны Берестяны. 3-я рота оставалась для непосредственного охранения лагеря.

Примерно в десять часов 1-я и 4-я роты завязали бой. Противник открыл интенсивный артиллерийский огонь и перешел в атаку. Эти две роты сдерживали гитлеровских карателей более четырех часов, но силы были слишком неравными, и партизаны стали медленно, с боем, отходить к лагерю.

К тому времени командир 2-й партизанской роты Семенов, выполняя приказ, вышел со своими людьми в тыл к гитлеровцам и приступил к разведке. Разведчики обнаружили огневые позиции вражеской артиллерии, а неподалеку от них - командный пункт фашистов. Гитлеровцы не ждали каких-либо маневренных действий со стороны партизан и не очень заботились об охране тыла. Этим, разумеется, немедленно воспользовался Семенов. Он разделил роту на две группы и стремительно атаковал: одной группой - позиции артиллерии, другой - командный пункт гитлеровцев. Вражеские артиллеристы были уничтожены, орудия захвачены партизанами,

разгромлен полностью и командный пункт, где нашли свою могилу 19 штабных солдат и офицеров, в том числе командовавший карательной экспедицией генерал Пиппер. Была также захвачена радиостанция. Лишенные управления и поддержки артиллерией, перепуганные появившимися в их тылу партизанами, гитлеровцы поспешно отступили. Искусный маневр 2-й роты под командованием Семенова, умело организованная им разведка привели к успеху, обеспечили партизанам победу в этом неравном бою.

Оборонительные бои завязывались партизанами и в интересах наступающих войск Советской Армии, чтобы удержать для них переправы через водные преграды, горные перевалы, узлы дорог и другие объекты. В таких случаях партизаны применяли жесткую оборону, стремясь удержаться до подхода наших войск.

Рейды по тылам врага являлись также своеобразной партизанской тактикой. Причем исходя из поставленных задач и намеченных целей эти рейды совершались на различную глубину - от нескольких десятков до многих сотен километров. Так, например, 2-я Ленинградская партизанская бригада в январе 1942 года прошла по тылам врага за четверо суток около ста километров и внезапно напала на фашистский гарнизон в городе Холм Калининской области. В восьмичасовом бою бригада уничтожила свыше 400 солдат и офицеров противника, сожгла 70 автомашин, разрушила 2 радиостанции и узел связи, затем возвратилась на свою базу. Хорошо известны знаменитые рейды партизанского соединения С.А. Ковпака из Брянских лесов на правый берег Днепра, в район украинского Полесья и в Карпаты. Здесь глубина партизанских рейдов исчислялась сотнями километров. А всего за время войны соединение Ковпака прошло с боями по тылам врага 10 тысяч километров, разгромив при этом его гарнизоны в 39 населенных пунктах.

Диверсии занимали одно из главных мест в боевой деятельности партизан. Совершая диверсии, они наносили противнику потери в живой силе и технике, не вступая с ними в непосредственное боевое соприкосновение. Опыт войны показал, что хорошо подготовленная диверсия, например крушение фашистского воинского эшелона, совершенная небольшой группой партизан, давала огромный эффект. А систематические диверсии, осуществляемые партизанами в массовом масштабе и по единому плану, нередко приводили к крупным

не только тактическим, но и оперативным результатам. Так, например, известная диверсионная операция под условным названием «Концерт», проведенная осенью 1943 года одновременно белорусскими и литовскими партизанами на обширной территории, по признанию фашистского командования, снизила перевозки гитлеровских войск по железным дорогам на 35-40 процентов.

В результате крушения поездов враг терял немало своих солдат и офицеров, а вывод из строя железнодорожных сооружений тормозил движение. Так, взрыв белорусскими партизанами 110-метрового моста на реке Дрисса вызвал перерыв в движении на 16 суток. Известны и такие данные. С 1 декабря 1941 года по 1 апреля 1942 года (то есть за 4 месяца) движение на различных железнодорожных участках во вражеском тылу в результате диверсий было прервано в общей сложности более чем на 180 суток [3].

Исключительно важное значение имела разведывательная деятельность партизанских отрядов и подпольщиков, которую они вели в интересах армии. Разведка в тактике партизанской борьбы являлась одним из видов боевого обеспечения. Без хорошо налаженной разведки ни один партизанский отряд долго бы не просуществовал, ибо партизаны вели борьбу в постоянном окружении превосходящих сил противника, и только умелая разведка помогала партизанам громить врага и уходить из-под его ударов. Что касается разведки, осуществляемой в интересах войск, то она представляла собой важнейшую область во всей боевой деятельности партизан. Они широко вели не только войсковую, но и агентурную разведку. Отважные патриоты постоянно передавали командованию Советской Армии ценные данные о противнике: о его группировке, дислокации воинских частей, перебросках войск и боевой техники, об оборонительных мероприятиях на тыловых рубежах. Часто партизанская разведка добывала и своевременно сообщала на Большую землю чрезвычайно нужные сведения как военного, так и политического характера.

Например, в июне 1943 года разведчики из отряда полковника Медведева, действующего под Ровно, направляясь на очередное боевое задание, зашли в будку сторожа на железнодорожном переезде. В разговоре сторож упомянул, что вчера через его переезд прошли на восток 15 эшелонов с танками какого-то странного желтого цвета.

Разведчики доложили об этом командованию отряда. Немедленно была организована проверка, в результате которой выяснилось, что гитлеровцы спешно перебрасывают в район Курской дуги танковые части из африканского корпуса Роммеля. Они так торопились, что не успели даже перекрасить танки: заменить песочный «африканский» цвет серо-зеленым «европейский». Узнать о переброске танковых частей противника на Центральный участок Восточного фронта задолго до начала Курской битвы было, конечно, очень важно для советского командования.

Или вот еще случай. Командир крупного партизанского соединения, действовавшего в Белоруссии в тылу немецкой группы армий «Центр», И.Н. Черный однажды получил по радио от разведчиков следующее донесение: «13 июня, в одиннадцать ноль-ноль, на станцию Брест прибыл эшелон из Варшавы. В составе эшелона четыре пассажирских вагона и семнадцать платформ с грузом, тщательно укрытых брезентом. Поездная бригада немецкая. Со станции перед прибытием эшелона были удалены все местные рабочие и служащие. Работу по смазке букс, проверке тормозов и т. п. выполняла немецкая паровозная бригада с помощью солдат. Эшелон усиленно охраняется. Во время его стоянки в Бресте к путям и станции никого не подпускали. Установить характер груза не удалось. Эшелон убыл в тринадцать пятнадцать направлением Барановичи. Принимаю меры по установлению характера груза. Михаил» [4].

Разумеется, загадочный эшелон не мог не заинтересовать И. Черного, тем более что гитлеровская пропаганда трубила о появлении какого-то мощного оружия, способного изменить ход войны на Востоке. Всем разведгруппам, расположенным близ железной дороги, был отдан срочный приказ проследить маршрут эшелона, узнать, что за груз на платформах.

Но если наблюдение за движением этого эшелона было для партизанской разведки делом не столь уж трудным, то подобраться к нему и пощупать груз собственными руками оказалось гораздо сложнее. Гитлеровцы тщательно охраняли эшелон, на перегоне он находился только днем. Перед ним во избежание крушения, вызванного диверсиями партизан, пропускали несколько составов с другими грузами.

Первые данные, поступившие от разведчиков, были весьма неопределенные: на платформах под брезентом - не то пушки, не то танки.

Но вот эшелон прибыл на станцию Бытеня, где его уже ждали и «приняли» другие разведчики. Они установили непрерывное наблюдение за таинственным эшелоном. На одной из платформ солдаты охраны, перетягивая брезент, сдвинули его немного в сторону, и разведчики увидели приземистый танк с удлиненным стволом пушки и необычно широкими гусеницами. Это уже кое-что, теперь хоть точно известно, что это не пушки, а танки какой-то новой конструкции. Однако и такие данные мало что значили.

Эшелон стоял на станции всю ночь, и, воспользовавшись темнотой, разведчики подкрались к нему, подслушали разговоры немецких солдат, подобрали кусок немецкой армейской газеты. И вот удача. В газете помещены фотоснимок и краткое описание того самого танка, что стоял на платформе. Утром И. Черный получил донесение, в котором сообщалось, что на платформах находятся новые танки типа «тигр». Экипаж танка 5 человек, лобовая броня 100 мм, а боковая и задняя - 50- 70 мм, вооружен пушкой калибра 88 мм и одним пулеметом. Вес танка - 60 тонн. Это была конкретная информация, весьма заинтересовавшая наше военное командование.

Не станем утверждать, что сведения, добытые разведчиками И. Черного, явились самым первым сигналом о переброске на Курскую дугу новых немецких тяжелых танков, с помощью которых Гитлер намеревался ошеломить советских воинов, но доподлинно известно, что появление на поле боя «тигров», «пантер» и «фердинандов» не явилось неожиданностью для наших войск, они были подготовлены к встрече, располагали даже специальными памятками по борьбе с ними, и под огнем советских орудий новые танки врага тоже горели, словно факелы.

Сила партизанских разведчиков заключалась в тесной связи с населением оккупированных территорий. Активное содействие местных жителей позволяло партизанам следить за противником одновременно в нескольких районах. Одно только партизанское соединение Героя Советского Союза И.Черного имело своих разведчиков в таких крупных городах и железнодорожных узлах Белоруссии, как Брест, Барановичи, Пинск, Ковель, Сарны, Лунинец,

Микашевичи, Житковичи. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, какой обширный район, какие важные в оперативном отношении магистрали держали под своим контролем партизаны И. Черного. А ведь в Белоруссии, как и в других оккупированных фашистами областях, находились еще сотни других партизанских отрядов, еще тысячи людей, не спускавших глаз с противника.

Следует также отметить, что на тактику партизан серьезное влияние оказывали природные условия. Одни условия для боевой деятельности партизан были в Брянских лесах или лесисто-болотистой местности Белоруссии, совсем иные - в горно-лесистых и степных районах Крыма. Отсутствие сплошных лесных массивов, горы с узкими проходами затрудняли маневр крымским партизанам, вынуждали их ютиться на «пяточках» горных вершин, подвергаться частому блокированию со стороны противника. Условия горной местности не позволяли партизанам строить аэродромы и даже посадочные площадки, а это сильно усложняло снабжение их продовольствием и боеприпасами с Большой земли. Они испытывали недостаток продовольствия уже в декабре 1941 года. К тому же оккупантам удалось захватить многие заранее созданные для партизан базы продовольствия и блокировать отряды в тесных горно-лесистых районах. Но, несмотря ни на что, крымские партизаны продолжали упорную борьбу с врагом, отвлекали на себя значительные силы гитлеровских войск, вели постоянную разведку как в своих интересах, так и в интересах фронтового командования.

В октябре 1941 года для борьбы с фашистскими захватчиками был создан Центральный штаб партизанского движения Крыма. Его командующим был назначен герой гражданской войны Алексей Васильевич Мокроусов, а комиссаром Секретарь Симферопольского горкома ВКПб Серафим Владимирович Мартынов.

Ниже на примере Феодосийского отряда мы расскажем о боевых действиях партизан в сложных условиях горно-лесистой и степной местности Крыма.

КИЗИЛЬТАШ - МЕСТО БАЗИРОВАНИЯ

Однажды сентябрьским утром в Феодосийский горком партии были вызваны два коммуниста - начальник военизированной охраны Феодосийского порта Иван Степанович Мокроус и заместитель

начальника политотдела отделения Приднепровской железной дороги Роман Максимович Пономаренко. Сердечно поздоровавшись с прибывшими, секретарь горкома попросил их сесть к столу.

- Ну вот, дорогие товарищи, пришел и ваш черед бить гитлеровцев с оружием в руках. Как вы на это смотрите?

- Спасибо за доверие, постараемся его оправдать, - ответили Пономаренко и Мокроус.

- Вам, - продолжал секретарь горкома, - поручается сформировать партизанский отряд и при этом в самые сжатые сроки - враг уже рвется к Феодосии и опасность оккупации города возросла.

- Создать партизанский отряд - дело для нас новое и трудное, без вашей помощи не обойдемся, - произнес Пономаренко.

- Мы вам поможем. В горком непрерывно поступают заявления от коммунистов, комсомольцев и беспартийных с просьбой направить их на фронт или в партизаны. Уже создан истребительный батальон.

Еще раз внимательно оглядев обоих, секретарь горкома объявил, что решением бюро горкома товарищ Мокроус назначается командиром Феодосийского партизанского отряда, а Пономаренко - комиссаром.

Подробно рассказав о задачах партизанского отряда и о мероприятиях, которые необходимо провести, секретарь горкома тепло пожал командиру и комиссару руки и пожелал им успехов.

Выйдя из горкома, Мокроус старался запомнить все, что нужно сделать для создания отряда. О том же думал и комиссар, возвращаясь к себе на службу. Предстояла кропотливая работа по комплектованию отряда, следовало заранее выбрать места хранения продовольствия, боеприпасов, вооружения и снаряжения, наметить район сбора отряда и разработать маршрут его быстрого перехода к месту дислокации и обучить партизан хотя бы некоторым правилам пользования оружием, соблюдения маскировки, конспирации, бдительности и многое другое нужно было осуществить для того, чтобы подготовить этих людей к тяжелым боям, сделать их способными наносить удары по врагу. Ведь в партизанский отряд придут люди разных возрастов и профессий. К тому же никто из них до этого не оканчивал никаких партизанских курсов и не обучался тактике ведения партизанской борьбы.

Вскоре после этого разговора представитель городского комитета партии, командир отряда с комиссаром и начальником штаба

направились в район Старо-Крымских гор, чтобы подобрать место для первоначального сбора всего отряда, а также место для его постоянного базирования.

Добравшись до ближайшего к горам поселка, они зашли в домик к работнику лесничества Старый Крым Георгию Ефимовичу Водопьянову и попросили его помочь им. Он охотно согласился, тем более, что сам собирался уйти в партизаны. Это был внимательный, сердечный и уже немолодой человек. Старый коммунист, участник гражданской войны, Георгий Ефимович повел прибывших к нему гостей по знакомым ему местам.

Раскинувшийся перед ними вид был необычным. Кругом горы, покрытые лесом, вершины деревьев, то красные, то желтые, то темно-зеленые, сливались воедино.

Георгий Ефимович рассказывал о богатстве Старо-Крымских гор и леса, говорил о своеобразии местности. Здесь почти нет ровных площадок. Большие и малые горы - более отлогие с южной стороны и частично скалистые с северной и северо-западной и обрывистые. Леса здесь в основном низкоствольные можжевелево-дубовые. В некоторых районах встречаются дикорастущие груши, яблони, вишня, кизилловые и ореховые деревья. Здесь произрастают в изобилии свекла, чеснок, капуста и морковь. Из расщелин в скалах бьют родники. Летом в густом лесу очень трудно заметить человека даже на расстоянии нескольких метров. В общем, район Старо-Крымских гор весьма подходил для устройства здесь лагеря партизан.

- До чего же хороша природа Крыма! Сколько здесь полезных витаминных трав и растений, - с восхищением произнес Мокроус.

- Вы правы, - согласился комиссар, - это богатство можно использовать партизанам, в особенности когда осложнится положение со снабжением.

Гуськом они поднялись на господствующую вблизи сопку. Оттуда хорошо просматривались ближайшие дороги и населенные пункты.

Местом первоначального сбора партизанского отряда были выбраны каменные строения поселка Красный Камень (по-татарски Кизильташ). До Октябрьской революции здесь размещался армянский монастырь, а в годы Советской власти - дом отдыха.

С тактической точки зрения это место для базы партизан отвечало всем необходимым требованиям - обеспечивало наблюдение,

располагалось в глубине леса, создавало выгодные условия для ведения оборонительного боя. В здании дома отдыха можно было разместить несколько сот человек.

Партизанские землянки и продовольственные базы решили строить в лесу в районе «могилок», в трех километрах севернее Кизильташа.

В первой половине октября бойцы истребительного батальона начали готовить в лесу места для хранения продовольствия, снаряжения и боеприпасов.

В лесных зарослях на возвышенностях были вырыты специальные ямы, дно и степы которых устилалось жердями. Сверху их накрывали древесиной, засыпали землей и замаскировывали.

В течение октября командир отряда Мокроус и комиссар Пономаренко руководили отправкой в лес из торговых баз города продуктов питания и товаров для обихода: муки, крупы, сахара, соли, спичек, мыла, консервов, табака и др. Предусматривалось обеспечение отряда не менее чем на два-три месяца.

С военных феоdosийских баз в лес было направлено обмундирование: ватные брюки и телогрейки, шапки-ушанки, сапоги, нательное белье, одеяла и т. д.

Из боеприпасов были доставлены в лес гранаты, патроны для винтовок и бутылки с горючей смесью, тол и взрыватели, мины для минометов. В глубине леса, примерно в двух километрах от Кизильташа, бойцы истребительного батальона подготовили несколько землянок для размещения партизан.

Немецко-фашистские войска приближались к городу. 30 октября 1941 года рано утром основная часть партизанского отряда собралась во дворе дома, где с начала войны разместился городской комитет партии, а оттуда партизаны двинулись в Кизильташ -к своим базам. День выдался на редкость теплый, сухой. Только пожелтевшие листья деревьев говорили о начале осени.

Шли группами: люди разных возрастов и профессий в гражданской одежде, кто - в рабочей спецовке, накинув сверху плащ, кто - с оружием, а кто и без него. За ними двигались подводы, нагруженные боеприпасами и продовольствием. Это были идейно убежденные советские патриоты, объединенные в боевые

подразделения народных мстителей, спаянные единой волей и желанием беспощадно уничтожить гитлеровских захватчиков.

Во главе колонны партизан - Мокроус, Пономаренко, Дегтярев. Вместе с ними шла и бывшая учительница Лидия Сергеевна Прокопенко.

За городом дорога шла среди ровной степи, затем незаметно поднималась все выше и выше в горы, покрытые лесом.

- Не будем терять времени в пути, - нарушил молчание комиссар. - Обсудим, с чего начнем нашу новую жизнь. Первые дни фашистам, вступившим в город, будет не до нас, а мы это время посвятим организации отряда.

- Бесспорно, - согласился Мокроус. - Смотри, вон тот, что в черной шапке, идет по ту сторону обочины - Симагин, бывший лесничий, знает здешние места как свои пять пальцев. Из него будет хороший проводник-разведчик. А санитарную службу поручим вам, - обратился он к Лидии Сергеевне.

Начавшийся в пути деловой разговор длился долго.

Партизаны прошли через густой лес и оказались на горной поляне, где был объявлен первый привал.

Комиссар подложил под голову пахучие еловые ветки, попытался уснуть, но так и не смог. Он перебирал в памяти события первых военных дней. Вспомнил своих товарищей по работе на железной дороге: Лысенко, Козлова, Строкача, Панасенко, Андрейченко, Моисеева, Михайлова... Вспомнил, как они горячо откликнулись на обращение городского комитета партии и военных представителей построить бронепоезд для подвоза из Феодосийского порта к Перекопу боеприпасов, охраны железной дороги и нанесения огневых ударов по врагу. Как сложится теперь судьба этих самоотверженных коммунистов?...

Работа по строительству бронепоезда шла в ударном темпе, в две смены. Испытания бронепоезда прошли успешно. Военная комиссия сердечно благодарила коллектив железнодорожников, горком партии и политотдел железной дороги за сделанный ими подарок Родине. Бронепоезд, которому дали наименование «Смерть фашизму», громил гитлеровцев под Перекопом, Джанкоем и на северо-западном направлении. Он успешно использовался также и для заброски партизанских разведчиков в некоторые районы Крыма. С этой целью в

дне бронев вагонов были проделаны специальные люки, через которые незаметно для противника, на тихом ходу высаживались разведчики вблизи пунктов, где им предстояло вести наблюдение. После выполнения задания бронепоезд подбирали таким же способом.

...В первых числах ноября весь состав партизанского отряда, около 300 человек, в том числе 86 коммунистов и 20 комсомольцев, собрался в Кизильташе, в клубе бывшего дома отдыха. Командир отряда рассказал о тяжелой обстановке на фронте и объявил первый приказ, в котором поставил задачи партизанам. В отряде были созданы три боевые группы, группы разведки, боепитания и интендантская. Назначены и командиры групп: Назаров Дмитрий Яковлевич, Иванов Григорий Федорович и Краснобаев Никифор Григорьевич. Разведкой руководил начальник штаба Колодяжный Емельян Павлович. Начальником группы боепитания и интендантской был Дегтярев Иван Петрович.

Во всех боевых группах были назначены политруки - В.Г. Дрепин, Н.Д. Смирнов и А.Я. Ручкин.

В беседах с партизанами комиссар отряда Р.М. Пономаренко убеждал партизан в необходимости строго соблюдать сознательную дисциплину, бдительность, конспирацию, учиться умело стрелять из личного оружия и овладеть тактикой ведения боя с врагом в горно-лесистой местности.

Вечером этого же дня состоялось первое инструктивное совещание командиров и политруков боевых групп, на котором командир отряда поставил перед ними задачи: ускорить строительство и оборудование землянок для размещения партизан, баз для боеприпасов и продовольствия; начальнику штаба организовать изучение местности и начать разведку противника, обратив особое внимание на ближайшие населенные пункты: Отузы, Эльбузлы и Салы, а также разработать систему и порядок связи внутри отряда и со штабом партизанского движения Крыма, послать связных в соседний Старо-Крымский отряд.

В начале ноября 1941 года части Советской Армии оставили Феодосию и отошли в район Ближних Камышей. Враг подошел к городу и остановился в полутора километрах, обстреливал его из орудий прямой наводкой. На опустевших улицах рвались снаряды и мины. Жители попрятались в подвалы.

Вскоре вошли в Феодосию гитлеровские войска, и на стенах домов появились первые приказы гитлеровского командования. В одном из них жители прочли, что каждый, кто с наступлением темноты без письменного разрешения немецкого командования окажется на улице, будет расстрелян.

Движение в дневное время как по шоссейным и проселочным дорогам, так и вне дорог (по полю) без письменного разрешения германского командования не разрешалось. Хождение из города в деревни и местечки района, а также из района в город в дневное время допускалось только с письменного разрешения командования.

АКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАЧАЛИСЬ

4 ноября в первую разведку вышла группа Ручкина. Она направилась к деревне Отузы, через которую проходила главная дорога на Севастополь.

Холодный дождь, начавшийся с вечера, продолжался и ночью. Под его монотонный шум разведчики скрытно, соблюдая меры предосторожности, приблизились к окраине деревни и залегли за огородом крайнего дома в зарослях бурьяна. Дождь вскоре прекратился, появилась луна, стало светлее, и можно было разглядеть, что происходит в деревне.

- Вон там, за изгородью, стоит полевое орудие, а правей, на небольшом удалении под кроной дерева, второе. У дома часовой с автоматом, - напряженно вглядываясь в темноту, прошептал Ручкин.

- Во дворе две большие машины с прицепами, - добавил Рудь, - значит, фашистов примерно до взвода.

После двухчасового наблюдения разведчики покинули деревню и вернулись в отряд. Командир группы подробно доложил обстановку начальнику штаба. На основе полученных от разведчиков сведений командование отряда решило совершить внезапный налет на фашистский гарнизон в Отузы.

Командир и комиссар понимали, что от успешного выполнения этой задачи во многом будет зависеть моральное состояние партизан и поэтому готовились к налету со всей тщательностью. Непосредственное руководство операцией поручили начальнику штаба Колодяжному.

Приближалась годовщина Великого Октября, и партизаны хотели достойно отметить эту дату. Весь день 5 ноября они готовились к налету, изучали маршруты подхода к Отузы, проверяли оружие, отрабатывали сигналы взаимодействия.

В ночь на 6 ноября три боевые группы под командованием Колодяжного незаметно подошли к Отузы одновременно с трех сторон и по сигналу - зеленая ракета - открыли пулеметный и минометный огонь. Ударные группы партизан с криком «Ура!» бросились в деревню. В окна домов, где размещались гитлеровцы, полетели гранаты. Застигнутые врасплох, перепуганные, фашисты выскакивали из домов, спасаясь бегством. Немало полегло их под партизанскими пулями. Забрав ценные документы в штабе карательного отряда и у убитых гитлеровцев, группа возвратилась на базу.

Обрадованные первой, довольно легкой, победой, партизаны несколько ослабили бдительность, решили снова побывать в Отузы. Во второй половине следующего дня другая группа партизан на автомашине отправилась в деревню. Не доезжая с полкилометра до Отузы, за крутым поворотом машина с разведчиками на большой скорости почти врезалась в колонну немецких солдат. Шофер резко затормозил, но было уже поздно. Правда, внезапная встреча вызвала замешательство и среди фашистов. Разведчики быстро спрыгнули с машины и, отстреливаясь, успели скрыться в лесу. Шофер же был схвачен гитлеровцами.

Эта наспех подготовленная вылазка окончилась безуспешно. У партизан еще не было боевого опыта, и тот случай послужил им поучительным уроком.

Командование Феодосийского отряда подробно разобрало эту вылазку и сделало необходимые выводы. Во-первых, при движении по крымским дорогам, где видимость зачастую очень ограничена, особое значение приобретает разведка. Каждый поворот дороги, скрытый скалами, каждая возвышенность на пути должны тщательно осматриваться. Во-вторых, любая боевая вылазка должна детально готовиться, проводиться по плану, в котором следует предусматривать все возможные варианты боевых действий.

Следующую вылазку партизаны готовили уже более скрупулезно.

Группа партизан-разведчиков в количестве 15 человек (Пащенко, Непомнящий, Лихненко, Зайко и др.) во главе с Краснобаевым,

вооруженная ручным пулеметом, гранатами и винтовками, устроила засаду на дороге Судак - Феодосия. После долгого ожидания из-за поворота у отвесной скалы, покрытой вьющимся кустарником, показалась автомашина с вооруженными солдатами, за ней другая. Место, где находилась засада, было на подъеме, и поэтому машины шли на малой скорости. Как только первая машина поравнялась с засадой партизан, по команде Краснобаева в нее полетели гранаты. Машина остановилась, загорелась. В нее врезалась вторая. Фашисты в панике выпрыгивали из грузовиков и, отстреливаясь, разбежались, прятались за машины. Многие остались лежать на дороге. Собрал трофеи: 8 ящиков ракет, десять винтовок, документы убитых и штабную карту, партизаны скрылись в лесу.

В данном случае они заранее подобрали удобное место для засады, не спешили с открытием огня, терпеливо выжидали подходящего момента и это привело к успеху. Добытые ими документы, особенно штабная карта, дали ценные сведения о противнике.

Так же удачно устроили партизаны засаду на шоссе Отузы - Судак. Расположившись в зарослях кустарника по обе стороны дороги, группа Дегтярева встретила вражескую колонну ружейно-пулеметным огнем, а затем на растерявшихся и ошеломленных фашистов полетели гранаты. Несколько автомашин загорелось. На шоссе осталось двадцать убитых, остальные гитлеровцы разбежались. Партизаны снова захватили у противника крайне необходимые для партизан оружие и боеприпасы.

...Вторые сутки над партизанским лагерем гуляет холодный северный ветер. Сыплет мелкий колючий снег. На рассвете серого ноябрьского дня дозорные Щербаков и Клоченко заметили километрах в пяти от лагеря вражескую автоколонну с солдатами и артиллерией. Гитлеровцы остановились в деревне Отузы и разошлись группами по домам, оставив часовых,

Щербаков немедленно доложил об этом командованию отряда. В партизанском лагере объявили боевую тревогу. Высланная разведка сообщила новые данные: около двухсот гитлеровцев, вооруженных автоматами, пулеметами и минометами, вышли из деревни Отузы и развертываются в боевой порядок у подножия горы, близ лесной

дороги, идущей к партизанскому лагерю. Навстречу фашистам вышло подразделение Назарова.

Разбившись на три группы, партизаны быстро спустились километра на два по знакомым им тропам и развернулись в боевой порядок. Вскоре к Назарову присоединилась группа под командованием Колодяжного.

Гитлеровцы приближались. Не замечая притаившихся партизан, они сами лезли в западню. Когда одновременно с трех сторон застрочили пулеметы и началась дружная пальба из винтовок, они заметались и в панике побежали вниз. До полсотни фашистов остались лежать на раскисшей от дождя и снега дороге. Удар был настолько неожиданным, что враг не успел даже пустить в ход все свое оружие. Партизаны собрали трофеи и документы.

Между тем время перевалило за полдень. В лесу наступила мертвая тишина. Фашисты отошли, но все понимали, что это затишье будет коротким, завтра они предпримут новое и более сильное наступление.

В лагере перед строем партизан командир отряда сказал:

- Товарищи партизаны! Вы проявили мужество и отвагу. Враг понес большие потери и бежал. Но наверняка он сейчас думает, как снова вернуться сюда и как разбить нас. Поэтому, ни минуты не теряя, проверьте оружие, готовьтесь к новому бою. Нам предстоит тяжелое испытание.

Действительно, утром над Кизильташем, где размещалась база отряда, появился вражеский самолет, сделал несколько кругов и улетел в направлении моря. А в девять часов утра начался обстрел партизанского лагеря артиллерией. Над верхушками деревьев проносились снаряды.

Со стороны Старого Крыма к партизанским оборонительным позициям двигались цепи фашистов. Ударили вражеские минометы, застрочили пулеметы. Партизаны мужественно отражали наседавшего врага. Пулеметчик комсомолец Костин, искусно маневрируя, близко подпустил фашистов и открыл по ним кинжальный огонь, расстреляв в упор более десятка вражеских солдат.

И на этот раз атака гитлеровцев захлебнулась. Так закончился второй штурм партизанского лагеря. Умелая маневренная оборона партизан помогла им выдержать натиск, враг не добился успеха.

Однако партизанская разведка установила, что оккупанты подтягивают новые силы, готовят крупную карательную операцию. При сложившейся обстановке было принято решение сменить базу.

Оставив Кизильташ, партизаны несколько дней скрывались в ближайших лесах, а затем, замаскировав часть продовольствия и боеприпасов, начали переход в район Эски-Юрта. Путь был очень трудный. Пришлось преодолевать глубокие снежные заносы. Ни тропинок, ни дорог. Ночь застала партизан в полукилометре от деревни Эльбузлы. Люди выбивались из сил, измучились во время длительного марша. Сделали привал. Расположились прямо на снегу. Чтобы не демаскировать себя, костров не зажигали. После короткого отдыха снова двинулись в путь. Впереди шли дозорные. На вторые сутки весь отряд благополучно прибыл в Эски-Юрта - дом лесника.

Это был большой вместительный дом, окруженный фруктовыми деревьями: яблонями, грушами, сливами. За небольшой полянкой перед домом возвышались горы, покрытые лесом.

По прибытии в Эски-Юрта послали донесение в штаб района о благополучном переходе на новое место дислокации и сообщили сведения об обстановке, собранные по маршруту следования. Здесь было тепло, можно хорошо отдохнуть, приготовить горячую пищу и даже помыться, в тактическом же отношении дом лесника не подходил для надежного базирования партизан. Он просматривался со всех сторон, и противник мог легко обнаружить базу, накрыть артиллерийским или минометным огнем, а также совершить внезапное нападение. Тогда решили строить землянки в лесу в районе высоты 956, для чего командование отряда выделило 28 человек, снабдив их всем необходимым. Предполагалось строить из расчета одна землянка на каждую боевую партизанскую группу. Строили ударными темпами: одни копали землю и уносили ее в глубь леса, другие вели заготовку лесоматериала для покрытия землянок и внутреннего их оборудования. Срезанные крупные деревья распиливали на доски. Работали с раннего утра и до позднего вечера и часто под мокрым снегом. Внутри землянок устанавливались для обогрева металлические бочки с трубой. Для сна и отдыха в землянке устраивалась возвышенность в 35-40 сантиметров непосредственно из грунта, которая устилалась листьями и травой. Столом служила широкая деревянная колода.

Выполняя строительные работы, разведчики в то же время проводили боевые операции, вели также усиленное наблюдение за противником, и в особенности за деревней Сууксу, куда гитлеровцы подбрасывали подкрепления.

В начале декабря одной из групп партизан под командованием Назарова удалось уничтожить охрану лагеря для советских военнопленных в районе Старого Крыма и освободить заключенных, которые влились в партизанские отряды.

Прежде чем приступить к планированию очередной вылазки, начальник штаба докладывал командованию сведения о противнике и свои соображения относительно предполагаемой операции. На совещании оперативного состава штаба окончательно разрабатывались план и тактика предстоящего боя. Здесь же решался вопрос, кто персонально от командования должен руководить боевыми действиями. Это делалось потому, что рядовые партизаны были недостаточно подготовлены в военном отношении, слабо знали тактику боевых действий в горно-лесистой местности, нуждались в непосредственном руководстве со стороны партизанских командиров.

Приходилось устанавливать очередность среди командного состава отряда - кто, когда, с какой партизанской группой идет на боевое задание. Например, с одной боевой группой направляется командир отряда, с другой - комиссар, с третьей - начальник штаба и т. д.

После каждой проведенной вылазки проводился разбор, при этом отмечались партизаны, отличившиеся в боях, а также анализировались допущенные ошибки. Неоднократно на этих разборах упоминалось имя связного Петра Владимировича Помошника. Преодолевая большие расстояния, подвергая себя опасности, в пургу, мороз и слякоть он доставлял в штабы партизанских районов приказы и распоряжения командования, а обратно приносил ценные сведения и документы о противнике, добытые партизанскими разведчиками.

* * *

Командование отряда готовило очередную вылазку. На этот раз было решено устроить засаду на шоссейной дороге Старый Крым -

Судак, по которой шло интенсивное передвижение войск противника. Заранее подобрали шестнадцать разведчиков, определили порядок следования к дороге, отработали сигналы взаимодействия, подогнали снаряжение и обмундирование. Группу вновь повел начальник штаба отряда Колодяжный. Этот уже немолодой человек всю свою жизнь посвятил службе в Советской Армии и органах госбезопасности. С тринадцати лет он батрачил, а в 1920 году, во время службы в армии, участвовал в разгроме контрреволюционных банд. Великая Отечественная война застала его в должности заместителя начальника Феодосийского городского отдела НКВД. Это был человек со славной биографией, всегда готовый разделить с людьми все трудности партизанской жизни. Он был опытным и смелым разведчиком, преданным коммунистом.

В состав группы Колодяжного вошли Гучкин, Калугин, Опаренко, Ханагов, Филатов, Дегтярев, Рудь, Марченко, пулеметчик Костин, Куликовский, Сагайдак, Сандетов и медицинская сестра Лидия Прокопенко. Проводником группы шел Семен Симагин, лесник из деревни Эльбузлы, отлично знавший все дороги и тропинки в крымских лесах, все родники и водоемы.

Буйствовала метель. Казалось, со всех сторон дул холодный злой ветер, яростно швырял снег. Он гудел, словно все это происходило где-то на далеком севере. В районе Таткары, северо-восточнее Эльбузлы, партизаны рассредоточились вдоль дороги, заняли удобные позиции для засады и стали ждать появления противника. Наконец со стороны Судака показалось среди снежной пурги черное пятно. Оно быстро росло, и теперь уже все партизаны увидели четыре автомашины с пехотой противника. Когда автомашины вошли в зону засады, по свистку Колодяжного партизаны открыли огонь. Враг в смятении. По команде «К машинам!» разведчики стремительно бросились на дорогу, захватили брошенное гитлеровцами оружие, в том числе и миномет, документы убитых немецких солдат и офицеров, порвали линии связи, затем исчезли в лесу.

Мост для засады было выбрано удачно

В планшете убитого офицера оказались секретные приказы, из которых стало известно, что фашисты производят перегруппировку войск, перебрасывают свои воинские части с Керченского участка на Севастопольский. Эти данные были направлены командованию Закавказского фронта. Значение таких сведений трудно переоценить, если учесть, что в то время фронт готовил десантную операцию на Керченский полуостров.

Эти данные были подтверждены и партизанскими разведчиками, которые вели наблюдение за проезжими дорогами. Штаб отряда решил на пути следования фашистов взорвать Салынский мост на пятиметровых железобетонных опорах через реку и этим задержать продвижение врага, его живой силы и техники на несколько дней. Мост охранялся специальной немецкой заставой из девяти человек, на вооружении которых помимо автоматов, гранат имелся пулемет и миномет. Подход к мосту был рискованный и трудный.

За шоссе Керчь - Симферополь метрах в 130-150 начинался Арзамасский лес. Оттуда можно было нанести удар по заставе. Но для этого надо перейти незамеченными через голую снежную степь, на которой легко был виден человек, и шоссе по которой то в том, то в другом направлении фашисты совершали патрульный обезд. Боевую группу разведчиков-диверсантов, вооруженных взрывчатыми веществами, мог провести незаметно через степь и шоссе только опытный, знающий отлично местность человек. Им был Семен Симагин. Очутившись в Арзамасском лесу, Симагин, Сагайдак и Кулагин, тщательно маскируясь, в течение двух часов вели с опушки леса наблюдение за заставой. Смена немецкого часового произошла через час. Подняв

воротник шинели, опустив ниже на глаза шапку, он начал ходить по мосту взад и вперед, стуча коваными каблуками о доски. Сорок шагов вперед, сорок шагов назад. Из высокой печной трубы над шалашом, что вблизи моста, вылетало яркое пламя огня. Его искры рассыпались в ночи и гасли. Видимо, в шалаше отдыхали и грелись остальные патрульные.

Разведчики подползали к мосту все ближе и ближе. Вот они уже метрах в двадцати от часового. Но в это время открылась дверь шалаша, на какое-то мгновение свет из помещения осветил мост и часового. Разведчики упали лицом в снег и замерли. Выбежавший легко одетый фашист что-то крикнул часовому, и тот поспешил к нему. Фашист вложил часовому в зубы горящую сигарету и, ежась от холода, смеясь чему-то, нырнул обратно в шалаш.

Обстановка для разведчиков была благоприятной. В темноте огонек сигареты был виден издалека. Часовой был бесшумно снят. Вихрем ворвавшись в землянку, партизаны уничтожили охрану.

Под опорой моста положена взрывчатка и натянут шпагат. Раздавшийся взрыв на какие-то секунды осветил радостные лица разведчиков. Мост взлетел на воздух. Обрато Симагин вывел разведчиков кратчайшим путем.

Примерно в середине декабря 1941 года отряд перешел на новую, хорошо оборудованную базу в районе высоты 956. Это была господствующая высота, с нее хорошо просматривались ближайшие дороги и населенные пункты, а густой дубовый лес надежно маскировал базу от глаз противника. Начались работы по дальнейшему благоустройству лагеря. В шалаше была оборудована кухня. Повар из конины и муки готовил галушки, а вместо хлеба пек лепешки.

Норму выдачи продуктов пришлось строго ограничивать. Запасы продовольствия были уже на исходе, а доставлять их из мест хранения - дело трудное.

Нередко в поисках продовольствия партизаны попадали под огонь противника и несли потери.

Добытые Феодосийским и другими крымскими партизанскими отрядами сведения о немецко-фашистских войсках, оборонявших Крым, очень интересовали штаб Закавказского фронта, готовившего десантную операцию на Керченский полуостров.

Как известно, Керченско-Феодосийская десантная операция началась 26 декабря 1941 года, особенно успешно завершилась высадка войск 44-й армии в Феодосии, что заставило противника начать поспешный отвод своих соединений из восточной части Керченского полуострова и без боя оставить Керчь.

В результате этой операции войска Закавказского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом освободили Керченский полуостров, овладели важными опорными пунктами - городами и морскими портами Керчь и Феодосия. Немецко-фашистское командование было вынуждено прекратить атаки севастопольских укреплений и перебросить из-под Севастополя часть сил в район западнее Феодосии для противодействия высадившимся советским войскам. По дорогам, идущим к Феодосии и Керчи, днем и ночью двигались фашистские обозы и колонны автомашин с пехотой и техникой. Чтобы дезорганизовать движение противника и оказать помощь советским воинам, вступившим на крымскую землю, партизаны часто устраивали на дорогах завалы и засады. Так, в ночь на первое января группа Феодосийского отряда из 38 бойцов, среди которых были Лидия Прокопенко и проводник Симагин, во главе с комиссаром Пономаренко отправилась на шоссейную дорогу с таким же заданием. Они шли по глубокому снегу. У каждого в руках, помимо винтовки, - лопата, либо пила, либо лом.

В полночь комиссар остановил группу и поздравил с наступающим Новым, 1942-м, годом, пожелал каждому здоровья и боевых успехов. Обойдя деревню Сууксу, вышли к шоссейной дороге Старый Крым - Судак. Кругом тьма, ветер, снег. С ходу приступили к делу: пилили деревья, телеграфные столбы и все это валили на дорогу. Образовался огромный завал. Часа через три разведчики сообщили, что со стороны деревни к месту завала приближается до взвода фашистов. Гитлеровцы подошли к завалу и с удивлением принялись его рассматривать и о чем-то говорить между собой. В это время раздалась команда «Огонь!».

Фашисты бросились врассыпную, но, опомнившись, ответили беспорядочным огнем, а затем, прячась за деревьями и отстреливаясь, отошли в лес и вскоре исчезли.

Партизаны собрали на дороге оружие и двинулись в обратный путь. Пройдя с километр по чаще леса, они неожиданно столкнулись с

небольшой группой фашистов.

- Хальт! Хенде хох! - крикнул комиссар. Испуганные гитлеровцы бросили свои автоматы и подняли руки. Но тут кто-то из партизан неожиданно выстрелил по фашистам. Один из фашистов схватил брошенный было автомат и дал очередь в сторону партизан, другой швырнул гранату. Партизанам пришлось тоже открыть по ним огонь. В результате этой стычки трое гитлеровцев было убито, один взят в плен. Двоим удалось скрыться.

В лагере, разбирая этот случай, комиссар спросил:

- Кто же выстрелил без команды?

- Это я, товарищ комиссар. Увидев фашистов, от ненависти нажала курок, - призналась Прокопенко.

- Понимаете ли вы свою ошибку? - задал вопрос комиссар, заканчивая разбор.

- Понимаю, Роман Максимович. Виновата. Этого больше не повторится, - краснея, ответила Лидия.

В начале января под руководством комиссара и начальника штаба отряда была проведена операция по уничтожению обоза противника на дороге Старый Крым - Судак между деревнями Сууксу и Эльбузлы. Партизаны-разведчики огнем из пулемета и винтовок уничтожили около тридцати гитлеровцев, подожгли грузовую машину и принесли в отряд трофеи. Комиссар отметил, что в этом бою отличились пулеметчик Лысак, политрук Смирнов и партизан Гаврилов.

Днем позже состоялось партийное собрание, на котором был принят в партию лучший пулеметчик отряда Михаил Никитич Костин, на счету которого значилось тридцать уничтоженных фашистов. На этом собрании командир отряда Мокроус сделал доклад о боевой деятельности отряда. Иван Степанович, отличавшийся своей выдержанностью и пунктуальностью, отметил достижения и недостатки в работе отряда. Говорил он медленно, спокойно, часто употребляя украинские слова.

* * *

Сосредоточив на узком участке крупные силы, противник перешел в наступление в районе Феодосии. После неравного и

жестокого боя десантники 44-й армии были вынуждены 15 января оставить город и отойти на Ак-Монайские позиции. Отдельные подразделения этих войск, отрезанные от главных сил, укрылись в ближайших лесах и горах.

Высадившийся в это время в Судак стрелковый полк, которым командовал полковник Селехов, оказался в крайне тяжелом положении: не было продуктов, кончались патроны. Тогда на помощь воинам пришли партизаны Феодосийского и Судакского отрядов. Срочно была налажена выпечка хлеба из последних запасов отряда и доставка его в город бойцам Селехова. Преодолевая большие трудности, партизанские разведчики с проводниками Симагиным и Сандетовым, иногда под огнем противника, несколько раз пробирались в осажденный город с продуктами и боеприпасами.

Фашисты наседали на Судак, кольцо окружения сжималось. Чтобы помочь десантникам, партизаны решили отвлечь часть сил врага на себя. Для этого они напали на базу фашистских войск вблизи деревни Сууксу. Гитлеровцы вынуждены были перебросить часть подразделений из-под Судака.

Воспользовавшись этим, группа партизан-разведчиков проникла в город Судак и помогла десантникам вырваться из окружения и отойти в лес к партизанам.

Перед Феодосийским отрядом встала новая задача - помочь советским воинам, оказавшимся в лесах. Каждый день партизанские группы направлялись на поиски десантников и каждый день приводили в отряд десятки красноармейцев, потерявших связь со своими подразделениями. Их тепло и сердечно встречали партизаны, оказывали им во всем помощь.

В январе 1942 года группа партизан во главе с Дегтяревым встретила в лесу в районе Эльбузлы 17 моряков-десантников и привела их в отряд. Немного позже на базу отряда были направлены 75 советских бойцов, отступивших из Судака.

В конце января к партизанам прибыло еще 25 человек во главе с лейтенантом Гороховым и младшим лейтенантом Андреевым.

В начале февраля разведчики Клоченко и Зайко обнаружили 19 десантников в холодном, полуразрушенном сарае вблизи деревни Эльбузлы. Они были измучены, голодны и полураздеты. В этот же день группа Лебединского привела еще 20 бойцов.

10 февраля в отряд прибыло 26 десантников во главе с капитаном и двумя лейтенантами, отошедшими из Феодосии.

Несмотря на все трудности и сложность обстановки, Феодосийский отряд рос и укреплялся, его боевая способность повышалась с каждым днем. К концу января 1942 года в отряде вместе с влившимися в него десантниками насчитывалось уже более четырехсот человек. Из вышедших в лес бойцов был организован новый партизанский отряд под командованием полковника Селехова.

В начале февраля возникли серьезные затруднения с продовольствием, на поиски продуктов питания одновременно были направлены три группы партизан примерно по двадцать человек каждая. Им предстояло разыскать места хранения продуктов в районе Старого Крыма. Этим группам удалось раздобыть немало продуктов, в том числе консервы и сало. Возвращаясь в отряд, одна из них случайно обнаружила сброшенные ранее с нашего самолета два мешка с продовольствием. Видимо, они предназначались для десантников, но не были найдены ими. Однако пришлось эти мешки пока спрятать, так как все были уже достаточно нагружены. На третью группу при возвращении на базу напала фашистская разведка. В завязавшейся перестрелке был убит Дмитрий Яковлевич Назаров.

...Несмотря на нехватку продовольствия, партизаны не прекращали активных действий. В отряде проводились занятия и учебные тренировки партизан, изучали оружие, на партийных и комсомольских собраниях обсуждались текущие дела. Выпускалась стенная газета. Не прекращалась и разведка противника. Каждый день высылались разведывательные группы, устраивались засады, осуществлялось усиленное наблюдение за действиями противника, его передвижением по дорогам. Так, одна разведгруппа наблюдением установила, что из района Старого Крыма в течение нескольких дней перебрасываются войска противника в сторону Феодосии. Другая партизанская разведгруппа сообщила, что на дороге из Симферополя в Старый Крым усилилось движение крытых грузовых автомашин с боеприпасами и пехотой противника. Все эти сведения немедленно передавались штабу командования крымских партизан и командованию советских войск.

* * *

...14 февраля фашисты попытались окружить отряды первого партизанского района, зажать их в клещи на горе Бурус. Против партизан действовали около двух батальонов и несколько полицейских отрядов.

На заре посты наблюдения сообщили, что со стороны Сууксу колонна гитлеровцев, примерно до двух пехотных рот, начала движение в направлении базы Феодосийского отряда. Партизаны заняли оборону. Остальные отряды первого партизанского района также приняли боевые порядки в местах, удобных для ведения оборонительного боя.

Примерно около девяти часов между передовыми партизанскими заставами отряда и противником завязалась перестрелка, а затем разгорелся бой. На отдельных участках партизаны столкнулись с врагом вплотную и вынуждены были вступить в рукопашную схватку. Из района Эски-Юрта, где когда-то располагался отряд, открыли стрельбу минометы и артиллерия гитлеровцев. Из деревни Арталан также начали обстрел базы полевые орудия. Несколько партизан было убито и ранено. Из штаба района поступил приказ - продолжать оборонительный бой, маневрировать и избегать втягивания в затяжные бои.

На следующий день противник, подтянув свежие силы, предпринял новое наступление. Положение отряда весьма осложнилось, удерживать позиции стало трудно, и командование отряда решило запросить у штаба первого района подкрепление. Но оказалось, что штаб убыл в неизвестном направлении. В сложившейся обстановке командование отряда вынуждено было принять решение: прорвать вражеское кольцо и с боем отходить в глубь леса, к горе Сугут-Аба.

Через два дня приказом командующего партизанским движением Крыма за самовольное оставление места дислокации командир и комиссар первого района были сняты с занимаемых должностей; командиром первого района назначался Мокроус, комиссаром - Пономаренко. Тогда же командиром Феодосийского отряда был назначен Емельян Павлович Колодяжный, а комиссаром - Николай Дмитриевич Смирнов.

Всем отрядам первого района предписывалось вернуться на место прежней дислокации.

Перед новым командованием сразу же возникли большие трудности. В районе, где находились четыре партизанских отряда - Феодосийский, Судакский, Кировский и Джанкойский, были на исходе продукты питания и боеприпасы. По пути следования несколько раз приходилось вести бои с противником. Особенно тяжелое сражение разыгралось 20 февраля между деревнями Ворон и Шелен. В этом бою смертью храбрых погиб комиссар Феодосийского партизанского отряда Николай Дмитриевич Смирнов.

В конце февраля отряды партизан первого района возвратились на прежние базы. Пришлось восстанавливать разрушенные землянки, строить новые, надо было привести себя в порядок, почистить оружие, перегруппировать силы и вновь добывать продовольствие, так как при проверке мест хранения продуктов оказалось, что они разграблены. Лишь в разрушенной землянке, где когда-то была кухня Феодосийского отряда, отыскали несколько мешков полусгнившей муки. Боеприпасы противник не нашел, они оказались в сохранности. Каждому партизану было выдано по 200 патронов, а пулеметчикам - по тысяче.

* * *

Захваченного в плен обер-лейтенанта поместили в отдельном шалаше, под охраной часового. Утром Колодяжный связался по радио со штабом партизанских отрядов Крыма и доложил о пленном. В ответ получил радиogramму: «Будет затребован самолет с Большой земли, пленного до особого распоряжения держите у себя».

Однако события развернулись несколько иначе. Предатель, о существовании которого партизаны и не подозревали, передал пленному нож и записку на немецком языке: «Ночью убей часового, нож оставь в шалаше, беги направо по тропинке двести метров, затем снова направо лесом до шоссе до шоссе налево к нашим».

Ночью, когда лагерь уснул, гитлеровец подсел вплотную к стенке шалаша и ножом проделал в ней отверстие для наблюдения. При

лунном свете метрах в десяти от шалаша он увидел часового с автоматом через плечо, а метрах в ста от него, перед входом в партизанскую землянку - другого. Дождавшись, когда караульный закурил и зашел за куст, а охранявший его боец прошел мимо отверстия, гитлеровец толкнул дверь шалаша. И не успел часовой Селементьев поднять автомат и крикнуть, как нож вонзился в его грудь и он упал. Шум услышал второй часовой и поднял тревогу. Лагерь проснулся, а обер-лейтенант, раздвигая кусты, уже бежал от тропинки вправо, в гущу леса.

Чекист Ручкин, накинув на плечи полушубок, выскочил из землянки и, узнав причину тревоги, побежал кратчайшим путем к шоссе, надеясь, что пленный обязательно появится там.

Партизаны один за другим выбегали из землянок, застегиваясь на ходу. Вскоре отряд выстроился на крошечной поляне, огороженной естественной стеной из кустов орешника, дубков и клена. Из штабной землянки вышел недавно назначенный командиром отряда Колодяжный.

- Товарищи! - обратился он к партизанам. - В лагере живет враг. Он тяжело ранил часового и освободил пленного. Советское командование ждет от нас «языка». Фашиста нужно поймать во что бы то ни стало!

Ручкин не ошибся. Спустившись к шоссе, он услышал впереди себя и слева от дороги нарастающий треск ветвей, а вскоре увидел и выбежавшего из лесу на опушку гитлеровского обер-лейтенанта.

Сделав несколько шагов, фашист споткнулся и упал в канаву, идущую вдоль дороги.

- Не уйдешь, гад! Не уйдешь! - и Ручкин, собрав все силы, побежал к гитлеровцу так быстро, как только мог.

Гитлеровец, услышав погоню, вскочил, выбрался из канавы и тоже что есть силы бросился к лесу.

- Стой! Стрелять буду! - кричал Ручкин. Но фашист все бежал и бежал вперед.

Расстояние между фашистом и разведчиком сокращалось. Вот он уже в нескольких шагах от беглеца. Ветки деревьев сильно хлещут по лицу, но Ручкин не чувствует боли. Напрягая последние силы, он рванулся вперед и ударил фашиста рукояткой нагана - тот упал. У

Ручкина потемнело в глазах, подкосились ноги, он пошатнулся, но удержался, не упал, а ухватился за ветку куста.

В это время в лагере Лидия Прокопенко перевязала Селементьева, находившегося в бессознательном состоянии, и с помощью партизан бережно перенесла его в землянку. Колодяжный вместе с начальником штаба осмотрели шалаш, где сидел пленный, и обнаружили окровавленный нож, на деревянной рукоятке которого были вырезаны две буквы «И.С.». Нетрудно было догадаться, что хозяин ножа - Иван Семечкин, да он и сам этого не отрицал. Только вот, как его нож попал в шалаш к врагу, он не знал. Нож хранился в рюкзаке, на нарах в землянке.

По приказанию командира отряда Семечкин был взят под стражу. Партизаны молча разошлись по землянкам. В душе никто не верил, что Иван Семечкин - предатель. Но печальные события ночи заставили всех задуматься.

Весть о том, что фашисту не удалось бежать, быстро облетела партизанский отряд. Связанного обер-лейтенанта привели в штабную землянку на допрос. Но в это время новое происшествие поразило всех.

Каждый день повар отряда в пять утра ставил на бочку, в которой жарко горели дрова, чайники, кастрюли и ведра с водой. Но сегодня «печь» оказалась холодной, а Хадар, помощник повара, в обязанность которого входила растопка печи, отсутствовал. Повар заглянул в землянку, не заболел ли Хадар, но его там не было. Тогда он спустился в овраг, где Хадар обычно рубил дрова и хворост, и там обнаружил еще теплый труп Хадара, значит, убийство совершено несколько минут назад.

На допросе гитлеровец сознался, что нож и записку он получил от человека, приносившего ему еду. Обер-лейтенанту показали Ивана Семечкина и труп Хадара. и он признал в убитом того партизана, который помог ему бежать. Семечкин был освобожден из-под стражи.

- Извини, Иван! Сам понимаешь, деремся с врагом не на жизнь, а на смерть, - сказал Колодяжный.

- Я и не обижался, потому что знал: разберетесь в конце концов. Не могло быть иначе, - ответил он.

Но кто же предатель? Хадар действовал не один. Теперь ясно, что он был только исполнителем. Кто-то другой украл у Семечкина нож,

вручил Хадару для передачи фашисту, но не рассчитал, что обер-лейтенант будет пойман, а когда узнал об этом, то, боясь, что Хадар выдаст, убил его. Кто он? Как его обезвредить?

Этот мучительный вопрос одинаково беспокоил и командование и партизан.

А пленный на следующий день был отправлен в штаб партизанского движения Крыма.

РАЗВЕДКА ВРАЖЕСКОГО ГАРНИЗОНА

Штабу партизанского движения Крыма потребовались сведения об обстановке в Феодосии, составе и численности находящихся там войск противника, о проводимых гитлеровцами оборонительных работах на побережье и подступах к городу с суши. А для этого было необходимо, чтобы кто-либо из партизан проник в город, установил связи с жителями, порасспросил их, сам понаблюдал за врагом.

Выбор пал на Лидию Прокопенко. В ее преданности, мужестве, выносливости и смекалке никто не сомневался. Она отлично знала город, умела завязать знакомство с теми, кто мог оказаться полезным в этом трудном деле.

Решили, что Лида пойдет в Феодосию через неделю, а пока будет готовиться к заданию под руководством опытного разведчика - чекиста Александра Яковлевича Ручкина.

И вот в штабной землянке собрались Мокроус, Пономаренко, Колодяжный и Ручкин.

- К выполнению боевого задания готова, - доложила Лида, появившись в землянке.

- Садитесь с нами, Лидия Сергеевна, - указал ей Мокроус на свободное место на скамье против себя, - поговорим... Вы должны уточнить сведения об оборонительных сооружениях противника вдоль побережья Феодосийского залива, узнать, где и какие дислоцированы в городе воинские части и штабы. Кроме того, необходимо выяснить, что делают гитлеровцы в восстановленных мастерских завода № 181 и на трикотажной фабрике. Наконец, установить связь с нашими разведчиками, находящимися в городе, и передать им указания штаба отряда.

- К родным не заходите: за домом, где живет ваша мать, может быть наблюдение. При встрече на улице со знакомыми будьте

осторожны, - добавил комиссар.

- Итак, Лидия Сергеевна, повторим явки и пароли, - предложил Ручкин.

- Значит, в пятницу ночью или на рассвете в субботу ждем вас в отряде, - сказал Колодяжный. - Разведчик Петя Крамаренко проводит вас до деревни Насыпное. Дальше пойдете одна.

...К рассвету они подошли к деревне Насыпное. Здесь, простившись с Лидой, Петя, нырнув в гущу кустов, исчез, а девушка решила отдохнуть, дожидаться, пока на дороге станет больше прохожих, чтобы с ними пройти контрольный пункт. Солнце поднялось из-за горизонта. Туман рассеялся, и стало сразу светло. Внимание девушки привлек стук колес и цокот копыт: по шоссе катили четыре подводы, в каждой - по два вооруженных гитлеровца. Лида насторожилась: хотя у нее и был пропуск, отобранный партизанами у местного предателя, а лучше с ними не встречаться. Гитлеровцы проехали мимо, громко разговаривая и смеясь, и, видимо, не заметили сидящую за черешней девушку. Она облегченно вздохнула. За каменным мостиком, над бурлящим по весеннему ручейком, подводы свернули с дороги и лихо помчались к видневшимся невдалеке стогам сена. Теперь Лида была видна им как на ладони. «Что же делать? - обдумывала девушка. - Вот так, сразу, подняться и уйти, пожалуй, нельзя, будет подозрительно. Надо создать видимость работы, а там посмотрим». Она медленно поднялась с земли, не спеша расправила волосы, упавшие на глаза из-под белой косыночки, взяла нож и принялась резать траву, украдкой наблюдая за гитлеровцами. Те спрыгнули с телег, составили винтовки в козлы, трое принялись распрягать лошадей, а остальные, вытащив из огромного стога охапки сена, улеглись отдыхать. «Значит, надолго, - решила девушка. - Какая беспечность. Вот бы наших ребят сюда сейчас... Надо уходить...»

Лида сгребла в кучу срезанную траву, сложила ее в мешок и подняла на плечи. Она хотела уже идти, но в это время один из гитлеровцев побежал за ней и окликнул на ломаном русском языке:

- Русский барышня, стой!

Шагах в десяти он остановился, стряхнул с мундира приставшую траву, надел фуражку, которая была у него в руке, и, подойдя к Лиде, сказал:

- Вас просит мой командир.

Лида бросила мешок, пошла к гитлеровцам. Все они принялись разглядывать девушку. Офицер сидел, обняв колени, и вертел в руках стебелек засохшей ромашки. Лида поздоровалась.

- Доброе утро, - по-русски ответил офицер и тут же по-немецки дал команду солдатам приступить к погрузке сена.

- Вы откуда? И кто вы? - спросил он, слегка улыбнувшись.

- Я из Феодосии, медицинская сестра городской больницы. Дома тяжелобольная сестренка, для нее я решила разводить кроликов, их у меня три, вот и пришла за травой. Я могу идти?

Но гитлеровец не спешил отпускать такую красивую девушку. Страх у Лиды пропал. Она осмелела и тоже не торопилась. «Надо продлить беседу, - решила она. - Если фашисты из города, офицер может пригодиться».

- Вы не назвали себя, девушка.

- Меня зовут Таня.

Офицер предложил ей сесть в повозку, и она без всяких хлопот приехала в город. На тихой и зеленой улице Лида попросила остановить лошадей. Легко спрыгнув с подводы, она медленно направилась к первому попавшемуся дому. Тем временем ее спутники уехали. Тогда Лида свернула за угол, прошла несколько улиц и повернула в маленький тупик, за которым начинался пустырь. У крайнего невзрачного домика она остановилась, привычными движениями подняла крючок калитки и вошла во двор. Знакомая учительница Дарья Ивановна снимала белье с веревок в большой таз. При виде Лиды растерялась, оглянулась по сторонам и знаком пригласила зайти в дом.

Учительница жила совсем одна, ее единственная дочь еще задолго до войны вышла замуж и уехала с мужем на его родину. Дарья Ивановна накормила Лиду, рассказала ей, что все школы Феодосии закрыты, сейчас она нигде не работает, в городе установлен жесткий полицейский режим. Рано утром и поздно вечером ходить населению по городу запрещается. Кто появится на улице после комендантского часа, в того стреляют без предупреждения. Идут массовые аресты. Через каждые 4-5 часов проводятся облавы. Всякого подозрительного гестаповцы хватают, вывозят за город и расстреливают.

* * *

...Утром следующего дня Дарья Ивановна по просьбе Лиды пошла в центр города к Марии, ее близкой школьной подруге, которая осталась в Феодосии по специальному заданию. Надо было узнать, когда и где она сможет встретиться с Лидой. Сама же Лида направилась по первому адресу, данному ей Ручкиным. Здесь жил с семьей рабочий депо Калегаев. Во дворе дома, в абрикосовом саду, стояло несколько пчелиных ульев. Лида знала, что Калегаев оставлен в городе тоже по особому заданию.

Девушке посчастливилось. Калегаев оказался дома.

- Простите, мне сказали, что я могу у вас купить мед для больной сестры.

- К сожалению, я запустил свое пчелиное хозяйство. Немного - могу.

- Хотя бы двести граммов.

Обменявшись паролями, Калегаев вышел на улицу, осмотрелся, вернулся в дом и запер дверь.

- Садитесь, родная. Прежде всего, хотите ли есть?

- Спасибо, давайте сразу за дело.

И Калегаев рассказал Лиде об обстановке в городе и передал ей сведения об артиллерийских батареях, расположенных вдоль побережья. Набережная Феодосии сильно укреплена. Многие каменные здания на набережной и в центре города превращены в доты. На станции Сарыголь стоят танки. В районе Киик Атлама находится прожектор. В самой Феодосии дислоцируются два полка 42-го армейского корпуса с частями усиления, два крупных штаба и какие-то курсы по переподготовке офицеров. Особенно сильно укреплен Феодосийский порт, где установлено 10 дальнобойных пушек. Все спуски к морю заминированы, за ними идет проволочное заграждение. Лида внимательно слушала, стараясь все запомнить и ничего не пропустить. На следующий день на городском кладбище Лида встретила со своей школьной подругой Марией, которая работала в ресторане «Астория». Здесь всегда бывало много гитлеровских офицеров и Мария сообщила Лиде ценные сведения о противнике. Вечером Лида посетила подпольщицу Нину Михайловну

Листовничую и передала ей задание командования отряда приступить к активной разведывательной работе.

Вскоре Прокопенко благополучно возвратилась в отряд. Командование отряда объявило ей благодарность за успешное выполнение задания. Прокопенко принесла из города еще одну новость, очень важную для партизан, и утром в штабной землянке по этому поводу собрался на совещание командный состав отряда. Обсуждался один вопрос: как выявить и обезвредить агента фашистской разведки?

Верные люди в городе сообщили Лиде, что в Феодосийском партизанском отряде действительно орудует засланный гестаповцами агент по кличке Акула. О том, что в отряде завелся провокатор, командиры и сами догадывались, ибо кто-то пытался же освободить пленного гитлеровского обер-лейтенанта. От тех же патриотов Лида узнала, что Акула пользуется рацией, которую хранит где-то в лесу, примерно в километре от партизанской базы.

После долгих размышлений решили расставить скрытые посты в лесу и выследить вражеского агента. Поручили это дело разведчикам Ручкина. И вот прошло три дня, а от разведчиков никаких известий. Это, конечно, беспокоило командование. Мокроус уже подумывал о новой встрече с Ручкиным, чтобы предпринять какие-либо другие меры, более эффективные. И все-таки разведчикам повезло - на четвертый день произошло следующее.

Разведчик Петр Крамаренко, выполняя задание, сидел в густых ветвях могучего кедра. Солнце опускалось все ниже к горизонту. Кругом стояла полная тишина. Вдруг ой услышал невдалеке слабый шум, а вскоре увидел и человека. Тот шел осторожно, крадучись, часто останавливался и оглядывался по сторонам. Его поведение сразу заставило насторожиться разведчика. Метрах в трехстах от кедра лежало старое, когда-то сваленное бурей дерево. Перешагнув его, человек исчез. Разведчик знал, что там начинается овраг, поросший густым молодым орешником. Петр быстро спустился с кедра, согнувшись, добежал до поваленного дерева, а дальше осторожно пополз, петляя между кустами и деревьями, в овраг. Вскоре он услышал стук ключа радиопередатчика. Агент гестапо с наушниками на голове отстукивал свое донесение и не слышал подползшего к нему совсем близко разведчика.

- Руки вверх!

Предатель вздрогнул, сбросил с себя наушники и поднял на разведчика испуганные глаза.

- Руки вверх! - повторил Крамаренко, нацелив на него автомат. Но предатель продолжал стоять на коленях, обдумывая, что же предпринять. Затем поднялся и, мгновенно прыгнув в сторону, пустился бежать. Разведчик бросился за ним и, не отставая от него, успел нажать на спусковой крючок и дать вверх предупредительный выстрел. И тут фашист внезапно остановился, бросился на Крамаренко.

- Врешь! Не будешь стрелять. Тебе приказано взять меня живым! - И он с силой ударил Петра в живот, но разведчик успел поставить подножку, и оба повалились на землю. Автомат при падении выпал из рук Петра. Началась борьба. Недоедание дало себя знать, Акула был физически сильнее и ему удалось схватить Петра обеими руками за горло.

- Руки вверх! - прозвучали рядом грозные слова Ручкина.

Предатель отпустил посиневшего разведчика и медленно встал на ноги. Он был бледен, по лицу градом катился пот. Злыми глазами обвел окруживших его разведчиков и поднял руки.

* * *

В апреле 1942 года Лидия Прокопенко вновь была направлена в Феодосию с разведывательным заданием. Она пробыла в городе несколько дней, встретилась с подпольщиками, собрала подробную информации о вражеских войсках. Листовничая ей сообщила, что начальник полевой полиции переводит свою канцелярию в Старый Крым, в мастерских бывшего завода № 181 гитлеровцы изготавливают гранаты, в депо ремонтируют орудия и танки, и перечислила номера нескольких немецких подразделений, дислоцирующихся в Феодосии. Настало время возвращаться в отряд. Поздним вечером Лида, покинув свою тайную квартиру, осторожно зашагала по притихшим улицам к окраине. Наверное, и на этот раз она благополучно добралась бы до отряда, если бы не случайность.

В тот самый вечер неизвестные юноша и девушка, расклеивавшие на улицах листовки, наткнулись на двух полицаев. В короткой схватке юноша был убит, а девушке удалось скрыться. Фашисты переполошились, комендант города приказал задерживать на улице всех девушек и немедленно доставлять их в комендатуру для опознания. Кругом были расставлены усиленные патрули.

Лида не видела стоявший в темноте мотоцикл с двумя вооруженными солдатами. Едва она появилась на перекрестке, как яркий свет зажженных фар осветил ее и раздалась команда «Хальт!».

Лиду привели в комендатуру, где уже находилось несколько арестованных девушек. На очной ставке в присутствии коменданта города полицаи не признали в ней девушку, расклеивавшую листовки, и Лиду собирались уже отпустить, как в зал, где шла проверка, вошел местный националист, работавший в комендатуре. Он хорошо знал Лиду Прокопенко: его сын когда-то учился у нее в классе. Он заявил коменданту, что это та самая Лидия Сергеевна Прокопенко - учительница, коммунистка и партизанка, которую давно разыскивают. Гестаповский офицер Хюбнер сам решил расследовать дело Прокопенко. В небольшой комнате подвального помещения, куда ее втокнули конвоиры, за маленьким столиком сидели кроме Хюбнера его помощник и переводчик. Сначала они смотрели на девушку, как бы изучая ее. Затем Хюбнер натянул на руки перчатки, пересел на край стола ближе к Лиде.

- Скажите ей, - обратился он по-немецки к переводчику, - если она будет благоразумной и все расскажет, гарантируем жизнь, безопасность и даже можем оставить у себя на работе...

Лида выслушала переводчика, с ненавистью посмотрела в наглые, мутные глаза гестаповского офицера.

- Нас интересует, - продолжал он, - где находится Феодосийский отряд, сколько в нем партизан и чем они вооружены, к кому приходила на связь в Феодосию.

Лида молчала. Ее долго периодически пытали, требовали показаний. Ничего не сказала патриотка ни о Феодосийском подполье, ни о своем партизанском отряде. Продержав Лиду до июня в тюрьме, взбешенные упорным молчанием отважной разведчицы, гестаповцы расстреляли ее.

Лидия Прокопенко была одной из тех немногих женщин, что находились в Феодосийском отряде с первого дня его существования. Партизаны любили ее и тяжело перенесли ее арест и гибель.

После гибели Прокопенко активную разведку в Феодосии вел Эдуард Яковлевич Сизас. По заданию командования он несколько раз проникал в город, встречался с Листовничей и другими подпольщиками, получал от них ценные сведения о противнике.

В марте 1943 года к Листовничей был подослан гестаповский провокатор, который вошел к ней в доверие и передал в гестапо сведения о ее связях с подпольщиками. В результате, в числе 32 подпольщиков была расстреляна и Нина Михайловна Листовничая.

Гибель Прокопенко, Листовничей и других подпольщиков глубоко потрясла партизан, которые с еще большей ненавистью боролись с оккупантами. Вот далеко не полная хроника боевых партизанских дел в мае 1942 года.

2 мая партизанской засадой была разгромлена вражеская колонна, уничтожено 30 солдат и офицеров.

3 мая группа Алексеенко уничтожила две немецкие заставы и несколько повозок с военным имуществом.

9 мая партизанские разведчики Меркулов, Бахтин, Бочкарев, Семейный напали на штаб немецкой воинской части на Топленской опытной станции. Подкрались ночью и, бесшумно сняв часовых, заглянули в окна дома. В одной из ярко освещенных комнат за столом несколько офицеров склонились над картой, в другой - группа офицеров пила шнапс, веселилась. Разведчики забросали гитлеровцев гранатами, затем ворвались в помещение, забрали карту, документы и ушли в лес.

15 мая партизанские разведчики захватили в деревне Шах-Мурза пленного, который рассказал, что его полк прибыл из Франции и направляется на Керченский участок фронта. Разведка также выяснила, что в этой деревне был схвачен Логвиненко, партизан из Старо-Крымского отряда, которого подвергли жестоким пыткам на глазах у жителей, а потом повесили. Перед казнью он обратился к населению, собравшемуся вокруг: «Товарищи, крепитесь! Скоро придет Красная Армия. Бейте фашистов беспощадно! Скоро их настигнет суровое возмездие. Прощайте!»

20 мая, организовав засаду на дороге Салы - Старый Крым, партизаны разгромили немецкую колонну - уничтожили несколько автомашин с фашистами.

25 мая партизанские разведчики наблюдением установили и подсчитали, что со стороны Феодосии на Симферополь в течение двенадцати часов прошло около 30 танков, 430 автомашин с пехотой противника, 25 орудий.

26 мая на дороге Коктебель - Судак группа партизан уничтожила гранатами легковую машину, в которой находились офицер и три немецких солдата. Были захвачены ценные документы.

Данные партизанской разведки передавались военному командованию и, конечно, использовались для ударов по противнику. Так, например, партизаны с восторгом наблюдали, как несколько групп советских самолетов нанесли бомбовые удары по скоплению войск и техники противника в деревнях Эльбузлы, Салы, Арталан и по вражескому аэродрому в Старом Крыму.

Исключительно трудное положение к июню месяцу 1942 года создалось в отряде с продовольствием. Все районы, где можно было так или иначе достать продукты, были взяты под контроль гитлеровцами. Все площадки, на которые можно было сбросить с самолетов мешки с продовольствием, были заминированы врагом. Запасов у партизан уже не оставалось. Люди в отряде жили впроголодь.

В эти тяжелые дни большую помощь командованию отряда в выполнении поставленных перед ним задач оказывал уполномоченный особого отдела штаба партизанского движения Крыма Иван Христофорович Давыдкин.

Душевностью и теплотой отличался комиссар 3-го партизанского района Василий Иванович Никаноров, с которым не один раз приходилось встречаться Мокроусу и Пономаренко, выполняя боевые задания.

* * *

...Уже несколько дней сидит над передатчиком радист отряда Василий Коваленко и не может заставить его работать. Утром удалось

услышать позывные штаба армии, но затем индикаторная лампочка погасла, и сколько он ни старался поймать нужные сигналы, наушники молчали.

Колодяжный сердился:

- Ты понимаешь, что это такое? Завтра надо говорить с армейским командованием о приеме нами двух самолетов с продовольствием. Люди ведь голодают, а у тебя нелады.

- Да что я могу поделать, товарищ начальник! Давно докладывал вам, питание кончилось, вот и не работает, - оправдывался радист.

- Чтоб завтра рация была в полной готовности. Сорвешь прием самолетов - пеняй на себя, - с досадой сказал Колодяжный и вышел из землянки.

Коваленко опять склонился над радиостанцией, прикладывал наушники к уху, вслушивался.

На секунду ему удалось уловить тонкий писк морзянки - и снова все замерло. Проверил все детали, провода, винтики, лампочки - сомнений не было, дело в питании.

Собрав в ящик инструменты, радист проверил свой автомат, написал записку и покинул лагерь.

Снова зайдя в землянку радиста, Колодяжный прочитал его записку: «Ухожу искать питание к рации, вернусь к утру».

Сначала решили, что Коваленко пошел в один из отрядов, и тут же направили связных во все отряды. Однако к вечеру стало известно, что ни в одном из отрядов радист не появлялся. Тогда объявили тревогу. Разбив отряд на группы, Колодяжный приказал им прочесать лес. Опасались, что по пути в соседний отряд Коваленко сторяча мог наткнуться на разведку врага и попасть в плен или погибнуть.

Нужно во что бы то ни стало выяснить, что случилось с радистом. Во-первых, это был славный парень, исполнительный, честный, хорошо знающий свое дело, а во-вторых, хотя и не сомневались в его преданности и стойкости, но опасались, что доведенный до отчаяния пытками, он может сказать лишнее об отряде. Было также решено послать в ближайший к лагерю вражеский гарнизон в деревне Салы разведгруппу в пять человек под командованием Василия Слоква и в случае, если радист оказался в руках врага, попытаться освободить его.

Слоква повел группу по хорошо знакомой ему тропке.

Теплая летняя ночь. На деревьях и кустах не шелохнется ни одна ветка, ни один листок. «Где теперь Коваленко, что с ним, найдем ли?» - думал каждый.

С крутого склона спустились к гравийной дороге. Тихо. Никакого движения. Но вот осветился крутой поворот, и из-за скалы на предельной скорости выскочили один за другим около десяти мотоциклов. Разведчики залегли. «Не везут ли они нашего радиста?» - вглядываясь в мотоциклистов, рассуждали партизаны. Нет! Никаких признаков. За рулем каждой машины лишь фашист в каске.

...Коваленко хорошо знал, что радисты из других отрядов ничем не смогут ему помочь. Поэтому он решил пробраться в деревню Салы и здесь раздобыть у гитлеровцев автомобильный аккумулятор. Правда, как это сделать, он еще не представлял себе. «За работу радиостанции отвечаю я. Сколько раз наши разведчики нападали на автоколонны врага, давно бы надо запастись питанием, а я довел до последнего дня. Какими глазами буду смотреть в лица голодных товарищей, если завтра не установлю связь со штабом? Или умру, или завтра рация заработает", - так думал Коваленко.

С наступлением сумерек он вышел из леса. Отсюда до деревни рукой подать. Подполз к огородам, раскинувшимся на склоне горы, и здесь, в траве, залег, чтобы вести наблюдение за деревней.

Кружилась голова от усталости и напряжения.

У здания бывшей школы под охраной двух автоматчиков стоят четыре грузовика, автобус и мотоцикл. Подойти к машинам нет никакой возможности. Коваленко посмотрел на небо. На западе оно было розовым от заката, а на востоке, как в тумане, появились еле заметные тусклые звезды. «Эх! Пошел бы сейчас дождичек, да посильней. Фашисты в дом, а я тут как тут. Но на дождь никаких надежд. Придется ждать, пока не представится удобный случай».

Вскоре совсем стемнело.

...А Слоква с разведчиками к рассвету тоже вышел на опушку леса близ деревни Салы. Поднимавшееся солнце бросало на землю свои теплые косые лучи. За лугом в кольце сочной зелени камышей и розовых кустов сусака блестела зеркальная гладь небольшого озера. Взобравшись на дерево, Слоква увидел, что обитатели деревни уже проснулись. Высыпала на луг стайка босых ребятишек. Женщина с корзиной белья спустилась к воде и принялась за стирку. Одна из

полуторок, стоявшая крайней у школы, чихая и дымя, выехала из деревни и, свернув с дороги, остановилась на отлогом берегу озера. Выпрыгнув из кабины, водитель постоял у воды, потом вернулся к машине. Слоква в бинокль оглядывал каждый кусочек земли и вдруг увидел Василия Коваленко, ползущего к озеру через редкий кустарник. С этой минуты он уже не спускал с него глаз, готовый прийти на помощь радисту. Но что задумал Коваленко?

Гитлеровец снял с себя обмундирование и, оставшись в одних трусах, поднял капот полуторки, заглянул в мотор. Минут двадцать стучал молотком, чистил, а затем принялся старательно мыть машину.

Помыв машину, он полез купаться. Коваленко тоже разделся и, выбрав момент, нырнул в озеро. Забурлила вода, на секунду показались на ее поверхности две головы рядом, потом - одна. Через минуту на берег из воды вышел радист, надел костюм водителя, сел в кабину, и полуторка помчалась в сторону леса.

Коваленко и разведчики вместе вернулись в отряд, они принесли заряженный аккумулятор. Разумеется, радист Коваленко действовал из самых лучших побуждений, проявил храбрость и находчивость, но за проявленное самоволие и недисциплинированность он был наказан.

К осени 1942 года обстановка в первом партизанском районе Крыма сильно осложнилась. Продовольствия все также не хватало, гитлеровцы усилили охрану дорог, в деревнях установили сторожевые посты, вырыли окопы, оградив их колючей проволокой. Все места, где советские самолеты могли бы сбрасывать продовольствие партизанам, были взяты фашистами под наблюдение. А в отрядах 80 раненых и больных, которые связывали партизан, затрудняли маневр. По радио штаб просил фронтовое командование принять меры к их эвакуации. В ответной радиограмме сообщалось, что в ближайшие дни к побережью подойдет подводная лодка с продовольствием. Обратным рейсом она заберет раненых. Для приема подводной лодки необходимо подобрать место, которое, как минимум, удовлетворяло бы следующим требованиям: подход лодки к берегу на наиболее близкое расстояние, полное ее обеспечение от огня противника.

Партизаны считали, что этим требованиям в наибольшей степени удовлетворяет район деревни Козы, между крупными населенными пунктами Судак и Отузы, или район между населенными пунктами Коктебель и Отузы.

- По моему мнению, - заявил Мокроус, - лодку следует принять у деревни Козы, там естественная полузакрытая бухта, хотя тоже есть некоторые препятствия: близко расположен вражеский наблюдательный пункт, береговая артиллерия в районе Судака, иногда появляются вражеские патрули. За неимением лучшего остановились на этом варианте.

Для более точного изучения берега непосредственно на место выслали разведку.

Командование отряда приступило к подготовке походного марша, маршрут которого составлял примерно 15 километров и проходил через район Кизильташ, пересекая две дороги.

Наконец из штаба фронта поступила радиограмма: «24 сентября в 24.00 прибудет подводная лодка. Подготовить раненых и больных к эвакуации. Соблюдать строгую конспирацию и порядок, лодку принять при любых условиях, вплоть до боя с противником». В радиограмме сообщались также сигналы и пароль для приема подводной лодки.

Сентябрьской ночью колонна партизан вышла из лагеря. Раненых несли на носилках. Местность трудная, горная, кругом враг.

Медленно, почти ощупью спустились в низину. Ночную тишину нарушал лишь шелест травы под ногами людей. Подошли к опушке леса. Впереди шоссейная дорога. Группами по пять - десять человек перебежали дорогу. Дальше шли еще медленней. На берегу ручейка сделали привал. Бессонная, трудная ночь позади, но никто из партизан не жаловался на свое нездоровье или усталость.

От воды тянуло прохладой. Люди, одетые легко, зябли, жались друг к другу, чтобы согреться.

На востоке уже алела заря. Туман редел и поднимался вверх. Сквозь его прозрачное покрывало начали различаться силуэты кустов и деревьев. Ночная тьма сменялась рассветом. Настало утро. Согретье солнечным теплом, партизаны уснули. А когда на землю спустились сумерки, отряд снова двинулся в путь.

Много потеряли времени и сил на крутых спусках с гор. Ноги срывались, и, чтобы не упасть, люди цеплялись руками за корни деревьев, ветки кустов и камни. Шли то узкой тропинкой по ущелью между голых скал, минуя немецкие заслоны, то по лесистым склонам.

Наконец с крутой отвесной скалы увидели море. Партизаны остановились. Высланная вперед разведка доложила: противника на

пути не обнаружено, можно продолжать движение. До намеченного места добрались благополучно.

Приближалось время подхода подводной лодки. Партизаны на сигнальном посту и наблюдательном пункте внимательно следили за морем.

- Ну, друзья, пора подавать сигналы, - распорядился Мокроус.

Зажженный фонарик тускло заблестел красным огоньком в сторону моря, извещая подводную лодку о том, что ее ждут партизаны.

На часах ровно полночь, а на море по-прежнему ничего не видно, кроме волн. Тревога нарастала.

- Ну что, комиссар? - спросил командир. - Не подведет она?

- Не думаю, она ведь идет под перископом и всплывет на поверхность только у берега, надо внимательнее смотреть.

Вдруг на поверхности моря, в 800-900 метрах от берега, показалось черное пятно.

- Вышла наконец! - облегченно вздохнули партизаны, находившиеся на наблюдательном пункте. Луч сигнального фонаря направлен в сторону всплывающей подводной лодки.

- Но почему она идет в сторону от нас? - заволновались партизаны. Лодка плыла медленно и бесшумно по направлению к сопке, затем, видимо, заметив сигнал партизан, развернулась и пошла точно к указанному месту. В отряде нарастало оживление. Партизаны приблизились к побережью. Сердца их забились в радостном ожидании. Двое связных-партизан получили пароль и приготовились плыть навстречу лодке.

Раненые, у кого было личное оружие и кое-что из запасов продовольствия, стали передавать его остающимся партизанам. Некоторые писали записки, давали адреса своих родных и знакомых с просьбой навестить их.

Вот уже вся подводная лодка на поверхности примерно в 400 метрах от берега, тихо и уверенно приближается к цели. Раздевшись, связные бросаются в воду и плывут ей навстречу...

И вдруг неожиданно справа, со стороны сопки, в небо взвилась ракета и раздались выстрелы, полетели трассирующие пули по направлению лодки. Вспыхнули огни вражеских прожекторов. Со стороны Судака слышались артиллерийские выстрелы. Первый снаряд разорвался далеко от подводной лодки, второй - ближе, третий -

еще ближе. Подводная лодка, маневрируя, стала медленно погружаться в воду и вскоре совсем скрылась в глубине моря. Стрельба немецких орудий прекратилась.

Партизаны оказались в труднейшем положении. Что же делать дальше? Наступал рассвет. Идти до леса далеко. Противник обнаружил лодку и может начать прочесывание побережья. По указанию командира все партизаны, включая больных и раненых, отошли в ближайшие заросли кустарника и замаскировались. Здесь решили дожидаться вечера. Кругом выставили усиленные посты охранения, отряд был в полной боевой готовности.

Днем с моря подул холодный ветер, небо заволокло тучами, и как из ведра полил холодный дождь. С одной стороны, это было кстати: гитлеровцы в плохую погоду редко появлялись на берегу, а с другой стороны, промокшие до нитки люди зябли. Ночью с трудом вернулись на базу.

В последующие дни партизанам все-таки удалось построить небольшую посадочную площадку, куда стали садиться наши самолеты. Все раненые были эвакуированы, а снабжение партизан значительно улучшилось.

* * *

Феодосийский партизанский отряд вместе с другими отрядами первого партизанского района продолжал борьбу против гитлеровских захватчиков вплоть до освобождения Феодосии и всего Крыма советскими войсками.

12 апреля 1944 года войска Отдельной Приморской армии под командованием генерала армии А.И. Еременко при поддержке крымских партизан с боем вошли в город Феодосию.

Отгремели выстрелы. Закончилась Великая Отечественная война. Вернулись к родным и друзьям оставшиеся в живых воины. С первых же дней своей мирной жизни они встали в ряды активных строителей коммунизма.

Командир Феодосийского партизанского отряда Мокроус Иван Степанович персональный пенсионер, почетный гражданин города, награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалями.

Комиссар Феодосийского партизанского отряда Пономаренко Роман Максимович в настоящее время пенсионер республиканского значения, награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени и многими медалями. Он активно участвует в военно-патриотическом воспитании молодежи, часто выступает с докладами и беседами о героических подвигах защитников Родины - партизанах Крыма.

Мартынов Серафим Владимирович - персональный пенсионер, работает в партийной комиссии обкома партии, награжден несколькими орденами и медалями.

Начальник штаба Феодосийского партизанского отряда Колодяжный Емельян Павлович погиб от руки украинских буржуазных националистов. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и несколькими медалями. Его именем названа школа в селе, где он погиб.

Никаноров Василий Иванович работает председателем партийной комиссии Крымского обкома партии. Награжден несколькими орденами и медалями.

Давыдкин Иван Христофорович, полковник запаса, награжден несколькими орденами и медалями, в настоящее время является председателем Крымского областного бюро секции партизан.

Ручкин Александр Яковлевич - пенсионер, награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Есть в Феодосии теперь и улица имени Л.С. Прокопенко, названная в честь отважной партизанской разведчицы, и улица Н.М. Листовничей, посмертно награжденной орденом Ленина.

Более сорока партизан Феодосийского отряда получили высокие правительственные награды за мужество и героизм, проявленные ими в борьбе с врагом.

Как и в дни Великой Отечественной войны, бывшие партизаны верны традициям боевой дружбы и взаимопомощи. После окончания войны при Военно-научном обществе Феодосии была создана секция партизан. Члены секции выступают с докладами и беседами о героических подвигах защитников Родины, публикуют статьи в местных газетах о боевых делах партизан в годы Великой Отечественной войны. Не забывают бывшие партизаны и об увековечении памяти своих товарищей, погибших в боях с фашистами.

СОДЕРЖАНИЕ

А.С. Федотов. С разведки начинается бой

Разведгруппа добывает важные сведения
Засада в Вороньей лощине
Две вылазки разведгруппы
Разведчики уходят в поиск

А.С. Федотов. В тылу вражеских войск

Парашюты в ночном небе
Первые успехи и неудачи
Снова через линию фронта

С.П. Колдашев. Разведгруппа в тылу врага

На пути к цели
В поисках базы
Первые вылазки
Помощь патриотов
Захват «языка»
Разведгруппа продолжает действовать

С. П. Колдашев, Р. М. Пономаренко. С помощью партизан

Кизильташ - место базирования
Активные действия начались
Разведка вражеского гарнизона
Колдашев С. П. и др.

Действия войсковых разведчиков. М., Воениздат, 1974.

В этой книге на поучительных примерах из боевой практики разведывательных подразделений (групп) и отдельных разведчиков показаны способы и средства добывания разведывательных сведений в тылу противника, организация и техника проведения поисков и засад в различных условиях местности и погоды, днем и ночью,

рассказывается о том, как надо готовиться к переброске через линию фронта, чтобы успешно выполнить задание командования.

Авторы повествуют о мужестве и взаимной выручке воинов-разведчиков, их военной хитрости и находчивости в годы Великой Отечественной войны.

Книга представляет интерес для воинов Советской Армии, допризывной молодежи и многих читателей.

Серафим Петрович. Колдашев,

Роман Максимович Пономаренко,

Анатолий Сергеевич Федотов

ДЕЙСТВИЯ ВОЙСКОВЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

Редактор В.Т. Емельянов

Художник Е.И. Селезнев

Художественный редактор В.Н. Ключева

Технический редактор Е.К. Коновалова

Корректор В.В. Квятковская

OCR - Андрей из Архангельска

Ордена Трудового Красного Знамени

Военное издательство Министерства обороны СССР

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

[1] Здесь и в последующих разделах фамилии пленных условные.

[2] Фамилии этих двух разведчиков и некоторых других лиц, которые будут упомянуты в тексте, изменены, так как автор не смог разыскать всех участников событий.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945гг. Воениздат, 1963, т. 2, стр. 355.

[4] И.Н. Черный. Данные достоверны. Воениздат, 1972, стр. 201.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

09.03.2015